

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 4
Volume 4 | 2018

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULTS.
SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 4. № 4. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 4. № 4. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая секцией теории и методики хореографического искусства кафедры хореографического творчества факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Section of Theory and Methods of Choreographic Art of the Department of Choreographic Creativity, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Факультета гуманитарных наук / Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHEVSKY, Doctor of Philology, Professor, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Faculty of Humanities / the School of Philosophy, of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

*Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*

*Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год*

*Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education
«Belgorod National Research University»*

*Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Щербакова М. И. Рифы юности. Дополнения к ранней биографии Н. Н. Страхова	4	Shcherbakova M. I. Reefs of youth. Additions to the early biography of Nikolai Strakhov	4
Братина Б. Р., Братина В. Гипертрофированное Я: ego cogito à la Serbe	11	Bratina B. R., Bratina V. Hypertrophied Ego: ego cogito à la Serbe	11
Живкович Д. Р. Природа и значение исследования творчества Милорада Павича профессором Дамьяновым	30	Živković D. R. Nature and importance of the research of creativity of Milorad Pavić by professor Damyanov	30
Алексеева Е. В. Исповедь как тема коммуникации на платформе YouTube (на примере православных приходов города Екатеринбурга)	39	Alekseeva E. V. Confession as a theme of communication on the YouTube platform (on the example of the orthodox parishes of the city of Yekaterinburg)	39
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Быстрицкий Н. И. История и конвергентные технологии	52	Bystritskiy N. I. History and convergent technologies	52
Шведова И. В. Понимание времени в традиционной народной культуре и актуальных этнокультурных практиках (Опыт герменевтической реконструкции)	67	Shvedova I. V. Understanding of time in traditional ethnic culture and modern ethnocultural practices (The experience of hermeneutic reconstruction)	67
Давтян Д. В., Хрипков К. А. Мотивационно-оценочный критерий готовности населения к осуществлению гражданского контроля на местном уровне	76	Davtyan D. V., Khripkov K. A. Motivational and estimation criterion of willingness of people to provide the civilian oversight at the local level	76
Шекера Е. А. Классические теоретические основания исследований маргинальности на примере взаимодействия с мигрантами в урбанизированном пространстве	83	Shekera E. A. Classical theoretical basis for the study of marginality on the example of interaction with migrants in the urbanized environment	83

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 82

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-1

Щербакова М. И.

РИФЫ ЮНОСТИ. ДОПОЛНЕНИЯ
К РАННЕЙ БИОГРАФИИ Н. Н. СТРХОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
Поварская ул., 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация; info@imli.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные эпизоды ранней биографии Н. Н. Стрхова. На основании архивных документов дается характеристика событиям, повлиявшим на развитие его личности. Изложены новые факты о семейном окружении Стрхова, об отношениях внутри семьи – в том числе и конфликтных, трагических. Показано, что сверстники – Стрхов и Толстой – прежде чем в 1870 г. началось их творческое сотрудничество, прошли сходный путь на раннем этапе жизни.

Ключевые слова: Николай Стрхов; Белгород; биография; архивные источники; Нафанаил (Савченко); Л. Н. Толстой; Киевская духовная академия.

M. I. Shcherbakova

REEFS OF YOUTH. ADDITIONS TO THE EARLY BIOGRAPHY
OF NIKOLAI STRAKHOV

Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences, 25a
Povarskaya St., 121069, Moscow, Russian Federation; info@imli.ru

Abstract: The article describes some episodes from the early biography of Nikolai Strakhov. On the basis of archival documents, the author provides a description of events that have influenced the development of his personality. The article describes some new facts about the family of Strakhov, about relations within the family, including the conflict and tragic ones. It is shown that the peers – Strakhov and Tolstoy – before their creative collaboration in 1870 began, had gone a similar way in early life.

Key words: Nikolai Strakhov; Belgorod; biography; archival sources; Nathanael (Savchenko); Leo Tolstoy; Kiev Theological Academy.

Главные вехи биографии юноши Стрхова таковы. Родился в 1828 г. в Белгороде. После смерти отца в 1834 г. воспитание мальчика взял на себя его дядя по матери – иеромонах Нафанаил (Савченко), переведенный вскоре ректором семинарии в Кострому, где, начиная с 1839 г. (то есть с десяти лет), Стрхов

обучался на отделении риторики, а затем философии. В 1843 г., в сане архимандрита, о. Нафанаил был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Стрхов, чтобы продолжить образование сначала в Университете, а затем в Главном педагогическом институте.

Эта лапидарная справка вполне

может быть расширена на основании материалов из основных фондов Стрхова прежде всего, в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины в Киеве (в нем почти три тысячи единиц хранения), а также личных фондов Н. Н. Стрхова в Институте русского языка и литературы (Пушкинский Дом), Российском государственном архиве литературы и искусства, Российской национальной библиотеке.

Заслуживает внимания дневниковая запись Стрхова от 19 октября 1844 г.: «Чудеса, да и только. Недавно я помолодел одним годом. С декабря прошлого года я считал себе 16 полных лет: я считал годы от именин до именин, потому что не знал дня моего рождения. Приезжаю в Петербург, здесь нахожу мою тетеньку Катерину Ивановну. Однажды она стала удивляться тому, что я считаю себе шестнадцать лет, тогда как по ее расчетам мне только 15. Считали, рассчитывали, и вышло, что действительно, мне только 15 лет. Впрочем, я могу уже считать себе и 16, так как мое рождение было в октябре, по словам тетеньки. Но все же приятно сбросить с себя один лишний годок; я ужасно боюсь быть стариком»¹.

В справочной литературе утвердилось дата рождения Стрхова 16 октября; она же высечена на могильном памятнике. В материалах «К биографии Н. Н. Стрхова», составленных И. П. Матченко, биографом, издателем, близким родственником и наследником бумаг, обнаруживается поправка: 17 октября². С детских лет Стрхова, согласно православной традиции, отмечались его именины – 6 декабря ст. ст., когда Церковь празднует память свт. Николая Чудотворца. День и даже год своего рождения Стрхов уточнил позднее, о чем и свидетельствует дневниковая запись.

В истории отечественной словесности имя Стрхова накрепко связано с име-

нем Л. Н. Толстого. Они объединены многими скрепами, предыстория которых обнаруживается задолго до знакомства и первой встречи писателя и критика. Толстой был старше Стрхова на полтора месяца; как и Стрхов, осиротел в раннем детстве: его мать, Мария Николаевна, умерла в 1830 г.; отец, Николай Ильич, – в 1837 г., оставив детей на попечении тетушек, мало приспособленных к воспитанию детей. В Толстом нашли свое продолжение такие знатные русские фамилии, как Волконские, Трубецкие, Горчаковы, Щетинины, Чаадаевы, Ртищевы.

Родовые корни Стрхова находились в ином сословии; он образно обозначил их в черновом наброске «По праздникам»: «Я родился от русской крови. Мой отец – духовного звания, а духовные наши – коренные русские. Но мать моего отца была гречанка; но я родился от малороссиянки, которой дед был родовой казак, а мать – из польского семейства. Сколько разнообразности влияний!»³ Стрховы, Савченки, Липенские внесли свою лепту в историю православного Белгорода и шире – Русской Православной Церкви. Одно из первых мест в школе семейных ценностей занимало хорошее образование.

Отец Стрхова – Николай Петрович († не позднее 1834) – учился в 1818-1823 гг. на первом после обновления курсе Киевской духовной академии. Его однокурсником был Иван Алексеевич Борисов, будущий Иннокентий (1800-1857), архиепископ Херсонский и Таврический. По всеобщему признанию – и преподавателей, и студентов – имя Борисова во всех разрядных списках студентов следовало писать на первом месте, «потом оставить несколько мест незанятыми и только после этого писать лучшего из товарищей Борисова – Ставрова» [1, с. 1601]. Еще один однокурсник Н. П. Стрхова – Феодосий Иванович Радкевич (1798-1867), будущий

¹ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5268.

² ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5284.

³ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5277. Л. 15 об.

Поликарп, епископ Орловский и Севский. Он был настоятелем русской посольской церкви в Афинах, в годы Крымской войны – настоятелем Бахчисарайского Успенского скита, Балаклавского Георгиевского монастыря; Иннокентием (Борисовым) хиротонисан во епископа Одесского, викария Херсонской епархии; в 1857 г. был начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Академические успехи Н. П. Стрхова были изрядными: он значится в числе 15 выпускников, окончивших Академию со степенью магистра богословия – 11-м в разрядном списке.

Родной дядя Н. Н. Стрхова по матери – Николай Иванович Савченко (1799–1875) – также был выпускником Киевской духовной академии. Он учился на втором курсе (1821–1825) и также получил степень магистра богословия – шестым в разрядном списке. Впоследствии, овдовев и приняв постриг с именем Нафанаил, он много и достойно потрудился на благо Русской Православной Церкви. Поочередно занимал должности: инспектора нескольких семинарий, в том числе и Костромской, куда ему привезли племянника. В 1843 г., уже в сане архимандрита, был вызван в Петербург. Следом за ним поехал и Стрхов, чтобы поступить в высшее учебное заведение. В последние годы жизни Нафанаил возглавлял кафедру Черниговскую и Нежинскую; был возведен в сан архиепископа.

«Другими лицами, к которым Н. Н. относился с уважением, и которые имели большое влияние на его воспитание, были: протоиерей Иоаким Илларионович Липенский, брат бабушки Н. Н-ча; протоиерей Иоанн Трофимович Савченко, дедушка Н. Н-ча по матери и его восприемник. (Восприемницей Н. Н-ча была игуменья Белгородского девичьего монастыря Магдалина.), – свидетельствовал в материалах «К биографии Н. Н. Стрхова» И. П. Матченко. – Из посторонних же – “благодетельница” Анна

Ивановна Васькова и особенно о. Иоанн Сквский, которого Н. Н. называет “любезнейшим учителем и благодетелем”»⁴.

Событием, во многом определившим судьбу Стрхова, стала ранняя смерть отца. Свои ощущения и состояния этих скорбных дней Стрхов помнил всю жизнь и описал в незавершенной автобиографической повести «Последний из идеалистов». Мария Ивановна Стрхова была слишком молода (24 года), чтобы самостоятельно поднять сыновей Петра, Николая, Павла и дочь Антонину. Для понимания определяющего значения ранних лет жизни Стрхова для его дальнейшей судьбы важно учитывать влияния ближнего круга, укорененного в Белгороде.

Первым справедливо назвать архиепископа Нафанаила (Савченко), родного дядю по матери. На его содержании и воспитании осиротевший мальчик оказался вскоре после смерти отца. Ему посвятил одно из ранних стихотворений «Христос воскрес», подписавшись: «облагодетельствованный вами племянник Н.С.». Как монах Нафанаил, судя по сохранившимся сведениям, был образцовый. Однако как воспитателю ему далеко не всё удавалось.

Ключевую роль в жизни юного Стрхова сыграла его ссора с Нафанаилом. Летом 1846 г., уже в Петербурге, пристрастившись к загородным прогулкам для сбора гербария и насекомых, Николай Стрхов однажды заночевал у приятеля, что вызвало гнев преосвященного, которому обо всем сообщил повар Николай. «Надобно вам сказать, – писал Стрхов о. Иоанну Сквскому, – что этот Николай – пьяница и силач с атлетическими формами, физиологического темперамента, как говорит Куторга. Однажды он вздумал распорядиться моим табаком, и когда я запретил ему это, он, пьяный, вздумал говорить мне грубости. Тогда я сказал ему, что если он еще раз возьмет мой табак, то я ему рожу разо-

⁴ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед.хр. 5284. Л. 2об. - 3.

бью (студенческое выражение). Он замолчал и донес на меня не в том, что я курю (преосвященный давно это знает), но в том, что я не ночевал две ночи и грозил ему»⁵.

Чтобы смирить племянника, преосвященный велел ему на коленях просить прощения у повара Николая. Последовал отказ. «Потом преосвященный отдал следующее приказание, – сообщает Страхов, – мне никуда не ходить; давать мне хлеб и воду; гонять моих товарищей, если они придут ко мне. <...> На четвертой неделе случились вещи гораздо невероятнее предыдущих. В одно прекрасное утро преосвященный позвал к себе Петю⁶ и чрез него предложил мне написать прошение об увольнении меня из университета с тем, чтобы отправить в Белгород»⁷. Далее выдвигался целый ряд условий.

«Неужели я обязан благодарить человека за кусок хлеба, тогда как он убивает во мне всю силу души, всю свободу воли и мышления? Человек, с самого малолетства находящийся под гнетом деспотизма, падает духом и телом; он – не живой человек, он становится существом странным, бесцветным, которое не имеет ни твердых правил, ни живости мысли, ни решимости воли, ни силы ума. Все это убито, уничтожено!»⁸

Врожденный темперамент, юношеский задор заметно подогрели конфликт.

С определенной долей вероятности к этому периоду – второй половине 1840-х гг. – можно отнести письмо из Киевского фонда Страхова. Оно значит как письмо неизвестного к о. Нафанаилу⁹. Это черновик, край опален огнем. В письме много биографических подробностей частной жизни Николая Ивановича

Савченко. Главная тема – обвинение в бездушии, бессердечном отношении к родственникам, в частности, к воспитанникам-племянникам Страховым. Почерк, стиль и манера изложения Н. Н. Страхова.

«Не имеют ли они права сказать, что Вы больше им сделали зла, чем добра, что Вы, приняв их по необходимости, не наблюдали за ними, давили их своим деспотизмом и испортили, может быть, будущность обоих...»¹⁰

«Когда я увидел их обоих первый раз, они были так робки, так запуганы и неловки, что я удивился высокой нравственности, преподанной им Вами. И это останется на всю жизнь, не забудьте – Попечительный Воспитатель. Человек, вышедший из-под Ваших рук, никогда не будет иметь своей воли, никогда не будет иметь развязности и свободы – во всех своих действиях. Смелость мысли, сила души уничтожена навсегда! – не забываете, как много значит – навсегда! Не забываете, какое зло – подавить развитие человека! Еще младший Страхов по живой натуре освобождается от влияния Вашего, но от старшего ничего нельзя надеяться. И в этом виноваты Вы, слышите ли, Вы!»¹¹

Родственник И. Ольшевский пытался загасить пламя ссоры. Он писал братьям Петру и Николаю Страховым: «Милые мои дети, Петя и Никола! Вы молоды, неприятности должны испытать. Это еще начало того, что вас ожидает впереди – не бойтесь, *хуже будет*, но вы, научась терпеть, не заметите степени и переходов». И далее – отдельно Николаю о дяде: «...напротив, он слишком любит тебя и боится за тебя ужасно, чтоб *не развратили* тебя знакомые твои в душе невинной твоей. <...> твой дядя, сам ты видишь, последнюю копейку дает Вам. Ты скажешь, что теперь не столько у него расходов на Вас, а я в ответ: велики его издержки и теперь, а прежде? а еще

⁵ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18903.

⁶ Страхов Петр Николаевич, старший брат Н. Н. Страхова.

⁷ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18903.

⁸ Там же.

⁹ ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 26.

¹⁰ Там же. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 7 об.

впереди! Терпи, казак, атаманом будешь. <...> Не рвись на волю, гляди, чтоб теперешняя *цель* не показалась после сахарным конфетом! Впрочем, если есть кондиция, хорошая, и ты будешь сам хорош всегда, не увлечешься примерами *соблазна*, ступай с Богом, и дядя на это ни слова»¹².

Видно, что противостояние отцов и детей, точнее – далеко не утратившего силу старшего поколения и незаметно повзрослевшего младшего, развернулось на педагогической почве. В младших хотят воспитать дух кротости, терпения и смирения, видя в этом, не без основания, залог благочестия. Так было всегда. А они, младшие, дерзко заявляют о своем собственном взгляде на жизнь. «Опыт – лучший учитель, но суровый, – предупреждал из Костромы своего подопечного о. Иоанн Сквирский, – это лишь начало несчастий, которые каждый человек должен испытать в своей жизни. Сколько гениальных людей погибли от неводержности в молодые годы. Почему я вам и повторяю: не доверяйте самому себе. При настоящем положении вы более подвержены опасностям, чем в детстве... Как жаль, что я не с вами!»¹³ И дальше, как духовник, о том, что человек сам строит биографию души. «Но горе вам, если вы не победите ваши страсти в это время! Вы должны хорошо запечатлеть в вашем сердце ту великую истину, которой никто не оспаривал, что “от скромной молодости зависит долгая и здоровая старость”»¹⁴.

Летом 1846 г. о. Нафанаил отправил племянника в Белгород, предоставив право матери (своей сестре) решать судьбу сына. О переживаниях и решении Марии Ивановны 11 сентября писала Петру Стрехову в Петербург его белгородская родственница Мария Карпенко.

«Маменька твоя думает привезти Николю опять в университет, где он и был;

отчего тетеньке плохо жить, я не знаю, потому что я с ними была еще очень мало времени; но я знаю только то, что их очень огорчил приезд Николи и они очень сердились на тебя, отчего ты прежде не написал к ним, что дяденька на него так давно сердится и что Николя тебя не слушает, вот эти слова твоей маменьки; что они похудели, это тоже правда. Преосвященный прислал денег 175 рублей ассигнациями, но их получил дедушка, когда маменька уже выехали из Белгорода, и поэтому не знаю, мало или нет. Тетенька же, выезжая, заняли, но где и сколько, не знаю; вот тебе всё, что я знаю; что тетенька печальна и никогда не бывает весела, ты это сам увидишь, но отчего, я не успела узнать, потому что была с ними очень мало времени»¹⁵.

Еще раз заглянем в параллельно развивающуюся линию жизни Толстого. Казанский университет, ректором которого был в ту пору Лобачевский, числил Толстого в своих студенческих списках только три года (1844–1847), затем «взрослая» жизнь с кутежами, игрой, охотой, пока весной 1851 г. не выехал на Кавказ волонтером в русскую армию.

Материальное положение Стрехова было иным, скромнее был и размах, но чувство обретенной свободы опьяняло так же.

Из письма друга Федора Оранского Н. Н. Стрехову в Белгород 1 сентября 1846 г.: «Теперь же поговорим о брюках. Для успешного романирования непременно нужны черные брюки, они гораздо скорее привлекут ко мне взоры девушки; ты сам никогда не скидывал черных брюк, даже и тогда, когда ходил в нанковом сюртучке; мои же старые брюки и коротки, и узки, и морщиноваты, и невольно возбуждают в нежном сердце отвращение и ужас. Итак, мой ангел, постарайся, как можно поскорее, переслать взятые тобою мои черные брюки. За фунт на почте берут не по пятиалтыннику, как я писал тебе в

¹² ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 19.

¹³ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 18897.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ИР НБУ, Киев. Ф. 330. Ед. хр. 25.

предыдущем письме, а по гривеннику. Итак, мой друг, невелико пожертвование четырьмя гривенниками для друга, а между тем, сколько ты мне доставишь этим радостей, от скольких избавишь хлопот»¹⁶.

Из письма Н. Н. Страхова от 8 августа 1849 г. ближайшему другу Ивану Алексеевичу Вышнеградскому (1831/1832–1895), впоследствии почетному члену Санкт-Петербургской Академии наук (1888), основателю научной школы по конструированию машин; в 1888–1892 – министру финансов: «Я думаю, тебя можно поздравить с маленькой бледностью в лице и с синевой под глазами? Меня ты не можешь с этим поздравить, но поздравь с гораздо лучшим: с открытием нравов, которых ни одна черта не встречалась ни тебе, ни мне, ни в каких физиологических и типических очерках, ни в каких нравоописательных и сатирических романах наших наблюдательных писателей, до сих пор смотрящих в ту сторону, куда посмотрел Гоголь. Но эти нравы очень резко мне напомнили «Лилые полусапожки», не знаю кого, «Мустанга» и другие романы Paul de Coq'a. Я тебе расскажу об них или еще лучше покажу. В четверг их будет две, и я очень жалею, что другая нехороша и нешаловлива, как Сусанна. Сусанна в четверг именинница. Кошелек мой пуст, я иду к Гёну и ворочусь вечером сюда. Да помогают тебе Амур, Купидон и Эрот!»¹⁷ Квартировал Страхов тогда в доме Иванова, около Поцелуева моста в Петербурге.

1851 г. стал для Страхова, как и для Толстого, рубежным. С серебряной медалью он закончил Педагогический институт. Золотую медаль никому не присудили; а вторую серебряную получил друг Вышнеградский.

Из письма к матери от 28 июня 1851 г.: «23 июня, когда раздали медали, было большое пирувань, хотя товарищ министра и уверял, что нам мало дали *пить*. Когда министр уехал, посадили

директора на стул и покачали; потом качали инспектора уже без стула, потом старшего надзирателя, причем, рассказывают, ему досталось немало толчков. От двух часов пополудни пировали до семи с криком, шумом, объятиями и слезами»¹⁸.

Дальше была служба во 2-й Одесской мужской гимназии учителем математики и физики и возвращение в Петербург за год до начала Крымской войны. Еще одно знаменательное сближение судеб: на севастопольские бастионы Толстой прибыл осенью 1854 г., подав прошение о своем переводе из Кишинева, где служил в штабе артиллерии Южной армии.

Поздней осенью 1851 г. в Одессу прибыл Нафанаил, в сане епископа Полтавского и Переяславского, о чем Н. Н. Страхов узнал от знакомых. «Тогда я прицепил шпагу, надел шляпу и пошел к нему, – писал Страхов матери. – Он принял меня очень ласково и дружески, сказал, что помнит свои обещания, что рад тому, что все хорошо кончилось, что прощает все прежнее. Он повеселел, помолодел, хвалил свое житье в Новгороде и радовался, что будет жить в Полтаве»¹⁹. Так завершилась семейная распря, в которой не оказалось ни победивших, ни побежденных. И вряд ли правомерны размышления о том, что было бы, если бы...

Начало 1850-х гг. ознаменовано как для Толстого, так и для Страхова литературным дебютом – автобиографическими произведениями, в которых отразился опыт их молодой жизни.

Осенью 1850 г., как и Толстой в 1852 г., Страхов послал в журнал «Современник» свою повесть «По утрам». Ее автобиографический характер несомненен. В письме к редактору молодой автор написал: «Вполне уверенный в высоком достоинстве этого сочинения и в тонкой проницательности

¹⁶ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 17734.

¹⁷ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19191.

¹⁸ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19084.

¹⁹ ИР НБУ, Киев. Ф. III. Ед. хр. 19083.

редакции, я не сомневаюсь в благосклонности ее суда. Особенно, если редакция, как мне бы весьма желательно было, будет смотреть на рукопись с высшей психологической точки зрения, как на проявление умственной и нравственной деятельности человека в данных обстоятельствах, в данный момент его жизни» [2, с. 85].

Надо отметить, что первое письмо Толстого к Некрасову звучало смиреннее и почтительнее. Видимо, сказывалась среда, воспитание, навыки светского общения.

Авторский замысел Стрхова заключался в том, чтобы сначала яркими красками изобразить «возмутительные пробуждения чувственности, смущавшей некогда холодные занятия» героя, а затем, после некоторой борьбы, торжество духа над телом. Увлечения молодости неизбежны, но они, как показано в повести, мимолетны и, главное, не могут заглушить духовные порывы. Герой отказывается от увлечений «без грусти и тоски» и старается «воспитать в себе строгость мысли и чувства, строгость, оскорбляемую этими воспоминаниями». «Не должно ли, – спрашивает он, – изменить всю деятельность нашу, от ее начала до конца, или, по-прежнему, есть, спать, грешить и, одним словом, делать всё то, что называется жизнью?»²⁰

Н.А. Некрасов, прочитав повесть, размашисто синим карандашом начертил на титульном листе: «В авторе есть талант, слог его также хорош, манера довольно оригинальна. Но напечатать этой повести нельзя – цензура найдет ее скандальной, безнравственной – и зарубит» [2, с. 86].

Хотя повесть и не была напечатана в «Современнике», ее замысел ясно обозначил начало пути, пройденного будущим критиком и философом до встречи

с Толстым, до «Войны и мира»; пути к пониманию, которое нашел Толстой в сердце Стрхова и которым так дорожил всю жизнь.

Литература

1. Георгий, иеромонах. Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический // Таврические епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1900. № 22, 15 ноября.

2. Назаревский, А. А. Пометы Некрасова на рукописи Н. Н. Стрхова // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53-54. С. 85-87.

References

1. George, hieromonk (1900). "Vysokopreosvyashchennyy Innokentiy, arkhieypiskop Khersonskiy i Tavricheskiy" [His Eminence Innocent, Archbishop of Kherson and Tauria], *Tavricheskiye yeparkhial'nyye vedomosti*, no. 22, November 15.

2. Nazarevsky, A. A. (1949) "Pomety Nekrasova na rukopisi N. N. Strakhova" [Litters of Nekrasov on the manuscript by N. N. Strakhov], *Literaturnoye nasledstvo*, vol. 53-54, Moskva: 85-87.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Щербакова Марина Ивановна, доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация; info@imli.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Marina I. Shcherbakova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Classical Literature Department, Institute of World Literature named after Maxim Gorky, Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaia St., 121069, Moscow, Russian Federation; info@imli.ru

²⁰ ИР НБУ, Киев. Ф. I. Ед. хр. 5285.

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-2

Братина Б. Р.¹,
Братина В.²

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE¹

¹⁾ Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице,
Филипа Вишњица бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия;
bokibor@yahoo.com

²⁾ Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000,
Республика Сербия; *ubuntera@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношениях сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

Bratina B. R.¹, Bratina
V.²

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

¹⁾ University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica,
38220, Serbia; *bokibor@yahoo.com*

²⁾ University of Belgrade, 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia; *ubuntera@mail.ru*

Abstract. The article presents a historical, philosophical, and cultural research into

¹ Окончание. Начало статьи см.: Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. № 1, 2016. С. 20-29 и «Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. № 4, 2016. С. 4-13.

the creative work of Vladimir Dvorniković (1888-1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego.

Гипертрофированное Я

Рассмотрение психологического типа «всезнайки» в контексте нации, в которой «каждый всё знает и всё может», предваряет в нашей работе переход к проблеме сербского *ego*. Тут необходимо более подробно остановиться на еще одной особенно ярко выраженной индивидуалистической черте сербского характера, которую мы уже неоднократно упоминали в нашей работе, и которая, особенно в историческом плане, нашла свое отражение в процессе распада общины (так называемой задруги). Каждый из тех, кто еще вчера был ее членом, после распада сразу захотел построить себе отдельное жилище на собственной земле (особине). Сама эта «особина» находит свое воплощение в преувеличенной и часто бессмысленной воинственности и в духе конкуренции среди сербов, в то же время давая начало минимизации способности к сотрудничеству в противовес развитию исключительной конфликтности сербского национального характера. Эту «особину» как характерную черту, или, лучше сказать, ее ядро, мы, следуя Дворниковичу, назовем «гипертрофированным Я», что в дословном переводе означает «перекормленное» (*трофí* = пища),

чрезмерно увеличенное *ego*. Именно это знаменитое сербское «я, да я», всегда суетное, практически солипсическое, никогда не готово признавать право другого, рассматривать его наравне с собой. Сам Дворникович, говоря скорее о склонности к гипертрофии личного Я, чем о его ясном выражении, употребляет словосочетание «гипертрофированное Я» (Дворникович 1939, с. 804)¹. Однако мы считаем, что процессы, которые обусловили формирование данной реактивной склонности, не только до сих пор активны, но и оказали решающее влияние на формирование структуры сербской психологии; поэтому сегодня правильнее говорить о гипертрофированном сербском *ego*, чем о его

¹ Также он говорит не только о «гипертрофированно героической позе», но и о «слишком увеличенном», «искаженном и постоянном Я», то есть об эгоцентричной чрезмерной чувствительности в сербском, южнославянском характере. Однако более ранние тексты Дворниковича, представленные в книге «Борьба идей», в которых рассматривается проблема гражданского лицемерия и формировании гражданского общества в современный ему период, свидетельствуют о том, что автор осознавал, что эта склонность в условиях гражданского общества становится всё более преобладающей (Дворникович, 1939, с. 330, 800; Дворникович, 1937, с. 133–149, 157–183).

склонности к гипертрофии. Тем не менее, если рассмотреть то, как проявляется этический характер серба (как сделал это Дворникович), и если мы берем в рассмотрение современные обычаи, мы можем сделать вывод, что все негативные сербские особенности проистекают из одного источника, который больше не является нормой или предписанием, но уже актуальным гипертрофированным Я. Прежде всего, гипертрофия героизма как источника воспоминаний о славных днях сербской истории, затем эгоцентричность как типичный рефлекс долгого порабощения, и, наконец, реальное отчуждение неолиберального капиталистического общества – «наслоились» одно на другое, создавая типичную реактивную форму сербского национального характера: гипертрофированное Я. Следуя тезисам и отправным точкам Дворниковича, мы пойдем несколько дальше и, включив в исследование и нашу современность, объединим результаты его исследований в резком тезисе, в котором гипертрофию *ego* мы рассматриваем не только как диспозицию (правило поведения), но как настоящий результат филогенетических и онтогенетических процессов в формировании сербского характера.

Однако, чтобы понять явление гипертрофированного Я, для начала необходимо понять исторические причины и условия его формирования. Дворникович ясно определяет две главные причины гипертрофии некогда героического характера: долгое порабощение и патриархальную мораль. В действительности, в конечном счете речь идет о единственной причине: долгом порабощении. И хотя патриархальная мораль и сегодня глубоко укоренена в нашем народе (надо признать, в девиантном состоянии), и хотя она остается определяющей для сербской психологии, она больше не обладает своим *raison d'être*², исходя из того, что ее

главной ценностью был дух единства, который заключала в себе общинная организация задруги, а не *a priori* андрократия. По правде говоря, уже сама христианская религия обеспечила владычество мужчин, как и преимущественно феодальное (деспотическое) наследие. При этом и сама патриархальная мораль представляет собой реактивную (хотя при этом не обязательно негативную) мораль, которая развилась как метод приспособления и выживания в условиях постоянной и долговременной угрозы со стороны неприятелей. В условиях такого «чрезвычайного положения» произошел временный отход от усвоенных отношений равноправия и демократического способа принятия решений (традиционная славянская соборность, соборность как национальная добродетель), а главную заботу о сообществе, ответственность за него и авторитет взяли на себя те, кто имел больше всего сил, чтобы ее защитить – мужчины; то есть на уровне семьи (общины или задруги) – отец. Преобладание мужчин берет начало именно из исторического периода порабощения, как и из периода, когда Сербия была вассалом Византии: от типовых черт тех обществ, которые господствовали над сербами или которые оказывали на них влияние. Так, например, если мы говорим об общине (задруге), глава дома являлся членом сельского вече, на котором выбирался сельский староста (кмет). Кмет, говоря современным языком, – это человек, ответственный за взаимодействие с турками, который признан турками и уполномочен главами домов принимать решения (по договоренности с главами домов) по поводу подати туркам. Он принимает на себя давление турок и передает их требования главам домов, а они своим сыновьям и женам. То же самое можно сказать и когда речь идет о влиянии Византии: эгалитарные славяне при контакте с Византийским царством и под его воздействием основали княжества

² Фр. «смысл существования». – Прим. ред.

и королевства вместо прежних равноправных сообществ. Напомним, что военная аристократия у древних славян играла только ситуативную роль, и лишь тогда, когда сообщество находилось в опасности.

Таким образом, патриархальная мораль сербов уже в самом начале являлась защитной моралью. Как отмечает Дворникович, все идеалы среды, в которой возникла эта мораль, должны были стремиться к единственной главной цели: неустрашимой храбрости и долговременному сопротивлению (Дворникович 1937, с. 55]. В ней преобладало и безусловное уважение старших, общность (член сообщества мог выжить только в сообществе, верить только «своим» и полагаться только на «своих» и «свое»), героический и боевой дух и честь (совесть), правдолюбие и свободолюбие, готовность к полному самопожертвованию – как за общину, так и за высшую цель (примером тут может быть знаменитый Косовский завет). Развивается ярко выраженная мораль борьбы, в которой высшей добродетелью являются верность и солидарность, а также отважное постоянство. Дворникович отмечает, что каждый индивид должен был быть и воином, и верным товарищем, чтобы представлять собой «ценную морально-боевую единицу» общества; речь шла, как говорит Дворникович, о «морали в военном лагере, в который превращались большие семьи» (Дворникович 1939, с. 796-797). Но патриархальная мораль «задруги», в отличие от гражданской морали, не была ханжеской. В ней преобладали различные свободы, некоторые из которых (в частности, сексуальная раскрепощенность) сегодня рассматриваются как заимствованные извне.

«Задруга» является интеграционной формой, характерной для сербского общества. Сама по себе она не является приращенной: всегда, когда сербы были свободны, они жили автономными

семьями. Поэтому патриархальная мораль, которая возникла как способ адаптации и реакции на изменившиеся условия, некоторыми своими чертами может обуславливать и негативный эффект. В остальном, об этом говорит и Дворникович: «...добродетели патриархального мира не могут быть так просто перенесены в постпатриархальную общественную систему... В тот момент, когда они находят свое проявление в ином, более сложном и высокоорганизованном общественном устройстве, они теряют всю свою относительность и часто превращаются в тяжелые недостатки, серьезные социальные и моральные угрозы». Например, чрезмерная опора на «своих», «свое» становится варварством и примитивизмом с социальной, этической и государственной точки зрения, а в демократическом обществе ведет себя как растущая опухоль. Это является непосредственной предпосылкой коррупции, известной уже во времена Дворниковича (социальные типы карьериста и «паука»). Так же и некоторые другие характерные черты патриархальной морали, которые в свое время имели оправдание, такие как ненависть к неприятелю, злопамятство и мстительность, сегодня имеют исключительно негативное содержание. В частности, это можно увидеть на примере института кровной мести, который еще существует в отсталых краях и общинах страны. Тот, кто принужден к преступной «дани кровью», не может этого не помнить и не желать справедливости. У того, кто жил в подчинении господину, единственным, что у него не могли забрать, была его душа; тот, кто постоянно был под вражеским игмом, мог доверять только своим соплеменникам, и больше всего самым близким. Можно сказать, что в ходе порабощения, как этический идеал, сформировалась стоическая мораль. Однако особенности, которые развились на ее основе, в условиях мирного времени показали себя как контрпродуктивные.

Предпосылки будущего лицемерия гипертрофированного сербского *ego* возникают с переходом к гражданскому обществу, именно из некогда терпеливой стоической морали.

Некогда героическое, храброе и отважное, бескомпромиссное и пропитанное духом борьбы, чувствительное к обиде и готовое на жертву во имя совести, сербское *ego* в современном обществе от всего своего живительного самосознания сохранило (в основном) только эгоцентричную чувствительность и в этом смысле боевую позицию. Это отмечает и Дворникович: по его мнению, не только сербы, но и все так называемые «югославы» каждое предложение начинают с «я», и почти невозможно вести с ними беспристрастный, объективный разговор на любую тему. Всегда важно, что Я думаю о том и том, как Я это вижу, что Я сделал бы лучше, но только тогда, когда он сам не ответственен за данный предмет (Дворникович 1939, с. 800). Преувеличенное Я, которое о себе думает, что всё знает и может, одновременно и столь слабо, что всегда верит, что оно «под прицелом». Оно большей частью в состоянии обороны, ошетинено и оскалено, начеку и готово защищать целостность своей личности, в то время как другого человека рассматривает как «неприятеля» и всегда готово на него напасть для защиты личного «интегритета» (целостности). В отношении этой черты Дворникович говорит, что она представляет собой рефлекс былой недоверчивости к владетельному завоевателю, как и рефлекс патриархальной бдительности на страже чести и совести, но в некоем новом и чрезмерно акцентированном виде. Эта форма больше не имеет никакого отношения к защите достоинства. В этом Я от старинной славы его предков, которую оно без всякого на то право присваивает себе, осталось лишь то, что оно всегда отчаянно жаждет признания. Современное сербское *ego* не имеет

ничего, что можно было бы сопоставить с героическими усилиями Сербской революции, Первой и Второй мировой войны, кроме, разве что, ничтожества собственного существования. (Хотя это, строго говоря, не совсем верно: гражданское сопротивление в ходе бомбежек в 1999 году являлось героической борьбой за свободу. То, что сегодня многие не воспринимают это так – уже другой вопрос, который мы не станем рассматривать в рамках данной работы). Гипертрофия *ego*, в действительности, представляет собой «спасительное бегство» от атрофии или, еще хуже, от осознания таковой. Современный сербский субъект все больше приближается к образу западноевропейского или американского гражданина, который отличается бессмысленностью и нарциссизмом (см.: Леш 1986; Джейкоб 1981). Такую субъективность Бодрийяр верно описал при помощи встроенного желания мощи: в современном *ego* преобладает общая немощь, которая стремится к субъективации посредством безграничного стремления к безграничной мощи, чьим единственным выражением является пустое «хочу и могу». Тотальная мощь, как *Steingernde Potenz*³, является главным фантомом современного западного человека, безвестно существующего в обществе контроля (Bodrijar^{1991, 1994}).

Такое общество, к сожалению, сегодня является реальностью и в Сербии. Видимость демократического способа принятия решений, ложь о росте уровня жизни и выходе из кризиса, тогда как очевидно, что западный мир так же находится в яме, крылатое квазивыражение об «открытом обществе» и прозрачности, когда на самом деле прозрачным является только сам гражданин, в то время как система и ее процедуры остаются для граждан закрытыми, а сама демократия скатилась к легальному применению силы и т. д. – всё это представляет собой

³ Нем. «смердящая мощь». – Прим. ред.

условия, в которых гипертрофированное Я становится всё более выражено и унижено. Бессилие сербов столь велико, что часто они не в состоянии разглядеть собственные сильные стороны, хотя они у них есть. Таким образом, сербские честные мужи остаются совершенно неизвестными, кроме как в случае, когда они захватывают власть, как это сделали представители династии Неманичей, или как некоторые другие в более современной истории. Бессилие, которое имеет исторические причины, уже не может не проявиться как доминантное чувство после стольких веков страданий; в других ситуациях оно выглядит как разъяренное, бешеное стремление (или по крайней мере попытка) защитить это исторически измученное и некогда бывшее эпической величиной, а сейчас «сдувшееся» – гипертрофированное Я.

Рассмотрим еще некоторые особенности гипертрофированного *ego*, которые принимают форму специфического *Weltanschauung*, как тень нависающие над каждым сербским решением и предприятием (акцией). Мы, следуя Дворниковичу, считаем, что национальный характер формирует сознание человека, то есть специфический взгляд на мир отдельного народа. Это так же верно, как и слова о том, что взгляд на мир формирует мыслительные привычки; в случае гипертрофированного Я они становятся мыслительными усилиями. Затем, они обуславливают специфическое поведение, которое проявляется в типичной сербской слабой предрасположенности к сотрудничеству, в склонности к конфликту, себялюбию, иногда гигантомании, в чрезмерном реагировании и т. д. Такая чувствительность скрывает в своем ядре чувство неполноценности. Этот, по своей сути, Адлеровский «мотив» отмечает и Дворникович, однако он не принимает его за *a priori*, а находит его реальные исторические причины.

Рассмотрим одну особенно показа-

тельную черту сербского характера – завистливую и злобную ревность, о которой Дворникович говорит, что она развилась до несносной, нетерпеливой и выпяченной суетной агональности (Дворникович 1939, с. 801). В экстремальных, хоть и не редких случаях, по словам Дворниковича, она перерастает в ненависть, низость и даже предательство, о чем свидетельствует не только сербская история, но и эпическая поэзия. В ходе истории, вследствие сложной ситуации на Балканах, предательство вошло в балканский характер как таковой. Проблема предательства настолько показательна, что о ней говорит и Косовский завет, который ключевым образом определяет сербскую идентичность как европейскую идентичность. Собственно значение Косовского завета для сербского национального самосознания Дворникович описал в эссе «Сербская история и "вечная жизнь"» (Дворникович 1937, с. 77–83). Именно здесь выдвигается тезис о том, что Косовский бой был не только битвой за Сербию, но и за Европу. Таким образом, в отличие от некоторых квазиэкспертов, которые данный завет низводят до уровня мифа (мании) и видят в нем корень «сербского антиевропейского шовинизма» (естественно, «геноцидного»), Дворникович утверждает, что именно посредством Косовского завета (и благодаря ему) сербский народ выступает и идентифицирует себя как европейский народ *par excellence*. К этому же выводу можно прийти и независимо от Дворниковича, так как тот, кто борется за «святой крест» и «золотую свободу», борется за центральную европейскую идею – за свободу как самоотречение. Также нет необходимости напоминать, что именно предательство является центральным мотивом «Горного венца»⁴. В конечном итоге, и распад

⁴ «Горный венец» – серб. «Горски вијенац» – поэтический шедевр Петра II Петровича Негоша (1813–1851), выдающегося государственного и церковно-

Югославии, если говорить о внутреннем факторе, можно интерпретировать как предательство идеи югославянства, идеи «братства и единства», со стороны хорватов и словенцев (а также и так называемых мусульман, македонцев и черногорцев). Возможно, одним из самых поразительных фактов является то, что те, кто называл себя «ушташами»⁵ и совершил самые жуткие преступления против сербского народа, по происхождению в основном являлись сербами.

По Дворниковичу, серб предает из-за обиды и/или духа противоречия (как например, Марко Краевич⁶, который «из чувства противоречия принял сторону турок»). Он также добавляет, что предательство представляло собой «политический стиль деморализованных сербских феодалов» (как, например, Вук Бранкович⁷) (Дворникович 1939, с. 803). С этой же точки зрения мы можем рассматривать и предателей 2012 года: многие из них не обогатились, хотя действовали в интересах сербских неприятелей или работали на них. Только некоторые из них добились высокого положения, влияния и большого капитала. Другие же – те, кто в этом не преуспел, в действительности к этому и не стремились. Они любой ценой хотели только, чтобы их Я видели и слышали, чтобы их кто-то о чем-то спрашивал, и чтобы это Я, на фоне его общего

упрощения по модели «новой Европы», недостаточной образованности и профессионализма, все-таки могло чему-то явно давать оценку и его считали бы «значительным». Именно в этом смысле Дворникович, хотя и говорит о своем времени и о прошлом, выводит определение, имеющее неопределимое значение для нас и сегодня. По его мнению, предательство по своему значению определяется как «эксперимент изоляции»: «реакцией на сообщество, выходом из него и еще большей борьбой против него югослав отдает дань своей глубинной природе: склонности к гипертрофии личного Я... Поэтому многие югославы, если не формально, то в душе «предатели» и коварные враги своей среды. Есть ли где-то столько обиженных и огорченных людей, как среди сербов? Тут одно дополняется другим; результат ясно виден в нашем обществе» (Дворникович 1939, с. 804, курсив Дворниковича). Личная обида и неудовлетворенность, разочарование, как настоящее, так и мнимое ущемление достоинства являются главными мотивами предательства у сербов. Серб, как отмечает Дворникович, «в большинстве своем и практически по определению неудовлетворенный человек», в нем доминируют негативные и меланхоличные чувства, которые заставляют всё, что в нем есть позитивного (а этого в нем всё еще достаточно много), слишком легко пренебрегать, забывать и – предавать. Неслучайно перечень того, что схоже с сербским эпическим, героическим характером, открывает именно предательство. Дворникович добавляет, что диапазон чувств у сербов исключительно широк, и что их ритмика стремится к крайностям: от эйфорической радости до неизмеримой тоски, душевных страданий; от крайнего самопожертвования до откровенного пренебрежения к окружающим; от полной закрытости и недоверия к людям из своего окружения до чрезмерного, нередко подхалимского, гостеприимства по

го деятеля Черногории. Произведение насыщено философско-историческими идеями (впервые опубликовано в 1847 г.). – Прим. ред.

⁵ Хорв. – «повстанцы», «восставшие». – Прим. ред.

⁶ Историческое лицо, сын македонского правителя (краля), участвовавший в Косовской битве на стороне турок, но в образах сербской и болгарской народной поэзии выступающий борцом против турецкого деспотизма и всякой несправедливости. – Прим. ред.

⁷ Сербский правитель XIV века, имеющий спорную историческую репутацию. См., например: Миладин Стеванович. Вук Бранкович: герой или предатель? // Српска.ру. 25.04.2010. URL: <http://srpska.ru/article.php?nid=14054>

отношению к иностранцам; в конечном итоге, от героической готовности погибнуть за честь и свободу до предательства. В «Психологии южнославянской меланхолии» Дворникович приходит к такому же заключению, как позже и в «Характерологии»: в своей глубокой основе меланхолия, присутствующая в национальной музыке, и злопамятство в сербском этносе имеют одинаковые корни: «тоска, жалоба, так же как и болезненная обида, терзаются одним общим нервом» (Дворникович 1939, с. 823)⁸.

Рассмотрим еще несколько характерных особенностей, проистекающих из гипертрофии *ego* и особенно распространенных в сербских интеллектуальных кругах. О ленивой «гениальности» уже было сказано, как и о так называемом всезнайстве. Упомянутые черты, возможно, являются самыми серьезными симптомами гипертрофии. Отсюда и такая склонность к критике у сербов. Она не проистекает, как того следовало бы ожидать, из взращивания саморефлексивной культуры. Напротив, ее главный источник – это гипертрофированное Я, которое уже по самой своей природе противопоставляется акту саморефлексии и формированию и взращиванию культуры, основанной на этом акте. По Дворниковичу, югослав является прирожденным «критиком». Он также замечает, что праздность, зависть и злоба являются самыми частыми мотивами для наших людей критиковать чужую работу («чем медленнее человек работает, тем

быстрее он критикует и выносит вердикты»). В связи с осознанием данных условий Дворниковичу было ясно, как это может быть ясно и нам сегодня, что большую часть критиков составляют не настоящие и основательные исследователи данных проблем, а зачастую только бесталанные, малопродуктивные, анонимные ворчуны, в большой степени интеллектуально-бесплодные, которых (в соответствии с их суждениями) непривычное игнорирование действительности принуждает высказываться против кого-то. Дворникович открывает нам сущностную цель данной критики: «Кто вообще такой тот, кто так дерзко нападает со своей критикой на всех и каждого?» – в тот момент, когда задается такой вопрос, наш критик достигает свою цель: его имя ‘на слуху’» (Дворникович 1939, с. 660). Это та уродливая особенность, которую мы можем заметить и у некоторой части наших современных «интеллектуалов», которые создают себе «имя», втапывая в грязь труды других посредством своего псевдопрофессионализма и аргументации, на самом деле всегда поддержанной тем или другим мнением, но никогда самим собой и собственным мнением. Ясно, насколько это далеко от сартровского определения интеллектуала как профессионала, который ставит под сомнение границы собственной компетентности и трансцендирует их. Поистине невероятно, как мало тяжелый исторический опыт может значить для понимания собственного поведения, даже у так называемых интеллектуалов. Принимая во внимание данное сартровское определение, в период после Второй мировой войны и до наших дней мы можем по пальцам пересчитать интеллектуалов такого порядка. Большинство их – просто обижены и потому не заинтересованы в чем-либо, кроме своего материального благополучия.

В гипертрофированном Я необходимо искать и причину очень низкой способности к сотрудничеству

⁸ В особенности не прощается и не забывается обида – большая редкость те сербы, которые действительно прощают. Дворникович при этом отмечает, что такое злопамятство представляет собой «всего лишь один выраженный в моральной сфере элемент общей психофизической диспозиции интенсивных чувств, "негативное впечатление" в жизни». (Там же.) Другими словами, речь идет об еще одном способе выражения того самого гипертрофированного Я, которое обуславливает сербский взгляд на мир и понимание мироздания.

среди сербов. Современный серб, как и серб времен Дворниковича, не склонен к сотрудничеству. Он остается «гениальным индивидом», который на дух не переносит своего окружения и прикрывает пустоту собственного «величия». В целом, способность к сотрудничеству находится в прямой связи с социальной близостью, поэтому ее отсутствие является только следствием того самого процесса разобщения задруги, о котором мы писали. Гипертрофия Я приводит к отсутствию сотрудничества, что в свою очередь ведет к разрушению механизмов общественного посредничества, даже до степени солипсизма. Часто в этом случае говорят, что некто ведет себя так, «как будто он единственный человек в мире». В этом «как будто» заключается всё лицемерие некогда героического характера. Тем не менее, он является солипсистом в чистом виде, для него другой человек имеет значение только за счет «угрозы», которую он потенциально представляет для его Я; таким образом, другие признаются существенными только из-за собственной трусости или страха за собственную «значимость». Любой возможный партнер воспринимается в основном как неприятель или потенциальный предатель. Гипертрофированное Я сотрудничает только с теми, кто выше его на иерархической лестнице. Тут он будет унижен, неполноценен и «замкнут в себе», в то время как с равноправными будет вести себя дерзко, будет чувствовать собственное превосходство и будет навязывать свое знаменитое «я, да я...». Дворникович в качестве примера, хорошо иллюстрирующего то, как медленно и тяжело идет сотрудничество в среде сербских интеллектуалов, приводит факт, которым, как тенденциозным, воспользуемся и мы. Речь идет о том, что «Сербская королевская академия – как сообщает нам А. Белич⁹ – с 1894 года разрабатывает

большой Сербский словарь литературного и разговорного языка, однако изданный в 1913 году “Обзор” не был успешен ни с точки зрения обработки, ни с точки зрения систематизации материала, ни с точки зрения других лексических особенностей» (Дворникович 1939, с. 663). Добавим к этому, что, вероятно, по этой причине А. Белич начал в 1959 году новый проект, который должен был бы объединить все предшествующие словари, включая и спорный вышеупомянутый. Но и до сегодняшнего дня «новый» словарь (теперь в издании Сербской академии науки и искусства) завершен лишь наполовину¹⁰. Невозможно согласиться, что единственной причиной столь медленной работы было только богатство сербского языка.

В целом, сотрудничество представляет собой «больное место» сербского существования. Не только наши ученые и специалисты, но и бизнес-проекты дают в основном бедные результаты, так как партнеры руководствуются принципом «я, мне, моё», который древние греки описывали как способ мышления *idiotes*. Ярko выраженная манерность неудовлетворенности, которую выделяет Дворникович, имеет историческую обусловленность, а как ее негативное следствие, развился и материалистический и эгоцентричный взгляд на мир. Многие партнеры принимают участие в работе только ради личной материальной выгоды. То, что это именно так, можно определить и по тому, как на всё смотрят те, кто находятся вне рабочего и производственного процесса, а именно безработные. Часто в их среде, помимо праведного гнева и социально оправданной неудовлетворенности, можно наблюдать не

– сербский лингвист, председатель Сербской академии наук и искусств, член корреспондент Петербургской академии наук.

¹⁰ Милосавлевич М. Уникальное народное сокровище // *Глас јавности*, 29 ноябрь 2007 г., URL: <http://www.glas-javnosti.rs/clanak/glas-javnosti-29-11-2007/jedinstveno-narodno-blag>

⁹ Александр Белич (серб. Белић, Belić) (1976–1960)

амбициозное желание поменять общественный порядок, но лишь амбицию занять места тех, кто наслаждаются преференциями такого порядка, как ни было бы это плохо для других. Поэтому в Сербии сегодня нет широкого и явно выраженного народного протеста и революционных движений. Данная точка зрения является результатом квазисоциализма, через который прошли сербы, но который мы еще не отрефлексируем достаточным образом.

Однако гипертрофированное сербское Я как симптом больше всего находит выражение в этическом характере. Мы уже упоминали, что из патриархальной морали старославянских времен у сербов развилось сильное чувство справедливости. Однако Дворникович отмечает, что в повседневной жизни и в моментах, которые касаются его лично, серб громогласен в поисках правды только тогда, когда он – тот, в отношении кого имеет место несправедливость; когда же речь идет о ком-то другом, «голос справедливости в его душе значительно утихает, а часто и совсем замолкает» (Дворникович 1939, с. 815). Значит ли это, что сербы лицемерны? Да, поскольку очень часто они не готовы отстаивать правду других и вполноту так же сильно, как собственную. (Честно говоря, и более мудрые народы, например, евреи, не достигли подобной мудрости, так как не смогли поднять свою национальную жертву на универсальный уровень). Когда кто-то другой терпит неправду, серб нередко выругается и бессильно пожмет плечами, но зато будет «рвать землю», если в отношении него имеет место (или он решит, что имеет место) даже минимальная несправедливость. Такой дисбаланс имеет под собой не только лишь суетные причины. Дворникович пронизательно отмечает, что серб – это «тип человека слишком, который <...> занят самим собой. Кто сам много мучается и страдает, становится глух к другим – менее чувствителен и к своему, и

к чужому несчастью» (Дворникович 1939, с. 768, курсив Дворниковича). Тяжелые исторические условия жизни (а не особенности динарских территорий и географических условий) способствовали тому, что сербы стали зачастую нечувствительны ко всему, кроме вопроса собственного биологического выживания. Отсюда и выраженная асимметрия в сербском этическом существе: *у него большие требования к другим, но ни одного к себе*. Этика, к которой призывают, и этика, которой следуют в южнославянской среде, как отмечает Дворникович, в значительной мере расходится (Дворникович 1939, с. 814). Когда другие крадут, используют социальные связи, чтобы продвинуться, и тому подобное, серб это страстно осуждает, а когда сам делает то же самое, оправдывается тем, что «и другие бы делали то же самое, если бы у них была возможность»; когда он сам намеревается делать что-то подобное, то считает, что проявляет находчивость и мудрость.

Вековая борьба за простое выживание привела к тому, что гипертрофированное сербское Я строго придерживается герцеговинской народной мудрости: «у богатого хозяина и коровы мудрые». Дворникович в этой связи подробно описывает алчность и жадность югослава, его лживую набожность и склонность к благопристойности и моде (как в пьесе «Госпожа министерша»¹¹), как и преувеличенное презрение к бедности и людям из села, которые лишь свидетельствуют о комплексе и стыде того, что они сами происходят из этой среды. Относительно недавние события, когда один из сербских политиков потратил на бутылку вина пять тысяч евро, является типичным примером такого комплекса. В несколько иной форме эта же рефлексия

¹¹ Пьеса Бранислава Нушича (1864-1938), сатирическая комедия нравов (1929), многократно поставленная, в том числе, в советских театрах; большой успех имела также югославская экранизация 1958 г.

видна и у некоторой части нас самих, где абсолютно возобладали мода следовать новейшей доминантной идеологии в том, что касается формирования фундамента индивидуальной философии. Само по себе это не было бы примечательно, если бы такое поведение постепенно не охватило всех носителей сербской идеи, принимая во внимание то влияние, которое такие «спартанцы» имеют в сербской столице.

Особенно заметна следующая особенность гипертрофированного сербского Я: когда ему кто-то укажет на его предосудительные поступки, многие скорее еще более интенсивно продолжают делать то, что ему поставили на вид, чем прекратят вести себя таким образом; даже тогда, когда дело касается нормальных межчеловеческих (взаимо-) отношений. Дворникович отмечает, что акцентированное, воинственное и чувствительное в отношении себя (а не другого) гипертрофированное Я по своему характеру не склонно к совестливости, чувству морального долга или ответственности, а особенно, раскаянию. Как раз наоборот, по его мнению, это – наименее развитые стороны нашего этического поведения, что одновременно является причиной настолько развитого чувства противоречия, зависти, злопамятства и мести. Нужно сказать, что послевоенная история только способствовала развитию тех качеств, на которые указывает Дворникович, и поколение победителей Второй мировой войны ни в чем не изменило этой черте характера. Более того, оно развило ее и сформировало поколение неблагодарных детей, которое даже не смогло оценить кровь, пролитую солдатами, и жертву павших за свободу – эту центральную идею европейской культуры. Гипертрофия *ego* исторически сделала своей «последней линией обороны» чувство противоречия и неповиновения. И это особенность раба – раб всегда делает то, что не положено, из чувства противоречия, так как не может быть доволен своим положением.

Отметим, что гипертрофированное Я, как правило, появляется там, где имеет место ситуация порабощения. В этом мы четко можем видеть различия между европейскими народами, которые были порабощены и которые порабощены не были. Более того, уже там, где народы были несвободны, но не завоеваны другими народами, большую часть национального самосознания формирует принадлежность к определенному народу или культуре. Такие примеры могут быть найдены в завоеванной Западной Европе или в России, которая в начале нового века была эмансипирована от всякого рабства. Тут мы сразу видим, что индивиды более склонны к взаимному сотрудничеству и легче принимают тот факт, что они не правы в чем-то. Однако когда речь идет о сербе, перефразируя Дворниковича, можно сказать, что *не так страшна сербу смерть на поле боя, как собственная неправота*. Хотя серб погибнет за правду и пожертвует собой ради свободы, универсализация не является его сильной стороной. «Не 'быть правым', признать, что кто-то другой прав, для южного славянина из любого места и любого происхождения – боль и стыд, которые его не просто пекут, а действительно жгут... Для южного славянина нет большего страдания, чем то, когда его отрицают люди и обходят стороной события... Он это воспринимает как личную обиду, как некое унижение своего Я. И тут неважно, идет ли речь о какой-то индифферентной или даже хорошей и полезной вещи, которой он бы и сам мог обрадоваться» (Дворникович 1939, с. 815-816, курсив Дворниковича). Это свидетельствует о существовании некоего избытка, совсем не нужного для достойного функционирования индивида. Сам факт существования такого излишка у недоказанного динарского *ego* свидетельствует о предшествующих долговременных унижающих достоинство условиях: рабство в турецкий период, вассальные отношения с Византией и частичное подчинение Западу и аварам. Здесь

необходимо искать и причины так называемой «славянской испорченности», как характеризовали германцы стремление быть начеку по отношению к неприятелю и обманывать его всеми возможными способами. Так серб, вне зависимости от того, к какому общественному слою он принадлежит, и сегодня умеет быть лицемерным и притворным. Недоверие, как отмечает Дворникович, до сих пор является одной из характерных особенностей сербов. Он напоминает, что югослав ни во что не любит вкладывать всю свою личность без оглядки и всегда стремится «оставить себе какие-нибудь пути отступления». Если он сам в чем-то виноват, сербу сложно в этом признаться. Гипертрофированное Я защищается от вины и ответственности, оправдываясь самыми невозможными и неразумными, самыми абсурдными причинами, подразумевающими настоящее «покушение на здравый смысл», до такой степени, что отрицает, что дважды два четыре (Дворникович 1939, с. 827).

Однако необходимо отметить, что гипертрофированное Я формировали и некоторые позитивные события – те, которые больше всего способствовали свободе сербов как народа: Косовский бой, Сербская революция 1804 г. и две мировые войны. Однако всегда находился кто-то, кто самовлюбленно присваивал себе, и только себе, борьбу за свободу целого народа (король Александр, «товарищ» Тито...), поэтому, когда это становится манерой руководителя, тогда и последний писарь в армии (или проевропейский бюрократ нашего времени), теперь ставший кем-то, чувствует себя так, как будто без него лично свободы и не было бы.

При этом, как мы уже говорили ранее, гипертрофированное Я отличается волей, которая обратно пропорциональна его слишком высоким, часто гигантским амбициям. Это не какая-нибудь (в немецком понимании) «воля», которой Шопенгауэр слепо удивлялся и которую

Ницше (славянин) иронично выделял. Серб является человеком со слабой волей, поскольку его долгое порабощение развило такое *ego*, что у него вся экономика либидо (его эго) ориентирована на защиту и сохранение. Вследствие огромного желания что-то доказать и всегда быть правым, его воля была атрофирована его Я, а его характер остался незавершенным. Это отмечает и Дворникович, когда, имея в виду гипертрофированное *ego*, говорит, что есть что-то незаконченное, неуклюжее и угловатое в сербской сущности, что составляет одну из «самых негативных, самых опасных черт характера южнославянского человека» (Дворникович 1939, с. 816, 838). В этом смысле самая тяжелая борьба и самая большая победа серба – над самим собой. Чтобы это произошло, необходим выход из состояния гипертрофии, что для нас – сербов – исключительно тяжело.

Гипертрофированное Я произрастает из противостояния двух сил: героического *ego* и декадентского гражданского Я. В действительности, речь идет о переходе героического *ego* в оппортунистическое гражданское *ego*. Именно этот переход является условием, обеспечивающим возможность возникновения *гипертрофированного Я*; в этом переходе оно появляется вместе с чувством принижения. Вопреки замечанию Дворниковича, что сербский характер возник на основе смешения сельской, племенной и патриархальной этики с гражданской (Дворникович 1939, с. 816, 838), сам он не сосредотачивает внимания на важности перехода к гражданской (лицемерной) морали как главном аспекте (окончательного формирования) гипертрофии сербского характера. Мораль гипертрофированного сербского *ego* – больше не та героическая мораль сербов, с которой, например, в 1389 г. был отстоян последний рубеж «христианской Европы» против «турецких безбожников». Теперь это определенная лицемерная мораль, суетно раздутая, а в действительности

далекая от патриархальных ценностей, к которым она призывает.

Гипертрофированное Я определяет, таким образом, моральное разложение некогда героического характера, то есть потерю и деградацию морального стержня героической идентичности. Только лишь сильная стоическая мораль, в соответствии с которой «все, кто выживут, будут героями», могла помочь сербскому народу выжить и обеспечить выживание сербской идентичности в условиях порабощения, войн и материальной нищеты. Однако, когда тяжелые условия жизни длятся веками, определенное моральное разложение неизбежно.

После Второй мировой войны начинают действовать и другие факторы, которые дополнительно повлияли на это. Освобождение принесло моральную победу сербскому народу как главному оплоту освободительной борьбы в ходе войны, но потом последовало разочарование. (Мы можем сказать, что схожая ситуация имела место и после Первой мировой войны). Ценности социализма не были реализованы, но вокруг любимой темы, которая декларировала всеобщее равноправие, братство и единство, вновь сформировалась политическая, национальная экономическая и другие элиты. Сербь боролись за свободу и победили, а руководство СФРЮ их постоянно маргинализировало и обвиняло в том, что они являются, как мы сказали бы сегодня, фактором нестабильности. К этому необходимо добавить и то, что генерация победителей не передала единой, уже более слабой, морали последующему поколению, сама зачастую теряя свою мораль. Также и всё большая открытость бывшей Югославии Западу и западной пропаганде привела к дополнительному моральному падению и постепенному, однако устойчивому, изменению ценностей в соответствии с нарциссической культурой в направлении рафинирования гедонизма народных масс.

В таких условиях, можно сказать, постепенно дошло до морального разлада, при котором, с одной стороны, осталась память о славных днях прошлого, а с другой, относительная беспомощность в реальности. Всё это привело к укреплению уже имевшейся склонности к гипертрофированному личному Я.

В действительности, в случае гипертрофированного Я речь идет о мимикрии и вытеснении высших моральных ценностей, которые сопровождаются сниженным моральным поведением. Отсюда можно сделать вывод, что силу имеет совсем другая мораль, а не та, которая декларируется. Поэтому серб часто порядочен потому, что не находчив; праведен только потому, что не имеет возможности в данной ситуации нарушать правила ради своей выгоды, храбр только потому, что эта храбрость не опасна, и т. д. Он остается духовным, не желая этого, так что остается суетным. Остается привержен правде, представляя себя порядочным, при том что с большим удовольствием извлек бы материальную выгоду. Состояние гипертрофии является реактивным и схизматическим состоянием. В случае такой духовной немощи совесть сама по себе бесполезна для того, чтобы собраться и определиться, а единственной возможностью для проявления действительно героического характера являются ситуации всеобщей угрозы, то есть когда буквально под угрозой находится само существование, а не только существование общности. Такую ситуацию последний раз сербы имели в 1999 г.

Каков *Weltanschauung* гипертрофированного сербского Я? Оно воспринимает мир вокруг себя как враждебное место и/или как «полигон» собственного самоутверждения. Других людей оно воспринимает иногда как неприятелей, а иногда как объекты зависти и ненависти, иногда как средства собственного успеха. Его геройство и храбрость лицемерны, так как не имеют под собой никакой ответственности, поэтому не могут

привести ни к его свободе, ни к свободе другого. Гипертрофированное Я проявляет свой «геройский» характер только в отношении тех, кто слабее. Оно очень требовательно к другим, но одно временно не предъявляет никаких требований к самому себе. Оно не признает доводы разума, если они говорят ему, что он неправ или что он морально ответственен. «Покушение на здравый смысл», которое упоминает Дворникович и о котором мы уже говорили, относится именно к таким ситуациям. В сущности, речь идет об одном: отягощенное историей рабства, постоянно опасющееся за свое существование *ego*, которое утешается славной историей борьбы за освобождение, в которой в современности оно редко принимает какое-либо участие. Речь тут идет об *ego*, которое непрерывно страдает от чувства неполноценности, что опять же обусловлено историческими причинами. Вековая борьба сербов за выживание оставила след в современной сербской психике как символическая борьба за признание, но не в форме гегелевского «господина», а больше в форме гегелевского «раба». В определенном смысле сербская психология проявляется солипсически, так как хотя серб жаждет признания, он не уважает других; и не только другого, но и сами плоды умственной деятельности, что граничит с психозом. Некогда сильная патриархальная мораль тонет в лицемерии гипертрофии.

Этот общий моральный упадок, как и общая мимикрия, – проявление глобальных процессов, в которых сербы, хотя бы они этого или нет, участвуют таким образом, что форма девиаций культуры, о которой мы говорим, принимает некий общепланетарный облик – нарциссической культуры и безответственного мышления. В этом отклонении, характерном для южнославянских территорий, как его понимает Дворникович, обман и дух притворства становится обликом самой мудрости и компетентности, в рамках

которой человек, очевидно, должен быть ловким, гибким и шустрым. Дворникович, в частности, напоминает, что во многих наших общественных кругах обман стал неким видом «практичной религии жизни», «ключом к успеху», «предметом культа и поклонения» и основой оценки человека. Похожая психология присуща и южнославянской женщине. Среднестатистическая южнославянская женщина предпочитает тип дорожного разбойника или городского мошенника (Дворникович 1937, с. 309). Она не эмансипирована, она ищет защиты. Самой бросающейся в глаза формой такого женского характера в нашей действительности стали так называемые содержанки. (Очевидно, и образ содержанки является неким общим глобальным, а не локальным.) Всё, что присуще среднестатистическим женщинам и мужчинам на Западе, с некоторым запаздыванием становится присуще и динарскому мужчине и женщине. Тем не менее, все процессы, которые происходят в имитационной культуре, закономерно происходят с запаздыванием. Имитационность характерна уже для периода правления Тито, а в течение периода условной демократии в Сербии культура потеряла всякое значение, которое имела, и стала абсолютной периферией. Вместе с моральным упадком системы при сохранении самой системы сохранилась и характерная структура, в которой гипертрофированное Я сербского мужчины и сербской женщины стали доминирующими фигурами. Как мы уже сказали, это Я гипертрофировано в отношении тех, кто равноправен с этим Я или стоит с ним на одной ступени социальной лестницы, в то время как оно является заискивающим везде, где имеет дело с тем, кто стоит на этой лестнице выше. Это такая же девиантная логика выживания, поведения типа «терпелив – спасён», как во времена османского ига, которая, однако, только для некоторой части сербского народа имеет оправдание. Современные сербы поняли это так, что

они должны прислуживать каждому, кто если на самом деле и не является сильнее, то хотя бы выглядит так. Эту слабую сторону сербского характера можно в более широком смысле рассматривать в контексте балканского характера, который, когда приходят завоеватели и предъявляют требования, вместо того, чтобы сказать: «Давайте все объединимся и вместе дадим отпор неприятелю», твердят, что лучше быть хорошими и послушными и дать владыкам то, что им нужно, чтобы и они были добры к ним – психокогнитивная судорога, которая всю нацию уводит в сторону от любого вида эмансипации.

В случае, когда субъективность отдельного народа значительно сформирована чувством неполноценности, оппортунистической моралью и личной гипертрофией, любую склонность к сотрудничеству и общности тяжело реализовать. Особенно это касается политического сообщества, так как оно представляет собой общность политических субъектов, а не *idiotes*. Современный кризис сербской государственности является не чем иным, как отражением общей гипертрофии сербской нации. С другой стороны, полис, не важно античный ли, или современный, является вещью каждого и одновременно общей, *res publica*. До тех пор, пока гипертрофированное Я остается гипертрофированным, сложно перейти на следующую ступень общности. Оно способно к стоическому терпению, посредством которого сербы и выдерживали напор своих неприятелей, и пережили их, но если они не поднимутся на ступень разумного мышления и сотрудничества, оно останется на границе солипсизма и психоза, как рабское, а в конце концов и несчастное сознание.

Однако, как мы уже сказали, гипертрофированное Я, по нашему мнению, имеет и здоровую основу. А именно то, что исторически его источником является героическая основа.

Но оно в переходный период устало от героической борьбы; только в прошлом веке сербы вели пять войн против мировых сил (Первая и Вторая балканские войны, две Мировые войны и война 1999 г.) А если говорить в целом, то какой другой европейский народ (кроме русских) имеет такую достойную историю? Этот факт нужно было бы превратить в основу для самообладания и душевного мира, а не в униженное поведение по отношению к любым проходимцам с большой дороги. Нет сомнений, что нужно перенимать мировой опыт, но так, как завещал Вук Караджич: «Мы тоже будем делать так, только немного по-другому». Сербам свойственна прирожденная демократия. Мы уже приводили ссылки на византийские источники, которые говорят о том, что сербы не терпят ни царей, ни королей. Это является здоровой основой, на которой можно строить, особенно если принять во внимание все современные возможности для развития демократии. Также и широкий диапазон чувств у сербов, в котором, как отмечал Дворникович, ритмически сменяются противоположные чувства – не отрицательная, а положительная черта. Речь идет о том, чтобы уравновесить их, то есть о том, чтобы приблизиться к аристотелевской добродетели как эталону. Богатая художественная традиция и история борьбы отдельных личностей в этом смысле может вдохновить сербов на то, чтобы совладать со своей гипертрофированностью и чувством принижения, которое сопутствует ей, и это должно быть сделано. Также и от других народов следует принять то, что у них хорошо, если оно в ладу с сербской культурой и обычаями, то есть достичь успеха в настоящей эмансипации, а не в навязываемой квази-эмансипации. В этом смысле еще Дворникович отмечал необходимость интеграции и укрепления единства не только сербского народа, но и всех славян. Столкнувшийся с интеллектуальным и духовным упадком

в Европе своего времени, идею спасения европейской культуры он находил во всеохватывающих взаимосвязях славянских народов. Но не таким образом, каким бы одни славяне связывали других, а посредством общей славянской истории, традиции, культуры, экономики и т. д.

Надо признать, что гипертрофированное Я в сербской истории сыграло и свою позитивную роль. Гипертрофированное сербское *ego*, именно по причине своей гипертрофии, сопротивляется гораздо более сильному неприятелю, чем оно само, и ясно говорит «нет» даже тогда, когда и народы большие, чем сербы, не решались на это. Таковой, например, была ситуация с отклонением ультиматума перед Первой мировой войной или накануне бомбежек 1999 г. Таким образом, сербское *ego* исторически сохранило свою свободу. Однако оно не рефлексировало об этом факте; ему самому непонятны истинные причины его сопротивления несвободе. Здесь нужно обратиться к самой сути самоотречения во имя свободы как ценности, а не во имя полной негативной свободы, как в случае с сербами это происходит из гипертрофии *ego*. Факт остался без рефлексии – потому что столько противоречий, несогласия и предательств в сербской среде. Только путем сознательного самопожертвования во имя свободы сербы могут сохранить свой суверенитет, и национальный, и государственный.

Поэтому мы считаем, что Дворникович прав, говоря о том, что то, как воспринимается серб, хуже того, каким он является на самом деле. В продолжение этого мы можем добавить, что мнение серба о себе самом хуже, чем он того заслуживает – парадоксально это прикрывается лучшим мнением о себе, чем это есть на самом деле. Не злоупотребляют ли этой истиной все наши критики собственного народа, например, известный сербский философ

Радомир Константинович¹²? Во имя декларируемой эмансипации «глупого», «мелкого», «местнического» и особенно «ксенофобского» духа, который противен (имперскому) космополитизму, такие авторы лишь подогревают тот же комплекс неполноценности и гипертрофию *ego*, потому что сами не в состоянии освободиться от его влияния. В противовес этому, Дворникович искренне указывает не только на недостатки сербов, но и на их добродетели и успехи. Он, в отличие от упомянутого Константиновича, из собственного чувства неполноценности и гипертрофии не презирал народ, к которому он принадлежал, хотя, может быть, острее, яснее и смелее, а особенно объективнее и беспристрастнее, чем все другие критики сербов, указывал на их особенности. Таким образом, в русле теоретического эволюционистского оптимизма другого сербского мыслителя Божицара Кнежевича¹³, собственным примером Дворникович показал, что филогенетическую судьбу гипертрофированного сербского Я можно преодолеть.

То, что было важнее для нас, это именно отсылка к рефлексии собственной истории, которая, в отличие от взгляда на мир с позиции гипертрофированного Я (как сербское противопоставление западной нарциссической культуре), безнадежно остающегося замкнутым в собственной точке зрения, открывает перспективы лучшего обзора того, что есть, как и перспективы будущих событий. Провоцируя нас заглянуть в себя и найти свои отличия, с тем чтобы остаться собой, это позволяет нам узнать больше

¹² Известный сербский писатель и философ (1928–2011), выступал с критикой национализма во время сербских войн. См. подробнее: Обрад Савич. Сербские мандарины и война // Неприкосновенный запас. 2003. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/sav.html#_ftn1 – Прим. ред.

¹³ Божицар Кнежевич (1862–1905) – сербский ученый, писатель, переводчик и педагог, автор работ по философии истории.

истинного о себе, и это есть то сознание себя, которое нам позволит понять не только свой внутренний мир, но и мир вокруг нас, с которым никак нельзя слиться или трансплантировать его в себя. Даже больше, самым пониманием нашего аутентичного *Weltanschauung* как возникшего на материальном фундаменте истории, и духовного отношения к ней Дворникович внес значительный вклад в этот коллективный взгляд в себя. Что хорошо, а что плохо для нас, менее важно, чем то, что в этом истинно, то, что можно засвидетельствовать. Только таким образом достигается правильное понимание своего существа и сущности мира, – с открытостью миру и с дистанцированным взглядом в себя. Дворникович является отличным примером этого, что редко в среде тех, кто разделяет особенности сербской идентичности. Даже философская культура нашего народа не соответствовала тем вызовам самосознанию как коллективному самосознанию, которые его выводы поставили перед нами.

При этом мы не утверждаем, что Я *каждого* серба гипертрофировано, но в сербском сообществе доминирует некое среднестатистическое Я, которое гипертрофировано и которое задает тон всему поведению коллектива. Гипертрофированное Я, к сожалению, не является неким преодоленным историческим Я сербского народа, но есть реальное последствие истории и состояние, которое нужно преодолеть, потому что оно пагубно для судьбы всего народа. Оно формирует гипертрофированный характер сообщества, а отсюда следует и искривленный взгляд на мир, и ошибочное понимание действительности, которое мы постарались тут описать. Такое состояние обуславливает ошибочные, пагубные действия, которые не обеспечены реальными знаниями и оценками, то есть действительным пониманием сущности, но в большей степени мыслительными понуждениями – не в целях улучшения

актуального состояния, но исключительно в целях консервации гипертрофии. Гипертрофированное Я должно быть преодолено, поскольку оно не способно рассматривать существо иначе, нежели вещь. Оно во всем материально, кроме восприятия своего *ego* в его ложной ценности. Таким образом, гипертрофия является впадением в другую крайность героического характера. При этом все те черты, которые украшают героический характер, перевоплощаются в прямо противоположные. Так, например, храбрость превращается в доносительство, правдолюбие превращается в *wishfull thinking*¹⁴, мудрость – в обладание материальными благами; праведность в стремление к тому, чтобы всё и всегда было по-его, а умеренность превратилась в разрушение любой предшествующей моральной твердости.

Такое Я не способно принять ничей индивидуализм, как и настоящее сотрудничество. Его обратная сторона – это абсолютное низкопоклонство и абсолютное неверие в собственные силы за пределами семейно-кумовского круга. Для гипертрофированного *ego* никто не является Другим, кроме, возможно, кого-нибудь из родственников. Его друг не стоит и десятой части его самого, его враг – это «объект, который необходимо уничтожить». Законы ему не писаны, а судьба других простых людей его не касается. Единственное, что его касается это только собственное величие – это «хочу и могу», которое Бодрийяр обозначил как состояние взрывного желания. Гипертрофированное Я, таким образом, криминально, поскольку не признает ни закона, ни принципа универсальности. Присваивая себе чужие заслуги, оно, насколько может, присваивает себе и чужие материальные блага. Оно еще не может преодолеть в себе материальную мелочность, которая сопровождала

¹⁴ Англ. – выдавать/принимать «желаемое за действительное». – Прим. ред.

героический характер. У него вещи просто перевернуты с ног на голову, и то, что героическому характеру, может быть, и не хватало – у гипертрофированного Я перешло в ультимативное требование (деньги, положение в обществе). Оно сотрудничает только с такими же криминальными элементами, как и оно само. Объединенные, такие структуры никогда не согласятся на «славную войну», но всегда будут посягать на воровство и поиск дыр в законах, что как работа требует гораздо меньше энергии. Его вождение материальных вещей есть не что иное, как желание онтогенетическим способом забыть филогенетически продолжительное материальное бедствование.

Теоретически говоря, из гипертрофированного Я, которое не рефлексировало о своей исторической ситуации, может произойти только пустое славословие и философские закулисные (кухонные) разговоры. Таким образом, если в самой идентичности не будет саморазличия, гипертрофированное Я должно будет принять, что парадигма реальности поменялась, и постмодерн уже закончился в 2008 г. Симулякр распался, и ядовитые плоды заблуждения в виде войн, которыми «Вавилон» пытается держать себя на плаву, проявляются по всему миру. Поэтому саморефлексия бывшего героического характера необходима, если в любой идентичности серб вообще хочет пережить «тектонические сдвиги» в мире. Этого не произойдет, если чувство собственной значимости просто-напросто не заменить осознанием собственной никчемности, хотя переход этот изменит историческое будущее. Гипертрофированное Я блокирует любое сотрудничество и аутентичность, так как каждый хочет успеха только сам для себя. Это не позволяет преодолеть сознание клана и принадлежность к клану, банде или заинтересованной группе (к этому последнему сводятся современные

политические компании в Сербии). Они по-своему правы, однако сотрудничество и аутентичность, которые нашему народу были необходимы и раньше, сегодня, возможно, являются единственным лекарством для народного и национального выживания.

В случае, если данное гипертрофированное Я останется преобладающим в сербском обществе, очень скоро его существование, как существование социума, выразится в бессилии пережить исторические

изменения в исконном облике идентичности.

Перевод В.Н. Ряпухиной

Литература

1. Бодриар, Ж. Символическая размена и смрт [Символический обмен и смерть]. Горњи Милановац: Дече новине. 1991. 277 с.
2. Бодриар, Ж. Друго од истога [Иное из подобного]. Белград: Лapis, 1994.
3. Дворникович, В. Борба идеја. Белград: Просвета, 1937. 323 с.
4. Дворникович, В. Карактерологија Југославањина. Белград: Просвета, 1939. 881 с.
5. Леш, К. Нарциссичка култура: амерички живот у доба смањених очекивања [Нарциссическая культура: американская жизнь в период уменьшенных ожиданий]. Загреб: Наприед, 1986. 336 с.
6. Джейкоб, Р. Друштвени заборав: критика савремене психологије од Адлера до Леинга [Общественное забвение: критика современной психологии от Адлера до Леинга]. Белград: Нолит, 1981. 184 с.

References

1. Baudrillard, J. (1991), *Simbolička razmena i smrt* [Symbolic Exchange and Death], Deče novine, Gornji Milanovac. (in Serb.)
2. Baudrillard, J. (1994), *Drugo od istoga* [Simulacra and Simulation], Lapis, Belgrade. (in Serb.)
3. Dvorniković, V. (1937), *Borba ideya* [The Battle of Ideas], Prosveta, Belgrade. (in Serb.)
4. Dvorniković, V. (1939), *Karakterologija Jugoslavânina* [Characterology of the Yugoslavs],

Prosveta, Belgrade. (in Serb.)

5. Lach, Ch. (1986), *Narcistička kultura: američki život u doba smanjenih očekivanja*, [Narcissistic culture: American Life in an era of diminished expectations], Napriyed, Zagreb. (in Serb.)

6. Jacoby, R. (1981), *Društveni zaborav: kritika savremene psihologije od Adlera do Leinga* [Social Oblivion : critique of modern psychology from Adler to Laing], Nolit, Belgrade. (in Serb.)

Информация о конфликте интересов:
авторы не имеют конфликта интересов для
деклараций.

Conflict of Interests: authors have no
conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент, Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице, Филипа Вишњића бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия; bokibor@yahoo.com

Братина Вишня, доктор философских наук, Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия; unbuntera@mail.ru

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Višnja Bratina, Doctor of Philosophy, Institute for Philosophical Studies, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski Trg, Belgrade, 11000, Serbia; unbuntera@mail.ru

Boris R. Bratina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia; bokibor@yahoo.com

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia; viktorer_r@mail.ru

УДК 82

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-3

Живкович Д. Р.

**ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА
МИЛОРАДА ПАВИЧА ПРОФЕССОРОМ ДАМЬЯНОВЫМ**

Университет в городе Крагуевац, Йована Цвийича без номера, г. Крагуевац, 34000, Республика Сербия; *dusan.zivkovic@filum.kg.ac.rs*

Аннотация. В данной работе представлен анализ природы исследования профессором Дамьяновым творчества Милорада Павича посредством аналитико-синтетического метода в следующих аспектах: 1) общие отличительные черты миссии Саввы Дамьянова как историка литературы и литературного критика; 2) общие отличительные черты отношения профессора Дамьянова к научному и художественному творчеству Павича; 3) имманентные характеристики литературного творчества Павича в контексте сербской литературы, данные профессором Дамьяновым; 4) изучение творчества Павича в контексте мировой литературы. В работе рассматриваются ключевые интерпретационные подходы профессора Дамьянова к пониманию переосмысления Павичем традиций сербской литературы и создания им новых постмодернистских перспектив. Профессор Дамьянов точно и оригинально показал синтез взаимосвязи, а также значение научных и художественных трудов Павича в истории сербской литературы. Кроме того, значение исследований профессора Дамьянова состоит в освещении вопроса о влиянии мистичности в интертекстуальной комбинаторике Павича в контексте взаимодействия топоса лабиринта Борхеса с применением принципов концепции “открытого произведения” У. Эко, а также в контексте древних мистических кодов, рассматриваемых через перспективу конструирования поэтики постмодернизма в мировой литературе.

Ключевые слова: сербская литература; постмодернизм; интертекстуальность; *ars combinatoria*; открытое произведение; нелинейность.

D. R. Živković

**NATURE AND IMPORTANCE OF THE RESEARCH
OF CREATIVITY OF MILORAD PAVIĆ BY PROFESSOR
DAMYANOV**

University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia;
dusan.zivkovic@filum.kg.ac.rs

Abstract. The article presents an analysis of the nature of the research of the creativity of Milorad Pavić by Professor Damyanov by means of the analytical-synthetic method in the following aspects: 1) the common distinctive features of the mission of Savva Damyanov as a historian of literature and literary critic; 2) the general distinctive features of the attitude of Professor Damyanov to the scientific and artistic creativity of Pavić; 3) the immanent characteristics of Pavić's literary work were studied in the context of Serbian literature, given by Professor Damyanov; 4) the study of M. Pavić's works by S. Damyanov in the context of world. The paper discusses the key interpretative approaches of Professor Damyanov to understanding Pavić's reinterpretation of the traditions of Serbian literature and his creation of new postmodern

perspectives. It is shown that Professor Damyanov accurately and in an original way demonstrated the interrelation and significance of Pavić's scientific and artistic works in the history of Serbian literature. In addition, the importance of the research of Professor Damyanov lies in the fact that he tries to highlight the question of the influence of mysticism in the intertextual combinatorics of Pavić in the context of the interaction between the topos of the Borges' labyrinth and the principles of "the open work" concept of Umberto Eco, as well as in the context of the intertwining mystical and postmodern poetics.

Keywords: Serbian literature; postmodernism; intertextuality; ars combinatoria; open work; nonlinearity.

1. Введение

Милорад Павич (1929-2009) является самым значительным представителем сербского постмодернизма и профессором сербской литературы, открывшим новые жанровые возможности поэзии, рассказа и романа, в которых нашла воплощение его эрудиция филолога и культуролога. Влияние Милорада Павича на научное и художественное творчество профессора Саввы Дамьянова, специалиста в области сербской литературы XIX века, историка литературы, литературного критика и писателя, проявляется как в сходном понимании нелинейности литературного произведения, так и в целом, в его отношении к постмодернистскому модусу и к истории литературы. Академик Милорад Павич, став руководителем Саввы Дамьянова в его разработке докторской диссертации «Рецепция произведений Джорджа Марковича Кодера в сербской литературе», стал для него и примером, и духовным отцом. Необходимо отметить, что помимо профессора Дамьянова, важнейшими исследователями творчества Павича являются: Йован Делич, Ясмина Михайлович, Александр Ерков, Алла Татаренко, Адриана Марчетич и другие.

Полученные от Павича знания профессор Савва Дамьянов сейчас передает своим студентам, ведя их дорогой посвящения в тайны мистических кодов, частями мозаики которых являются произведения Кодера и Павича, взаимодействие которых выявляется в творчестве профессора Дамьянова. Педагогическая роль профессора

Дамьянова состоит в связывании литературных феноменов посредством ассоциаций, аналогий, символизма, аллюзий в целях мотивации студентов заниматься фантастикой, мистикой, а особенно творчеством Павича, с применением диффузного, нелинейного образа мышления.

Таким образом, в научной, педагогической и творческой работе профессора Дамьянова доминирует понимание того, что интерпретация истории имеет не линейный, а возвратный характер, как и интерпретация исторических процессов, что одновременно включает и анализ процесса их трансформации, парадокса и неопределенности, и существование аналогий, которые посредством динамичности контекста, веками трансформируются и увеличивают количество своих интерпретаций в части соотношения исторических и универсальных характеристик. С применением такой интерференции точного теоретического дискурса и в жанре свободного эссе профессор Савва Дамьянов талантливо, в нескольких кратких предложениях описывает научные перспективы в анализе природы и духа эпохи, а также в других многочисленных вопросах диффузных движений современной литературы, в проблемах развития нелинейных структур.

Для историко-литературной роли профессора Дамьянова характерно ассоциативное связывание аналогий, которые составляют суть феномена

исторических периодов, причем в фокусе научного интереса как ключевая ценность тут находится именно исследование тех писателей и критиков, которые переосмысливали и переоценивали традицию: «В 60-е и 70-е гг. писатели и историки – Васко Попа, Миодраг Павлович, Меша Селимович, Милорад Павич, Милан Попович, Димитрие Богданович и другие – определенно переоценили и реинтерпретировали (в эссе, антологиях, научных текстах) сербскую литературу периода средневековья, барокко, классицизма, а также романтического периода, открыв некую полную, целостную и связанную картину сербской литературной традиции и ее цивилизационного контекста» [10, с. 23].

Вместе с тем профессор Дамьянов тяготеет к реконструкции духа эпохи, как и к процессу его конструкции и модификации в динамичной исторической рецепции. Данная интенция в целом представляет собой основу его понимания литературных эпох, но, если говорить о постмодернизме, то она становится доминантной, так как постмодернизм одновременно может апеллировать ко всем слоям палимпсеста и таким образом способствовать их переоценке.

Из перечисленных основ образа мышления профессора Дамьянова как историка литературы и литературного критика возникло и его отношение к Павичу, который на самом деле стал для профессора Дамьянова герменевтическим ключом к пониманию «большого цивилизационного синтеза» [7, с. 447], а также «специфического восприятия и понимания культурной традиции как ключевого определения нового (пост)модернистского литературного развития» [7, с. 447].

В размышлениях о природе, значении, ценности и границах современного периода Павич и профессор Дамьянов пришли к тому, что необходимо анализировать процессы их

конструирования, влияния, их взаимоотношений, аналогий и трансформаций.

В соответствии с этим, в данной работе представлен анализ природы и значения исследования профессором Дамьяновым творчества Милорада Павича посредством аналитико-синтетического метода в следующих аспектах: 1. общие отличительные черты миссии Саввы Дамьянова как историка литературы и литературного критика; 2. общие отличительные черты отношения профессора Дамьянова к научному и художественному творчеству Павича; 3. имманентные характеристики литературного творчества Павича в контексте сербской литературы, данные профессором Дамьяновым; 4. изучение творчества Павича в контексте мировой литературы.

2. Исследование профессором Дамьяновым соотношения научного и художественного творчества Павича

Милорада Павича и профессора Дамьянова объединяет осознание того, что и миссия писателя, и миссия исследователя литературы на самом деле являются лишь частями мозаики эрудиции, и что литератор должен охватить оба вида деятельности в целях постижения сути литературного творчества и отличительных черт литературной эпохи – при объединении теории, истории и творческой практики, как и в их взаимопроникновении и взаимовлиянии: «уже что-то, что является восприятием таинственных духовных сигналов и дальновидного в, скажем так, некоем научном опусе фиксирование поэтического потенциала, которое предлагает какая-то наука, философия и т.д.» [12, с. 155]. Очевидно, что это повлияло на профессора Дамьянова и как на литературного критика, и как на писателя, начиная с создания фантастики, выведения за рамки обыденного синтаксических конструкций, эротических сцен, соотношения истории и

фикции; но, конечно, профессор Дамьянов создает и собственные оригинальные произведения. В нашей работе мы более подробно остановимся на исследовании профессором Дамьяновым художественного мира Павича, в то время как сравнительный анализ влияния Павича на мир фикций профессора Дамьянова является предметом отдельного исследования.

Профессор Дамьянов сосредотачивается на исследовании научной миссии Павича как основы для понимания его системы идей. Помимо «Истории сербской литературы эпохи барокко», профессор Дамьянов отмечает следующую историко-литературную деятельность Павича: «Синтез временных периодов представлен в двух его следующих произведениях *История сербской литературы периода классицизма и предромантизма*, *Классицизм* (1979) и *Рождение новой сербской литературы* (1983 года, с отдельной главой, посвященной сербскому романтизму), которые определенно поставили крест на иллюзии о монолитности и монофонии сербского литературного развития (особенно в XVIII и XIX веке): сравнительное исследование *Воислав Илич и европейская поэзия* (1972), с другой стороны, определенно поставило под сомнение один из старых комплексов сербской литературной историографии – об апатичности сербской новой языковой и художественной эволюции, которая делает ее стоящей на низших ступенях иерархии развития в европейском контексте» [7, с. 448].

Профессор Дамьянов считает, что Павич расширил взгляды сербских интеллектуалов и на отношение средневековой цивилизации и сербской культуры XVII, XVIII, XIX века, а также периода от средних веков до постмодерна, которые, как «ученый византиец» [7, с. 448], Павич рассматривал неразрывно, и что является его вкладом в исследование сербской культуры. Одновременно он осознает необходимость

учета «полифонических реалий культурного развития» [7, с. 448].

После общего обзора научной миссии Павича мы можем отметить, что для него характерен и анализ автопоэтических аспектов в двойной метатекстуальной перспективе: переоценка традиций в научном и художественном опусе Милорада Павича, как и переоценка собственной творческой деятельности: «В сербской литературной историографии до него еще не было автора, который настолько фундаментально и недвусмысленно открывает мощных литературных предтеч» [7, с. 449]. Павич воскресил работы Гаврила Стефановича Венцловича, познакомив с ним современных читателей и показав им богатство сербского барокко, его эстетические вершины, которые можно сравнить с лучшими творениями мировой литературы периода барокко.

Помимо общих интерпретационных взглядов о влиянии византийского слоя и слоя барокко на художественные и научные опусы Милорада Павича, характерно интертекстуальное, постмодернистское понимание профессором Дамьяновым возвратных процессов, близких постмодернистскому модусу Павича в части переосмысления традиций. Тем не менее, профессор Дамьянов ставит ключевой вопрос, свойственный критике периода постмодерна: как бы Венцлович читал Павича? Таким образом, профессор Дамьянов не рассматривает дух истории хронологически, но тяготеет к выведению перспектив за рамки обычного: «Я уверен, что Венцлович читал бы Павича не только как своеобразного поэтического родственника и наследника, но, возможно, и воспринимал бы некоторые его тексты даже аутопоэтически» [5, с. 33].

Профессор Савва Дамьянов в анализе влияния научного труда Павича на литературное творчество, как и практического художественного применения в изучении сербской культуры, охватывает широкий динамичный контекст: от неясного образа, процесса, до полифонии;

от диффузных начал и преобразования рецепции, объясняемого в ключевых положениях теоретической гипотезы Павича, и представления об истории литературы в реинтерпретации и переоценке до создания новых литературных направлений.

3. Имманентные характеристики исследования художественных произведений Павича в контексте сербской литературы

Ключевые интерпретационные взгляды профессора Дамьянова связаны с пониманием переосмысления традиций Павичем и созданием новых постмодернистских перспектив в дискурсе фантастики. Конечно, профессор Дамьянов отмечает линии развития, которые не выражены в раннем творчестве Павича – в сборнике стихов: «Уже в *Палимпсестиах* и *Лунном камне* появляются некоторые темы и мотивы, которые будут присутствовать и в Вашей литературе – позже» [12, с. 151].

Далее, профессор Дамьянов отмечает экспериментирование Павича с жанровыми возможностями текста, а также и осознание им «„перетекания” одного жанра в другой – тем, языка, стиля и т.д.» [12, с. 148]. Павич создал слияние реактуализованных тем, стилей и языка старой сербской литературы и интертекстуального постмодернистского сознания. Профессор Дамьянов отмечает раскрытие византийских элементов в стихах, рассказах и романах Павича, «из нашей сущностной принадлежности данной культурной и цивилизационной сфере» [12, с. 162]. Несмотря на различия временных перспектив, которые осциллируют в романах Павича, взаимосвязь между персонажами осуществляется посредством их встреч, циклически организованных в развязках (например, в романах *Внутренняя сторона ветра*, *Уникат*, *Другое тело* и др.), поскольку восприятие прошлого постоянно преобразуется, как и

прошлое постоянно влияет на понимание настоящего.

В данном контексте необходимо отметить, что профессор Савва Дамьянов рассматривал творчество Павича в целостности или в тотальности: «Конечно, *Хазарский словарь* в этом смысле является естественным продолжением предыдущих историко-литературных и поэтико-прозаических исследований Павича» [7, с. 447].

Хазарский словарь представляет собой венец творчества Павича, однако профессор Дамьянов подчеркивает, что творчество Павича не следует рассматривать односторонне, а в диалоге вымышленных и реально-исторических персонажей произведений Павича, «как будто бы он с самого начала писал некую огромную задуманную им Книгу, которая состоит из всех его книг» [12, с. 149]. Так Павич показал в своей Книге, что идентичность сербской культуры, как и мировой дух исторических столкновений и встреч цивилизаций, может быть специфическим, постмодернистским способом достоверно показан в свете фикции литературного произведения.

4. Изучение творчества Павича в контексте мировой литературы

Значительную часть вклада профессора Дамьянова в исследования творчества Павича составляет описание поэтики мистики в контексте комбинаторных возможностей текста, прежде всего в романах *Хазарский словарь* и *Пейзаж нарисованный чаем*. Так профессор Савва Дамьянов в своей *Постмодернизации фантастики в творчестве Павича* проводит аналогию между принципом *ars combinatorial* и новыми жанровыми возможностями как рамками построения фантастики. Также в эссе *Лабиринт Павича* профессор Дамьянов анализирует сходство между алхимическими принципами, которые Павич уже привел в сборнике эссе *Роман как государство и иное отражение*,

влиянием топоса лабиринта у Борхеса и революционной ролью Павича в создании «системного гипертекста». Таким образом, достигнута многослойность и диффузность нелинейного письма и чтения, которая в качестве ключевого топоса создает лабиринт: «писатель, который в тайной обители своего лабиринта одновременно является и его повелителем, и его пленником, может быть, есть демиург этого лабиринта» [11, с. 15]

Профессор Дамьянов отмечает, что понимание Борхесом нелинейности имеет многогранные последствия, так как влияет и на создание теории открытого произведения Эко [14], основной принцип которого представляет собой читательскую активную роль, роль сотрудничества в создании семантической системы произведения, *intentio operis*, как потенциальной бесконечности значения, и объединяет связи вариантов авторского понимания и читательского «соавторства» [15, с. 112]. В данном контексте профессор Дамьянов отмечает, что Эко и Павич ведут многоуровневые диалоги по созданию универсума значений литературы постмодерна. Помимо профессора Дамьянова, значимыми авторами, которые в общем смысле отмечали этот вклад Павича и Эко, были Никола Милошевич [19], Йован Делич [13], а под влиянием вышеуказанных точек зрения детальный анализ данных вопросов мы встречаем и в монографии Душана Живковича *Открытые лабиринты: Эко и Павич* [16].

5. Заключение

Творчество Милорада Павича оказало судьбоносное влияние на историко-литературные взгляды профессора Дамьянова, особенно в части идей о нелинейности, диффузности, многослойности, возвратности истории литературы, а также в специфическом смысле функции автопоэтических подходов Павича, его предтечи, как и основных элементов преобразования и

переоценки традиций.

Профессор Дамьянов точно и оригинально реализовал синтез взаимосвязей, а также и значения научного и художественного творчества Павича: «Поэтому мы можем сказать, что его историко-литературные произведения изменили исследования в области сербской литературы не меньше, чем его проза повсеместно изменила мировую литературную карту XX и XXI века» [7, с. 449].

Посредством исследования динамичности контекста профессор Дамьянов проливает свет на функционирование литературного мира Павича. Так, в текстах профессора Дамьянова одновременно можно найти и синтез природы и функций удаленных друг от друга во времени литературных периодов, и установление аналогий – начиная с византийского наследия и влияния на эту аналогию эпохи барокко, до формирования постмодернистских взглядов Павича и их влияния в контексте сербской и мировой литературы.

Также необходимо отметить, что значение исследования профессора Дамьянова заключается и в том, что он является основоположником анализа соотношения влияния и надстраивания мистичности в постмодернистской интертекстуальной комбинаторике литературных произведений Павича в контексте соотношения применения принципов теории открытого проведения и древних мистических кодов. Таким образом, профессор Дамьянов во всех своих историко-литературных и критических текстах на самом деле непрестанно — и прямо, и косвенно — ведет диалог с Павичем, красной нитью проводя через этот диалог следующую мысль: посредством преобразования и переоценки картины прошлого происходит изменение и картины настоящего, представляющего собой многоуровневый лабиринт, направления движения в котором обозначены посредством

понимания цивилизационных палимпсестов.

Перевод В.Н. Ряпухиной

Литература

1. Дамьянов, С. Шта то беше млада српска проза. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1990.

2. Дамьянов, С. Кодер: историја једне рецепције – рецепција дела Ђорђа Марковића Кодера у српској књижевности. Београд: Просвета, 1997.

3. Дамьянов, С. Ново читање традиције. Нови Сад: Дневник, 2002.

4. Дамьянов, С. Апокрифна историја српске (пост)модерне. Београд: Службени гласник, 2008.

5. Дамьянов, С. „Како би Венцловић читао Павића?“ // Апокрифна историја српске (пост)модерне, Београд: Службени гласник, 2008. С. 31–33.

6. Дамьянов, С. Постмодернизација фантастике код Павића // http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/knjiz_portret/09_pkp_damjanov.html (приступљено 12.05.2010).

7. Дамьянов, С. Павич: Откривање прошлости – откривање будућности // Зборник матице српске за књижевност и језик. 2010. No. 58/2. С. 447–451.

8. Дамьянов, С. Српска књижевност искоса 1: Вртови нестварног. Београд: Службени гласник, 2011.

9. Дамьянов, С. Нова периодизација српске књижевности: културни идентитет прошлости или 21 века? // Аспекти идентитета и њихово обликовање у српској књижевности / ур. Горана Раичевић. Нови Сад: Филозофски факултет, 2014. С. 9–23.

10. Дамьянов, С. Српски књижевни ратови, од Светог Саве до постмодерне // Српски језик, књижевност, уметност: Рат и књижевност. Књ. 2 / ур. Драган Бошковић и Часлав Николић, Крагујевац: ФИЛУМ, 2015. С. 21–28.

11. Дамьянов, Сава. Павићев лавиринт // <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d38bf7>

fc5fbc, (приступљено 3. 10. 2016).

12. Дамьянов, С. Павич, „Писати са радошћу да се може волети то што се пише“ // <http://www.khazars.com/images/PDF/razgovor.pdf>, (приступљено 19.12.2016).

13. Делић, Ј. Хазарска призма. Београд: Просвета – Горњи Милановац: Дечије новине, 1991.

14. Есо, У. Opera aperta: forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee. Milano: Bompiani, 1962.

15. Живковић, Д. Отворено дело и интертекстуални аспект у роману “Име руже” Умберта Ека // Матице српске за књижевност и језик. 2011. No. 59/1. С. 111–131.

16. Живковић, Д. Отворени лавиринти: Еко и Павич. Крагујевац: ФИЛУМ, 2016.

17. Jerkov, A. Nova tekstualnost: ogledi o srpskoj prozi postmodernog doba. Podgorica: Oktoih – Nikšić: Unireks, 1992.

18. Marčetić, A. Istorija i priča, Beograd: Zavod za udžbenike, 2009.

19. Milošević, N. Pavićevo otvoreno delo // http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/knjiz_portret/05_pkp_milosevic.html 2005, (приступљено 12.08.2014).

20. Михајловић, Ј. Прича о души и телу: слојеви и значења у прози Милорада Павића. Београд: Просвета, 1992.

21. Павич, М. Роман као држава и други огледи. Београд: Плато, 2005.

References

1. Damjanov, S. (1990), *Šta to beše mlada srpska proza* [What was a young Serbian prose], Književna zajednica Novog Sada, Novi Sad. (in Serb.)

2. Damjanov, S. (1997), *Koder: istorija jedne recepcije – recepcija dela Đorđa Markovića Kodera u srpskoj književnosti* [Koder: History of a Reception – Reception of the Part of Đorđe Marković Koder in Serbian Literature], "Prosveta", Beograd. (in Serb.)

3. Damjanov, S. (2002), *Novo čitanje tradicije* [New Reading Tradition], Dnevnik, Novi Sad. (in Serb.)

4. Damjanov, S. (2009), *Apokrifna istorija srpske (post)moderne [Apocryphal history of Serbian (post)modern]*, Službeni glasnik, Beograd. (in Serb.)
 5. Damjanov, S. (2009) „Kako bi Venclović čitao Pavića?” [How would Venclovic read Pavic?], *Apokrifna istorija srpske (post)moderne [Apocryphal history of Serbian (post)modern]*, Službeni glasnik, Beograd: 31–33. (in Serb.)
 6. Damjanov, S. (2010), *Postmodernizacija fantastike kod Pavića [Postmodernization of fantasy at Pavic]*, http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/knjiz_portret/09_pkp_damjanov.html, accessed: 12. 5. 2010. (in Serb.)
 7. Damjanov, S. (2010), „Pavić: Otkrivanje prošlosti – otkrovenje budućnosti” [Pavic: Discovering the Past – Revealing the Future], *Zbornik matice srpske za književnost i jezik*, 58/2: 447–451. (in Serb.)
 8. Damjanov, S. (2011), *Srpska književnost iskosa 1: Vrtovi nestvarnog [Serbian literature of iskosa 1: The ghosts of the unreal]*, Službeni glasnik, Beograd. (in Serb.)
 9. Damjanov, S. (2014) „Nova periodizacija srpske književnosti: kulturni identitet prošlosti ili 21. veka?” [“New periodization of Serbian literature: the cultural identity of the past or the 21st century?”], in *Aspekti identiteta i njihovo oblikovanje u srpskoj književnosti [Aspects of identity and their formation in Serbian literature]*, Faculty of Philosophy, Novi Sad: 9–23. (in Serb.)
 10. Damjanov, S. (2015) „Srpski književni ratovi, od Svetog Save do postmoderne” [Serbian literary wars, from St. Sava to postmodern], in *Srpski jezik, književnost, umetnost: Rat i književnost [Serbian Language, Literature, Art: War and Literature]*, book 2, ed. Dragan Bošković and Časlav Nikolić, FILUM, Kragujevac: 21–28. (in Serb.)
 11. Damjanov, S. (2016) „Pavićev lavirint” [Pavic's maze], in <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4d38bf7fc5fbc>, accessed: 3. 10. 2016. (in Serb.)
 12. Damjanov, S. (2016) Pavić, „Pisati sa radošću da se može voleti to što se piše” [Pavich, "Write joyfully that you can love what is written"], in <http://www.khazars.com/images/PDF/razgovor.pdf>, accessed: 19.12.2016. (in Serb.)
 13. Делић, Ј. (1991) *Khazarska pryzma [Khazar prism]*. Prosveta – Gornji Milanovac: Dečije novine, Beograd. (in Serb.)
 14. Eco, U. (1962), *Opera aperta: forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee [Open work: form and indeterminacy in contemporary poetics]*. Bompiani, Milano: (in Ital.)
 15. Živković, D. (2011) „Otvoreno delo i intertekstualni aspekt u romanu Ime ruže Umberta Eka” [Open work and textual aspects of the novel *Name of the Rose* by Umberto Eco] in *Zbornik matice srpske za književnost i jezik*, 59/1: 111–131. (in Serb.)
 16. Živković, D. (2016). *Otvoreni lavirinti: Eko i Pavić [Open labyrinths: Eco and Pavic]*, FILUM, Kragujevac. (in Serb.)
 17. Jerkov, A. (1992) *Nova tekstualnost: ogledi o srpskoj prozi postmodernog doba [New Textuality: You read about the Serbian post-modern era]*, Oktoih – Nikšić: Unireks, Podgorica. (in Serb.)
 18. Marčetić, A. (2009), *Istorija i priča [History and Story]*, Zavod za udžbenike, Beograd. (in Serb.)
 19. Milošević, N. (2014) „Pavićevo otvoreno delo” [Pavic's open work] in http://www.rastko.rs/knjizevnost/pavic/knjiz_portret/05_pkp_milosevic.html 2005, accessed: 12. 8. 2014. (in Serb.)
 20. Mihajlović, J. (1992) *Priča o duši i telu: slojevi i značenja u prozi Milorada Pavića [The story of the soul and the body: layers and meanings in the prose of Milorad Pavić]*, Prosveta, Beograd. (in Serb.)
 21. Pavić, M. (2005) *Roman kao država i drugi ogledi [Roman as a state and another reflection]*, Plato, Beograd. (in Serb.)
- Исследование выполнено в рамках проекта 178018 «Общественный кризис и современная сербская литература и культура: национальный, региональный, европейский и глобальный уровень» Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.
- Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
- Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Живкович Душан Р., доктор филологических наук, профессор, Факультет филологии и искусств, Университет в городе Крагуевац, Филологическое отделение, Йована Цвийича без номера, г. Крагуевац, 34000, Республика Сербия; dusan.zivkovic@filum.kg.ac.rs

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия; viktorer_r@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dušan R. Živković, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology and Arts, University of Kragujevac, Jovana Cvijica bb, Kragujevac, 34000, Serbia; dusan.zivkovic@filum.kg.ac.rs

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod, 308012, Russia; viktorer_r@mail.ru

УДК 316.334:21

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-4

Алексеева Е. В.

**ИСПОВЕДЬ КАК ТЕМА КОММУНИКАЦИИ
НА ПЛАТФОРМЕ YOUTUBE
(НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХODOB
ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА)**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620000, Россия; ekaterinaalexeeva@urfu.ru

Аннотация. Статья содержит анализ структурных единиц наблюдения исповеди на платформе видеохостинга YouTube. Изучение деятельности религиозных сообществ в пространстве Интернета становится сегодня необходимым. Без учета этого компонента данные исследований уже не охватывают религиозное взаимодействие во всей его полноте, а значит, не могут являться всесторонними и претендовать на объективность. Подробно рассматривается исповедь в пространстве цифрового взаимодействия, в ее широком коммуникативном контексте; анализируется структура и состав контента каналов православных приходов Екатеринбурга. С помощью контент-анализа обнаружены смысловые единицы коммуникации священников, проанализированы основные темы, с которыми те обращаются к аудитории, прослеживается качество и объем обратной связи, получаемой от аудитории. Делается заключение о коммуникативной заостренности православного дискурса на YouTube. В статье содержится анализ параметров представленности каждой из коммуникативных единиц анализа исповеди в контексте взаимодействия сетевых сообществ православных храмов Екатеринбурга на их собственных сайтах и на платформе YouTube.

Ключевые слова: сплошное структурированное наблюдение; контент-анализ; религиозная исповедь; религиозные коммуникации; цифровое пространство храмов.

E. V. Alekseeva

**CONFESSION AS A THEME OF COMMUNICATION
ON THE YOUTUBE PLATFORM (ON THE EXAMPLE
OF THE ORTHODOX PARISHES OF THE CITY
OF YEKATERINBURG)**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St.,
Yekaterinburg, 620000, Russia; ekaterinaalexeeva@urfu.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the structural units of observation of confessions on the YouTube video hosting platform. Today, the study of various activities of religious communities in the Internet space is becoming of vital importance. Without taking this component into account, research data no longer covers religious interaction in its entirety, and therefore cannot be comprehensive and claim objectivity. The confession is considered in detail, in the space of digital interaction, in its broad communicative context. Semantic communication units of priests were found with the help of content analysis. The article analyzes the structure and content of the channels of the Orthodox parishes in Yekaterinburg and traces the main topics addressed to the audience, as well as the quality and volume of feedback received from parishioners. The author draws a conclusion that Orthodox discourse on

YouTube has a communicative focus. The article contains the analysis of the parameters of the representation of each communicative unit for the analysis of confession in the context of interaction of the network communities of the Orthodox churches in Yekaterinburg, on their own sites, and on the YouTube platform.

Keywords: structured observation; content analysis; religious confession; religious communication; computerized framework of churches.

Реальность современного мира такова, что все ее компоненты выходят в Интернет и обретают цифровую форму. Этот процесс происходит и с религией. Поэтому изучение деятельности религиозных сообществ в пространстве Интернета становится сегодня необходимым. Без учета этого компонента данные исследований уже не охватывают религиозное взаимодействие во всей его полноте, а значит, не могут являться всесторонними и претендовать на объективность.

Теоретической базой нашего исследования выступает теория медиатизации религии Стига Хьяварда и Мии Лёвхайм. Методологической основой – комбинация методов структурированного наблюдения и коммуникативного интеракционизма в версии N. Denzin (Denzin, 2002, p. 33, 55; Denzin, Lincoln, 2005, p. 429, 824, 832). Была также применена техника сплошного описания «thick description». В статье представлена авторская операционализация единиц наблюдения взаимодействия по типу «исповедь».

Согласно концепции Хьяварда и Лёвхайм, современные СМИ развились в самостоятельный общественный институт, и их влияние возросло настолько, что теперь, для того чтобы эффективно взаимодействовать друг с другом и социальной системой в целом, другие структуры общества должны подчиняться логике медиа.

Поскольку в современном обществе церковь в значительной степени утратила роль морального компаса и не имеет прежнего влияния на институты семьи и школы, эту функцию взяли на себя СМИ. Конфликт интересов заключается в том, что, масс-медиа транслируют не согласованные с догматами мировых религий идеи, а «религиозные фантазии». Это про-

исходит по причине того, что в XXI веке индустрия массовой информации обслуживает интересы общества потребления, поэтому передаваемые ею смыслы «обработаны в соответствии с требованиями жанров популярной культуры» (Hjarvard, Lovheim, 2012, p. 10-11). Институциональные религии всегда держат в центре своего внимания таинства, в то время как в дискурсе институциональных СМИ постулаты веры (любой, в зависимости от изучаемой культуры) заменяются дискурсом о сверхъестественном, магическом, волшебниках, колдунах, эльфах, вампирах и др.

Одновременно медиа-средой XXI века является Интернет, предоставляющий в распоряжение аудитории большое количество коммуникативных площадок, на которых криэйтером контента может выступить любой желающий, а темы, поднимаемые в блогах, Живых Журналах, на форумах и в чатах, не подвергаются никакой цензуре в большинстве современных обществ. Возникающие в результате теле- и радиоканалы, журналы, интернет и видеоблоги, формируют альтернативную медиасреду, а ее создатели часто становятся лидерами мнений. Как следствие, институт церкви получает возможность через своих «сотрудников» говорить «от первого лица» и транслировать свои подлинные ценности.

В православном религиозном сообществе, среди духовенства распространение получил феномен ведения видеоблогов. Деятельность, начатую рядовыми священниками, одобрило и поддержало их высшее руководство. В результате, в 2018 году Синодальный отдел РПЦ по взаимоотношениям Церкви с обществом и Средствами Массовой Информации выпустил документ, призванный обозначить цель

пребывания священнослужителей в Интернете и описать тактики поведения, которых тем стоит придерживаться.

Документ под названием «Видеоблоги священников Русской Православной Церкви» находится в открытом доступе на сайте Синодального отдела (<http://sinfo-mp.ru/videoblogi-svyashhennikov-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-rekomendatsii-i-sovetyi.html>) и доступен для ознакомления всем желающим. Его текст разделен на пять рубрик: «основные положения», «проблематика деятельности», «целеполагание и мотивация», «методы и язык», «тематика выпусков». Важно отметить, что его содержание посвящено только и именно видеоблогингу, а не присутствию священников в Интернете в целом. Ведению канала как роду деятельности дается положительная оценка, он назван «новым видом миссионерства». Охватывается широкий круг вопросов: частота и тематика выпусков, способ подачи материала и тон общения с аудиторией, внешний вид священнослужителя, количество времени, которое необходимо посвящать блогерству. Всё это отдается на самостоятельное усмотрение священника. Положения документа носят мягкий, рекомендательный характер. Также говорится, что необходимо «помнить об ответственности перед Богом и людьми». Прямо указывается на то, что блогинг может привести священника к «человекоугодию» и «сребролюбию», чего стоит остерегаться.

Сложному с моральной точки зрения вопросу о монетизации канала (процессу, когда автор контента получает материальное вознаграждение от администрации видеохостинга YouTube за то, что размещенный им ролик набрал определенное количество просмотров: чем больше число просмотров, тем выше сумма вознаграждения) также дана положительная оценка, обоснованная тем, что «трудящийся достоин награды».

Поскольку YouTube является площадкой коммуникации священнослужителей и прихожан, вопросы о том, какие темы

поднимаются в видеоблогах священников, о чем они говорят с аудиторией чаще всего, с каким посылом обращаются к ней, становятся особенно актуальными. Принимая решение изучить эту сферу, мы руководствовались тезисом о том, что среди наиболее актуальных для православного дискурса тем находится и исповедь – одна из центральных точек духовной жизни верующего.

Видеоплатформа YouTube представляет особенный интерес для исследования коммуникации в цифровом пространстве по двум причинам. Во-первых, тематика и содержание видеороликов, формы подачи материала, тон обращения к аудитории – всё это полностью находится в ведении автора канала, в данном случае священника, и определяется только его моральными, этическими и эстетическими убеждениями (что подтверждается содержанием вышеупомянутого документа). Во-вторых, интерактивная площадка видеоплатформы наглядно демонстрирует объем и качество обратной связи, получаемой от аудитории (число подписчиков, количество просмотров, лайки и комментарии – являются открытой информацией).

Исследование YouTube каналов, принадлежащих православным приходам Екатеринбурга, проводилось нами в период с мая по июль 2018 года. Из 53-х храмов города на первом этапе в выборку попали 24, каким-либо образом представленные в Интернете: через сообщества в социальных сетях vk.com, Facebook, Instagram, Одноклассники; располагающие собственными сайтами и каналами на платформе YouTube. Итак, из 24 храмов Екатеринбурга, презентующих себя в Интернет-пространстве, собственный канал на YouTube ведут семь. Нами проанализирован их широкий коммуникативный контекст, частотность тематик, число подписчиков и просмотров видео, наличие и количество откликов от аудитории (лайки, репосты, комментарии). Всё это позволило наиболее точно отразить степень присутствия исповеди как темы коммуникации,

характерной для православного сообщества, в пространстве видеохостинга YouTube.

Описание каналов сгруппировано по квотам, которые были выработаны в ходе исследования православных приходов Екатеринбурга в 2017 году. (Островская, Алексеева, 2017). Тогда в сплошной выборке нами было выделено три группы храмов, которые соответствовали их географическому расположению: «центр», «спальные районы», «окраина». Также в основу анализа контента цифрового взаимодействия по типу «исповедь» нами было заложено Лумановское определение интеракции, а именно: «взаимодействие – это отношения двух и более акторов лицом к лицу, специфицированные в пространстве и во времени, объединенные общностью целей и выбором средств, имеющие контекст и тему». (Луман, 1982). Взяв из этого определения структурные компоненты, мы получили следующие единицы наблюдения: «священник» и «прихожане», выступают в данном случае как акторы. Компонент «пространство» получил свое воплощение в ссылке на конкретный YouTube канал, так как мы наблюдаем цифровое взаимодействие; а «время» фиксируется как единица наблюдения – «время исповеди в расписании служб». Средством достижения цели для акторов в нашем наблюдении является участие в ритуале исповеди, поэтому в наблюдении мы фиксировали, как, кем и в каком количестве обсуждается ритуал исповеди. Тема взаимодействия – таинство исповеди, его духовное содержание, и наличие этого компонента мы также фиксировали в наблюдении. Все полученные нами данные наглядно представлены в таблицах.

Проводя, в 2018 году, исследование каналов YouTube, мы придерживались той же стратегии, что позволило в дальнейшем провести сравнительный анализ представленности компонентов исповеди, в цифровом и физическом пространствах. Выкладка по единицам представлена в Таблицах (см. приложения).

Канал *Храма-Часовни Великомученицы Екатерины* (№ 6 в табл. 1) называется «Собор Святой Екатерины». Информация о дате создания канала закрыта для просмотра. На канале три подписчика и 14 видео, которые не имеют объединения в плейлисты. Но все имеют одну и ту же тему – восстановление Храма Великомученицы Екатерины на его историческом месте, в городе Екатеринбурге. Лайков, комментариев и репостов под видео также нет.

Канал *Екатеринбургской Градо-Семионовской церкви-школы* называется «Simeon Prihod» (табл. 2, № 1). На канал выложено пять видео, зарегистрирован один подписчик. Четыре видеозаписи – это выступления детского хора на праздниках в храме. А одна запись – это любительская съемка вознесения креста на купол храма, сделанная прихожанами. Комментариев под видео на канале нет, обсуждений подписчиков тоже нет.

Канал *храма Успения Пресвятой Богородицы* на ВИЗе (табл. 2 № 4) называется: «Собор Успения Пресвятой Богородицы Екатеринбург, Виз»; создан в 2013 году, подписано 2800 человек. 937 роликов структурированы 15-ю плейлистами: «Благая часть», «Жизнь прихода», «Восстановление собора», «Сюжеты о храме», «Беседы с Батюшкой», «Богослужения», «Для души полезное», «Духовное слово протоиерея Евгения Попиченко», «Этапы восстановления собора», «Паломничества», «Лекции священника Константина Корепанова», «Встреча с иеромонахом Анатолием Печор», «Концерт «Сердца Ромэн», «Понравившиеся видео». Отметим, что комментариев и обсуждений на канале нет.

Плейлист «жизнь прихода» содержит видео, темы которых – паломнические поездки, крестные ходы, престольные праздники, лекции на приходе. Плейлист «для души полезное» содержит беседы со священниками других приходов. Темы бесед: образ мужчины, образ женщины, создание православной семьи, праведной православной жизни.

Таблица 1. Репрезентация структурных компонентов цифрового взаимодействия по типу «исповедь» на платформе Youtube. Приходы центральных районов города Екатеринбурга

Table 1. Representation of the structural components of digital interaction by the type of "confession" on the Youtube platform. Parishes of the central districts of the Yekaterinburg city

Храм / Temple	Священник / Priest (Актор)	Прихожане / Parishioners (Актор)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Confession in the service schedule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as ritual (средство)	Исповедь как таинство / Confession as a mystery (тема)
1. Свято-Троицкий кафедральный собор	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
2. Всех святых, в земле Российской просиявших (Храм-Памятник на Крови)	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
3. Вознесения Господня	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
4. Святителя Николая Чудотворца	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
5. Всех Святых на Михайловском кладбище	нет	нет	нет	нет	нет	нет
6. Часовня святой великомученицы Екатерины	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UCjzeozusZ3VbT2atgpLgY7A ролики, посвященные восстановлению Храма Святой Екатерины на историческом месте	нет	нет	нет

Храм / Temple	Священник / Priest (Актор)	Прихожане / Parishioners (Актор)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Confession in the service schedule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as ritual (средство)	Исповедь как таинство / Confession as a mystery (тема)
7. В честь иконы Божией Матери «Порт-Артурская»	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
8. Иоанно-Предтеченский собор	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет
9. Казанской иконы Божией Матери, Площадь центрального рынка 6	нет	нет	нет	нет	нет	нет
10. Во имя Святителя Иннокентия, митрополита Московского	нет	нет	нет	нет	нет	нет
11. Православный приход церкви «Большой Златоуст»	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет	нет

Таблица 2. Репрезентация структурных компонентов цифрового взаимодействия по типу «исповедь» на платформе Youtube. Приходы спальных районов города Екатеринбурга

Table 2. Representation of the structural components of digital interaction by the type of "confession" on the Youtube platform. Parishes of the dormitory districts of the Yekaterinburg city

Храм / Temple	Священник / Priest (Акторы)	Прихожане / Parishioners (Акторы)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Confession in the service schedule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as a ritual (средство)	Исповедь как таинство / Confession as a sacrament (тема)
1. Градо-Екатеринбургская Симеоновская церковь-школа	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UCgjH30whD3SpUIeoEcP2FMA выступления детского церковного хора и вознесение креста на купол	нет	нет	нет
2. Православный приход во имя Святого Преподобного Серафима Саровского	нет	нет	нет	нет	нет	нет
3. В честь Святых Целителей Космы и Дамиана Асийских	нет	нет	нет	нет	нет	нет
4. Приход во имя Успения Пресвятой Богородицы (ВИЗ)	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UCVTTQESVhICk_59YWpnDO_Q видеоблог настоятеля, жизнь прихода, новостные сюжеты о зраме, беседы со священниками, концерты	нет	нет	на YouTube канале видеозапись беседы со священником о покаянном настрое.

Храм / Temple	Священник / Priest (Акторы)	Прихожане / Parishioners (Акторы)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Con- fession in the service sched- ule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as a ritual (средство)	Исповедь как таин- ство / Confession as a sacrament (тема)
5. Приход во имя святой Великой княгини Елиса- веты Феодоровны (Оби- тель Милосердия)	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UCDkKq7NI4rgS1UBqEFlr5UA видео отчеты о работе службы милосердия, жизни сестёр и подопечных обители	нет	нет	нет
6. Во имя Святого Вели- комученика Георгия Победоносца	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UCYdpWAPIM6fJR2a9MH7LgWw видеозаписи проповедей настоятеля, расположенных в хронологическом порядке июнь 2015 – май 2018	нет	нет	нет
7. Во имя Успения Пре- святой Богородицы (Эльмаш)	нет	нет	нет	нет	нет	нет
8. Во имя преподобного Сергия Радонежского и преподобной мученицы Елисаветы	нет	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube- канале теле- канала «Со- юз»	нет	нет
9. Храм Рождества Хри- стова (Уралмаш)	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UC_aO29teMndIrmLZC	нет	нет	нет

Храм / Temple	Священник / Priest (Акторы)	Прихожане / Parishioners (Акторы)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Confession in the service schedule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as a ritual (средство)	Исповедь как таинство / Confession as a sacrament (тема)
			Xipk-g записи проповедей, крестного хода; выступлений детского хора; мультфильм, нарисованный детьми в приходской видеостудии			
10. Во имя Святой Блаженной Матроны Московской	нет	нет	нет	нет	нет	нет

Большой интерес представляет авторский проект настоятеля прихода «Благая часть», который и является собственным видеоблогом священника. Всего проект насчитывает 606 роликов, расположенных в хронологическом порядке. Видео начали выходить в августе 2017 года и с тех пор выкладываются ежедневно, с очень редкими пропусками. В описании плейлиста на канале сказано: «Каждая программа – это разговор о самом важном, о жизненном, беспокоящем душу. Свои духовные размышления о пути к Богу и спасении души, о борьбе со страстями и поиске Истины батюшка рассматривает через призму современных событий». В этом же разделе – видеозапись беседы с настоятелем о покаянном настрое. В ходе передачи священник отвечает на вопросы прихожан, зачитываемые ведущей. Настоятель поясняет, что такое исповедь, в чем ее смысл, как правильно к ней готовиться, как ее проходить; как строятся отношения кающегося и священника в процессе совершения таинства. Отдельная часть передачи посвящена исповеди детей и подростков. Настоятель поясняет родителям отличия между исповедью взрослого и ребенка, дает советы о том, как помочь в подготовке.

Важно отметить, что этот канал имеет самое большое число подписчиков – как уже говорилось ранее, 2,8 тысяч человек. Ролики этого канала имеют и самое большое число просмотров, оно колеблется от 240 до 2000. Лайков, комментариев и репостов ролики канала не имеют. Возможно, это связано с тематикой выпусков. Выложенные записи не преследуют цели открыть дискуссию, скорее, они направлены на то, чтобы побудить аудиторию к внутренней работе над собой.

Канал храма во имя Преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны (*Обитель милосердия*) (табл. 2, № 5) называется: «Храм святой Великой Княгини Елисаветы». На канале 56 подписчиков, 106 видеороликов, объединенных в 13 плейлистов. Все они посвящены

кам – празднование десятилетия обители, жизнь ее подопечных и жизнь сестер.

Канал храма Великомученика Георгия (табл. 2, № 6) носит название «Храм Георгия Победоносца». На канале 28 подписчиков и один плейлист, содержащий 126 видео. Всё это записи проповедей настоятеля и священников храма. Проповеди выложены в хронологическом порядке, начиная с июня 2015 года. Последняя видеозапись датирована 27 мая 2018 года. Темы проповедей соответствуют церковному календарю, священник почти на всех записях с книгой в руках зачитывает Евангелие. Отдельно исповедь и причастие проповедник на этих записях не упоминает.

Канал храма рождества Христова (табл. 2 № 9) называется «Храм Рождества Христова г. Екатеринбург». Он создан 6 марта 2017 года, на канале 18 подписчиков и 73 ролика, объединенные в два плейлиста. Первый из них – спектакли и концерты, показанные детьми при храме. А второй – записи проповедей настоятеля и священников храма. Проповеди выложены в хронологическом порядке, начиная с апреля 2017 года. Последняя запись датирована 28 августа 2018 года. Проповеди поднимают только евангельские темы. О катехизаторских вопросах священники не говорят, поэтому информации об исповеди и причастии в проповедях не найдено.

YouTube канал храма в честь Владимирской иконы Божией Матери на семи ключах (табл. 3 № 3) носит название «Владимирский приход». Создан в 2014 году. Он структурирован 10-ю плейлистами, внутри которых сгруппированы 284 видео. Большая часть записей – это передачи телеканала «Союз». На канале выложено три эпизода из цикла «Есть что сказать». Эта программа представляет собой беседы со священником, в ходе которых поднимаются проблемы духовной жизни верующих, несущих военную службу. Обсуждаются благотворительные акции, проводимые епархией и администрацией города для военных. Зрителям передачи предлагается принять в них участие.

Таблица 3. Репрезентация структурных компонентов цифрового взаимодействия по типу «исповедь» на платформе Youtube. Приходы спальных районов города Екатеринбурга

Table 3. Representation of the structural components of digital interaction by the type of "confession" on the Youtube platform. Parishes of the outskirts districts of the Yekaterinburg city

Храм / Temple	Священник / Priest (Актор)	Прихожане / Parishioners (Актор)	YouTube (Пространство)	Исповедь в расписании служб / Confession in the service schedule (время)	Исповедь как ритуал / Confession as a ritual (средство)	Исповедь как таинство / Confession as a sacrament (тема)
1. Архиерейское подворье во имя святителя Саввы Сербского	нет	нет	нет	Новостные репортажи на YouTube канале телеканала «Союз»	нет	нет
2. Святого Равноапостольного Князя Владимира	нет	нет	нет	нет	нет	нет
3. Владимирской иконы Божией Матери на Семи Ключах	нет	нет	https://www.youtube.com/channel/UC8lHBxJ4b2LLevrzMEDh2aA циклы передач Телеканала «Союз»: «Есть что сказать», «Школа покаяния», «Размышления на погосте». Видеозапись цикла огласительных бесед (читает катехизатор Сергей Масленников)	нет	нет	на YouTube-канале циклы передач Телеканала «Союз»: «Школа покаяния», где очень подробно разбирается духовный смысл исповеди

Большая часть видео на канале – это цикл передач «Школа покаяния», выпускаемый той же телекомпанией. Цикл состоит из 70 передач – уроков, в ходе которых обсуждаются самые разные вопросы, связанные с покаянием, сокрушением, исповедью, праведной жизнью. Каждый выпуск посвящен конкретной, очень узкой теме или проблеме, с которой сталкиваются православные в повседневной жизни. В ходе обсуждения ведущая дает ответы на вопросы и конкретные рекомендации, как правильно себя вести православному в разных жизненных обстоятельствах. Схожей тематикой и содержанием обладает и цикл передач телеканала «Союз» «Размышление на погосте». Основной посыл сюжетов состоит в том, что православный должен помнить о смерти, будучи живым, и готовить свою душу к загробной жизни. Здесь, как пример для подражания, зрителям приводятся жизнеописания православных святых, старцев и мучеников. Кроме этого, на канал выложен цикл из 20 огласительных бесед, которые читает катехизатор Сергей Масленников.

Деятельность на платформе YouTube ведут не только приходы храмов, но и православная телекомпания «Союз». Ее видеороликами представлены здесь еще девять храмов Екатеринбурга, которые не имеют собственных каналов (см.: табл. 1 (№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 11); табл. 2 (№ 8); табл. 3 (№ 1)). На YouTube канале телекомпании собраны новостные сюжеты, рассказывающие о событиях в этих храмах – открытиях, освящениях, торжественных службах, детских и престольных праздниках.

Таким образом, из 54 православных приходов города Екатеринбурга на платформе YouTube собственный канал ведут только семь. Их коммуникативный контент содержит в себе следующие смысловые единицы, ранжированные нами по частотности: жизнь прихода (4 из 7), передачи ТК «Союз» (4 из 7), детские коллективы (3 из 7), записи проповедей (3 из 7), восстановление храма (2 из 7), вопросы духовной жизни (2 из 7). При этом исповедь

как тема коммуникации не является частотной ни для одного из них. Полная номенклатура единиц наблюдения также не представлена ни в одном случае. Из 7 каналов лишь один – Храма Успения Пресвятой Богородицы (ВИЗ)) (табл. 2, № 4) – содержит специальную беседу об исповеди как таинстве длительностью 46 минут. Другой храм в честь Владимирской иконы Божией Матери на Семи Ключах (табл. 3, № 3) предлагает полный цикл записей программы «Школа Покаяния», где так же обсуждается исповедь как таинство. Другие девять храмов, представленные на YouTube новостными роликами православного телеканала «Союз», сами не являются создателями контента и не говорят о себе от первого лица.

Сравнивая эти данные с полученными в 2017 году, мы видим, что в одном случае (табл. 2, № 4) храм имеет низкую посещаемость – всего шесть человек, при том что максимальное число посетителей для храма спального района составляет 112 человек, согласно данным исследования. Одновременно с этим другой храм (табл. 3, № 3), представленный на платформе YouTube, хоть и не со всеми компонентами исповеди, является одним из самых посещаемых в городе (183 человека при максимальном количестве в 212 посетителей). Исповеди в этом храме в день наблюдения не проводилась, однако проводилось причастие. Это связано с тем, что период исследования совпал с празднованием Пасхи в 2017 году (Островская Е.А., Алексеева Е.В., 2018, с. 74-75).

Литература

1. Островская, Е.А., Алексеева, Е.В. Структурированное наблюдение как метод изучения религиозного ландшафта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 71-115.
2. Denzin, N.K. Interpretive Interactionism (Applied social research methods). 2nd ed. London: Sage, 2002. 208 p.
3. Denzin, N.K. Symbolic interactionism and ethnomethodology: a proposed synthesis //

American Sociological Review. 1969. Vol. 34, Iss. 6. Pp. 922-934.

4. Denzin, N.K., Lincoln Y.S. The SAGE Handbook of Qualitative Research. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. 1210 p.

5. Denzin, N.K., Lincoln Y.S. The SAGE Handbook of Qualitative Research. 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage. 2011. 784 p.

6. Hjarvard, S. The mediatization of religion. A theory of the media as agents of religious change // Northern Lights. 2008. № 6 (1). Pp. 9-26.

7. Luhmann, N. (1982), The Differentiation of Society. New York: Columbia University Press.

References

1. Ostrovskaya, E. A. and Alekseeva, E. V. (2018) "Strukturirovannoye nablyudeniye kak metod izucheniya religioznogo landshafta" [Structured observation as a method of the religious landscape studies], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 71-115.

2. Denzin, N. K. (2002), *Interpretive Interactionism (Applied social research methods series, 2nd ed.)*, Sage, London, UK.

3. Denzin, N. K. (1969), "Symbolic interactionism and ethnomethodology: a proposed synthesis", *American Sociological Review*, 34 (6), 922-934.

4. Denzin, N. K. and Lincoln, Y. S. (2005), *The SAGE Handbook of Qualitative Research* (3rd ed.), Sage, Thousand Oaks, CA.

5. Denzin, N. K. and Lincoln, Y. S. (2011), *The SAGE Handbook of Qualitative Research* (4th ed.), Sage, Thousand Oaks, CA.

6. Hjarvard, S. (2008), "The mediatization of religion. A theory of the media as agents of religious change", *Northern Lights*, 6 (1), 9-26.

7. Luhmann, N. (1982), *The Differentiation of Society*. New York: Columbia University Press.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-03-00-387. «Формирование религиозной идентичности (на примере православных приходов города Екатеринбурга)»

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Алексеева Екатерина Владимировна, магистр социологии, соискатель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, 620000, Российская Федерация; ekaterinaalexeeva@urfu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina V. Alexeeva, Master of Sociology, PhD Student Candidate, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Yekaterinburg, 620000, Russia; ekaterinaalexeeva@urfu.ru

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 167; 930

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-5

Быстрицкий Н. И. | ИСТОРИЯ И КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119192, Российская Федерация; nb@rusistin.ru

Аннотация. Бурное технологическое развитие, ускорившееся в XXI веке, порождает новые вызовы перед социально-гуманитарным знанием, в том числе историческим. Как мы помним, 2017 год ознаменовался бумом электронных платежных систем (количество первичных размещений криптовалют (ICO) за год удвоилось, а курсы ведущих криптовалют Биткоин и Эфириум стремительно выросли более чем в десять раз). Такой социально-экономический эффект несомненно демонстрирует нам значащую роль технологий в общественной жизни. В настоящей работе раскрываются потенциальные возможности конвергентных NBICS-технологий, и в частности концепции блокчейн, для развития исторического знания. Также здесь обсуждаются вопросы воздействия конвергентных NBICS-технологий на исторический процесс и трансформацию исторического знания, ведущую к появлению неизбежных новаций в историописании. Для сохранения полноты исторического знания предлагается учитывать возможные траектории социальной трансформации и развивать методологический инструментарий исторической науки на основе междисциплинарного синтеза.

Ключевые слова: историческое знание; цифровая история; методология истории; конвергентные технологии; NBICS; искусственный интеллект (ИИ); блокчейн; четвертая промышленная революция.

N. I. Bystritskiy | HISTORY AND CONVERGENT TECHNOLOGIES

Lomonosov Moscow State University, bld. 4, 27 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119192, Russian Federation; nb@rusistin.ru

Abstract. Rapid technological development, accelerated in the XXI century, poses new challenges for the social sciences, including historical knowledge. As we can remember, 2017 was inextricably linked with the boom of electronic payments (the number of Initial coin offerings (ICO) of cryptocurrencies doubled over the year, and the prices of the famous cryptocurrencies Bitcoin and Ethereum rapidly increased more than ten times). Such a socio-economic impact shows the significant role of emergent technologies in the contemporary social life. The present study discusses the potential of convergent NBICS-technologies, especially the Blockchain concept for application in the development of historical knowledge. Besides, an attempt is made to discuss the convergence technologies impact on historical process, as well as their influence on the transformation of historical knowledge, which will lead to emergence of inevitable innovations in professional historian writing. To preserve

the completeness of historical knowledge, it is proposed to take into account possible trajectories of social transformation and to develop methodological tools of historical science based on interdisciplinary synthesis.

Keywords: historical knowledge; Digital History; historical methodology; convergent technologies; NBICS; Artificial Intelligence; Blockchain; Industry 4.0

«История — это наука о прошлом и наука о будущем»¹

Люсьен Февр

Информационные технологии, получившие бурное развитие во второй половине XX века и лежащие в основании третьей промышленной революции, продолжают менять ландшафт человеческой цивилизации, трансформируя ее в информационное общество (Варакин, 2001; Кастельс, 2000). Сегодня мы уже не можем обойтись без информационных средств, они стали нашими помощниками, инструментами и игрушками. И с каждым годом их влияние на человеческое общество становится все более чувствительным. В развитии темы хотелось бы попытаться поразмышлять о воздействии современных технологических сдвигов не только на сам ход истории, но и на трансформацию исторического знания и появление неизбежных новаций в историописании.

Не успели мы освоиться и прийти в себя от третьей индустриальной революции, как нас уже погружают в новую. Ее предвестниками являются передовые достижения науки и техники – Интернет вещей, виртуальная и дополненная реальности, роботизация и конвергентные

NBICS-технологии², которые незаметно, но динамично меняют привычную человеческую среду и начинают диктовать свои правила жизни (Adamson, 2012; Morozov, 2013).

В настоящее время исчадия конвергентных технологий всё глубже просачиваются в различные сферы нашей жизни, в том числе стала приметной такая инновация как блокчейн. Появившаяся в 2008 году концепция блокчейна была просто базовой технологией обслуживания операций платежной системы криптовалюты Биткоин, теперь же она символизирует революцию в системах хранения и обработки данных. По степени влияния на общественную жизнь внедрение концептуаль-

² За последние десятилетия некоторые научные области демонстрируют быстрый рост, благодаря практике перекрестных открытий, когда приращения в одной области происходят за счет достижений в другой и наоборот. Представляется, что их совместное развитие может обеспечить заметный социальный прогресс, способный изменить status quo. Плоды интеграции междисциплинарных исследований и разработок самых прорывных научно-технологических областей – нанотехнологии, биологические и информационные технологии и когнитивные науки (сокращенно NBICS или НБИКС) – принято называть конвергентными технологиями. Этот популярный в настоящее время термин для обозначения новейших технологий был введен в широкий оборот в опубликованном в 2002 году отчете «Конвергентные технологии для повышения производительности человека» Майкла Роко и Уильяма Бейнбриджа, в котором говорится: «Технологии все больше будут доминировать в мире. Поэтому успех этой приоритетной области конвергентных технологий имеет важное значение для будущего человечества» (Roco, Bainbridge, 2002: 244-274). Сегодня уже стало ясно, что никакой прогресс невозможен без совершенствования социальных технологий, поэтому они также являются непременной составляющей конвергенции – о чем прямо заявляли специалисты НИЦ «Курчатовский институт».

¹ Так проникновенная мысль Л. Февра обычно цитируется в русскоязычной литературе. Это высказывание приводится Фернаном Броделем в известной статье «История и общественные науки. Историческая длительность», где утверждается, что оно являлось любимым выражением Февра в последние годы его жизни. В оригинальном тексте оно звучит так: «histoire science du passé, science du présent (история – наука о прошлом и наука о настоящем)» и согласуется с логикой самой статьи (Braudel, 1958: 738). Однако с легкой руки переводившего статью философа и эксцентричной личности Юрия Алексеевича Асеева оно приобрело иное звучание и расширилось на более длительную перспективу (Бродель, 1977: 134).

ных принципов блокчейна может оказаться не менее переломным, чем развитие сети Интернет или повальное использование мобильной связи, а теперь и смартфонов (Tapscott, 2016). «В мире информационных технологий произошло пять революций – изобретение компьютеров, создание персональных компьютеров, интернета, социальных сетей и блокчейн» – считает глава Сбербанка Герман Греф. Он уверен, что блокчейн «перевернет все индустрии без исключения от сельского хозяйства, заканчивая банками, и ... государственные органы тоже» (Греф, 2016). Чем же так привлекателен блокчейн?

В современном понимании «блокчейн» («цепочка блоков», от англ. block – блок, и chain – цепочка) – распределенная информационная среда, которая по сути является вместилищем публичных данных – записей обо всех операциях, производимых ее участниками. Понятно, что существует и оперирует она исключительно в цифровой форме. Информация хранится в виде цепочки блоков данных, каждый из которых содержит информацию об определенном числе операций (взаимодействий, транзакций, коммуникаций). Основные свойства блокчейна – это распределенность, публичность и математическая достоверность. Технологической основой блокчейна является совершенно новый вид базы данных, которая распределенно хранит данные в сети на цифровых устройствах участников. Принцип ее работы схож с пиринговыми сетями (знакомые примеры – торренты, юзенет, DC, Напстер). Реестр блоков хранится одновременно у всех участников системы и автоматически обновляется до актуальной версии при каждой новой операции (Равал, 2017: 41-90). Каждый участник не только имеет доступ к информации о любой операции, когда-либо произошедшей в системе, но и в совокупности выступает в качестве коллективного нотариуса, который подтверждает истинность информации в базе данных (Чеклецов, 2016а; Walport, 2016; O'Byrne, 2016). Согласно установ-

ленным строгим математическим правилам, при появлении на текущий момент времени новых публичных данных (совершении и подтверждении любой операции или серии операций) в цепочку добавляется новый блок, который включает необходимые сведения об учете этих данных. Каждый блок идентифицируется криптографической подписью (хеш-суммой), которая содержит метку времени и подпись предшествующего блока. Получается, что все блоки в цепочке обратно связаны, то есть каждый блок ссылается на подпись предыдущего блока, и таким образом от любого блока можно проследить назад всю историю операций – всю цепочку к самому первому блоку. Онтологически каждый блок содержит информацию обо всей сети в целом (Генкин, Михеев, 2018: 62-94). Это важное следствие историчности обеспечило технологии блокчейн изначальную гарантию достоверности, в виду того что исключается всякая практическая возможность несанкционированно добавить фальшивый блок или заменить существующий, поскольку это сразу же окажется замеченным во всей распределенной сети. Одновременно блокчейн реализует оперативное реагирование на изменение своей структуры и защищает информацию надежнее, чем любая технология, которая использовалась ранее, точно фиксируя время операции и ее подлинность (Wattenhofer, 2016). Вот и получается, что мошенничество, попытки стороннего вмешательства или даже пиратство в ней практически исключены.

Блокчейн представляется, считают эксперты, практическим решением многолетней «задачи византийских генералов» (Pérez-Solà, Herrera-Joancomart, 2014). Ее суть заключается в разрешении вопроса, как группе генералов, управляющих отрядами византийской армии, договориться об общем плане наступления, если в их среде могут иметься предатели. В сущности, это решение должно разрешить проблему установления доверительных отношений между различными сторонами, связанны-

ми через ненадежные сети, такие как Интернет, а блокчейн фактически станет технологией доверия в Интернете (Goel, 2016). «Блокчейн позволяет строить отношения с людьми и организациями, которым ты не доверяешь, но оставаться уверенным, что защищен от любого обмана» — отмечает руководитель Центра прототипирования НИУ ВШЭ Марина Гурьева (Шароян, 2015б). Эта способность блокчейна устранить необходимость взаимного доверия сторон и привлечения гаранта сделки в качестве доверенной третьей стороны сделало его необходимой технологической основой для реализации «умных» контрактов (смарт контрактов) – сетевых процедур автоматизированного исполнения достигнутых договоренностей³. В конечном итоге, усиливающаяся децентрализация доверия, прививаемая блокчейном, приведет к трансформации роли традиционных институтов, которые концентрировали общественное доверие – крупных компаний и государств.

Специалисты образно сравнивают блокчейн со стеклянным сейфом, скажем, из сверхпрочного стекла, в который каждый зарегистрированный пользователь может положить что угодно. Любые другие пользователи будут видеть, что именно туда положено. А вот забрать что-то из сейфа или изменить может только хозяин предмета, или лицо, кому такие права делегированы, т. е. обладатель определенных прав доступа, а яснее выражаясь, определенного ключа, известного только тому, для кого он предназначен. Разумеется, взломать или разбить такой сейф нельзя. Альтернативной аналогией выступает образ единого, но находящегося у каждого пользователя дневника, куда он вносит свои записи и которые немедленно появляются в дневниках других. Однако этот

«волшебный дневник» ведется на непонятном языке, напоминая Манускрипт Войнич⁴, и обладает магическими (математическими) средствами, которые позволяют пользователям видеть весь текст, но прочесть только те строки, которые предназначены для них. Всем же другим, включая самих волшебников (владельцев сервиса и администраторов) ни изменить, ни добавить туда ничего невозможно.

Такая защищенность технологии, ее независимость и низкие издержки по эксплуатации делают ее привлекательной для бизнеса и государственных структур. Изначально создававшаяся как базовая среда для цифровой валюты Биткоин, она сегодня находит все более широкое применение во многих областях. Не так давно специалисты осознали, что базовая технология куда более интереснее самой криптовалюты и способна обеспечить намного больше возможностей, чем просто платежи. На основе концепции блокчейн нарастается создание различных платформ и сервисов – как ведущие хай-тек гиганты (IBM, Microsoft, Sony, Samsung), так и стартапы (Эфириум, Factom и др.) основательно включились в этот процесс. Владелец стартапа Block Notary Игорь Баринов, характеризуя блокчейн, отмечает: «По сути это регистратор новой эры. Если проводить аналогии, то нотариус – это устаревший, не очень эффективный аналог блокчейна. Он дорогой, плохо масштабируется, требует помещения и, главное, никогда нельзя исключить человеческий фактор» (Шароян, 2015а). Эти функции идеального регистратора воплощаются в развиваемых различными компаниями новых электронных сервисах. В качестве примеров можно

³ Под умным контрактом принято понимать договор, существующий в форме программного кода, который обеспечивает автономность и самоисполнимость предмета такого договора при наступлении заранее определенных в нем условий (Савельев, 2016: 46; Swanson, 2014).

⁴ Манускрипт Войнич – иллюминированный кодекс, составленный на 240 страницах тонкого пергамента и написанный, предположительно, в первой половине XV века неизвестным автором, когда-то принадлежал императору Священной Римской империи Рудольфу II. Манускрипт содержит иллюстрации и закодированный текст на неизвестном языке, который до сих пор не удается расшифровать.

привести: Ascribe и UjoMusic – обеспечивают управление правами на произведения искусства; Provenance – осуществляет контроль происхождения товаров; BitProof – сервис заверения документов; EverLedger – реестр истории собственности бриллиантов; Evernym – глобальная сеть персональной идентификации; Blockcerts – сервис проверки подлинности дипломов и других документов об образовании; Colony – позволяет людям по всему миру создавать компании в режиме онлайн, и др.

Правительства и корпорации все чаще приходят к выводу, что внедрение блокчейн – реальное средство для оптимизации собственной структуры и расходов. Так, правительства Греции и Гондураса заказали создание земельного кадастра, а Эстония совместно с бразильским стартапом Bitnation усовершенствовала идентификацию беженцев. Сейчас Bitnation предлагает правительствам европейских стран свою технологию, чтобы легче справиться с наплывом беженцев с Ближнего Востока, не имеющих документов. Компания предлагает оформить мигрантам виртуальное гражданство с регистрацией их данных в блокчейне, своего рода нансеновский паспорт, который будет признаваться правительствами других стран. Этнологам и политологам будет небезынтересна идея нового цифрового национального образования, реализуемого в этом амбициозном проекте. По заявлению его основательницы Сьюзан Темплхоф, проект должен «разрушить олигополию национальных государств» и сделать менее значимой «устаревшую систему государственных границ»; она надеется, что в будущем Bitnation будут признавать как суверенную единицу, а открытый реестр – как суверенную юрисдикцию (Шароян, 2015а). Европарламент рассматривает возможность использования блокчейна для организации голосований на выборах, этой теме посвящен его экспертный документ «Что, если блокчейн произведет революцию в голосовании?» (Boucher, 2016). Пилотные проекты по электронному голосованию осу-

ществляются в США, Украине, Австралии и др. Правительство Великобритании с помощью блокчейн организует отслеживание денег налогоплательщиков, в частности – студенческих кредитов, грантов и налогов. Предоставляемый открытый и надежный доступ к информации в итоге оказывается полезен для государства, которое сможет оптимизировать взаимодействие с гражданами и легче взимать налоги. Концепция блокчейн сегодня стала основой мощного общественного движения ДАО (децентрализованных автономных организаций).

Революционное значение новой технологии сразу же оценили банки, в частности, более 70 крупнейших банков и финансовых компаний вошли в состав консорциума R3, созданного для применения технологии блокчейн в финансовой сфере. Еще в сентябре 2015 года на Казанском форуме инновационных финансовых технологий Finnpolis замглавы ЦБ РФ Ольга Скоробогатова заявила, что регулятор создает рабочую группу для изучения блокчейна⁵, а сегодня он уже запустил инфраструктуру смарт-контрактов и удаленной идентификации физических лиц – мастерчейн (Алексеевских, 2017). Одновременно интерес к блокчейну проявили представители Сбербанка, ВЭБа, Национального расчетного депозитария, Московской биржи и др. А платежная система QIWI выпустило собственную криптовалюту – битрубль. Правительство рассматривает блокчейн как базовую технологию госпрограммы «Цифровая экономика РФ». Сегодня мы становимся свидетелями, как блокчейн-технологии прочно вливаются в нашу жизнь: привычные услуги и товары можно будет получать с его использованием: заказать еду, оформить паспорт, зарегистрировать автомобиль, продать квартиру, по-

⁵ ЦБ РФ создал рабочую группу по изучению технологии blockchain // INTERFAX.RU. 18.09.2015. URL: <http://www.interfax.ru/business/467647> (дата обращения: 05.10.2018)

лучить кредит, приобрести билеты и т.д. (Генкин, Михеев, 2018: 315-382).

Предсказывают, что блокчейн принесет свежую струю и в область образования. Как считается, в экономике будущего станет цениться не столько диплом об образовании, сколько весь спектр компетенций, непрерывно получаемых индивидом в течении всей жизни (Watters, 2016). Такие компетенции могут генерироваться не только образованием, но и опытом, получаемым на работе, и обретенными в свободное время навыками. Защищенные платформы для учета всего пула дипломов, сертификатов, успешно выполненных проектов и грантов, должностных обязанностей, оценок, рекомендательных и благодарственных писем (так называемых бейджей) как раз и поможет реализовать блокчейн.

Однако важнейшим пластом практического применения блокчейна должен оказаться Интернет вещей (англ. Internet of Things, IoT) – Интернет-сеть взаимодействующих друг с другом физических устройств («вещей»), оснащенных встроенными электронными («умными») технологиями, призванными сделать комфортнее нашу жизнь. Как уже отмечалось выше, блокчейн лежит в основе умных контрактов, которые, в свою очередь, являются базовым инструментом для реализации Интернета вещей (Boroujerdi, Wolf, 2015: 5). В итоге конгломерат различных умных устройств будет самостоятельно существовать и взаимодействовать посредством блокчейна.

В данной связи философ Вадим Чеклецов отмечает: «Блокчейн – это не просто распределенный реестр, но и некие зачатки нового уровня цифровой вечности» (Чеклецов, 2016б). Сразу же на ум приходит представление о «Великой цепи бытия» (лат. Scala Naturae), которую Артур Лавджой назвал одним из центральных учений западной философии – цепи, «связывающей бесконечное число звеньев, расположенных в иерархическом порядке: от ничтожных существ, балансирующих на

границ не-существования... и вплоть до ens perfectissimum» (Лавджой, 2001: 62). Это представление, что все формы бытия выстраиваются в некую последовательность, разворачивающуюся во времени и пространстве и слагающуюся в великую цепь бытия, по существу восходит к идеям Платона и Аристотеля.

Их старшие современники Геродот и Фукидид стояли у основания исторической науки. Геродот в начале своего произведения «История» сообщает, что «собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение» (Геродот, 1972: 11). Фукидид же в своей «Истории» выражает надежду, что его труд будет полезен для тех, «кто захочет исследовать достоверность прошлых событий» (Фукидид, 1981: 7). Как мы видим, они представляли свои исторические труды как повествования о последовательности событий, в которых отражена окружающая их общественная жизнь. Уже в XX веке Поль Рикёр заметил: «История претендует... на ретроспективное создание и составление цепи событий» (Рикёр, 2002: 38). Стало быть, говоря современным языком, содержание исторической науки составляют знания о цепочках событий, которые определяли состояния и изменение участников (объектов) исторического процесса. Понятно, что события возникают не сами по себе, а как результаты действий исторических объектов (Ковальченко, 1987: 48; Крайнов, 2014: 191). Объекты же, в качестве участников, могут осуществлять действия или сами подвергаться внешним действиям или процессам. Действие обладает определенной пространственно-временной длительностью и может быть образно представлено нами в виде вектора (графа), начинающегося событием начала и заканчивающегося событием окончания действия. Последнее является определяющим событием, так как именно оно характеризует анализируемое состояние объекта по результатам действия (Быстрицкий, 2011). События характеризуются конкретными временными

и пространственными параметрами. Таким образом, исторические события выступают как проявленные и зафиксированные состояния объекта на определенный момент времени и отражают результаты целенаправленных действий или нецеленаправленных процессов (Кузенков, Быстрицкий, 2011: 302-303). Действия и процессы, а следовательно и события, находятся друг с другом в различных, в том числе и каузальных (причинно-следственных) отношениях (Быстрицкий, 2012: 86). Одной из основных задач исторического исследования является выявление причинно-следственных связей между событиями (Блок, 1986: 108-110), осуществляемое на основе установления темпоральных и иных типов отношений.

В общем виде историческое знание может быть представлено нами в качестве набора взаимовлияющих цепочек, соединенных причинно-следственными связями и состоящих из последовательных действий, совершенных историческими объектами (Быстрицкий, 2018: 21). Такие цепочки могут пересекаться с другими или оставаться автономными. Как можно наблюдать, это естественное представление исторического знания в виде цепочек, состоящих из блоков исторических действий (событий) оказывается сродни подходу, реализуемому в концепции блокчейн. В блокчейне это цепочка блоков, связанных ссылками на предыдущий, а в истории – цепочка действий, связанных причинно-следственной связью с предыдущими. Как видно, сходство здесь предельно явное.

Кроме того, рассматривая общественную жизнь с иного ракурса, можно заметить, что она состоит из постоянных взаимодействий между участниками, заключающихся в передаче, перераспределении информационных и материальных ресурсов. В силу этого все общественные процессы можно свести к коммуникации и материальным операциям разного характера, называемым в социологии обменами или трансфертами (Бродель, 1988: 6-7;

Градосельская, 2004: 75). А блокчейн, как мы выше ознакомились, как раз и является информационной средой для отражения операций. Получается, что для различных уровней исторического исследования его результаты можно свести к форме, совместимой с используемой в блокчейне.

Также блокчейн, благодаря своей хроникальной точности, помогает усовершенствовать методы датировки и установления научного приоритета. Как ясно, блокчейн способен выступать в качестве надежного журнала событий, в который можно добавлять точно датированные блоки, но нельзя ничего удалить бесследно. Он однозначно запечатлевает точные хронологические рамки, когда событие (блок) было помещено в этот журнал и позволяет фиксировать факт, что определенный ресурс (файл, изображение, предмет, событие) создан или существовал на строго определенный момент времени. Например, существует потребность зафиксировать вид архитектурного памятника на определенную дату – производится его фотографирование и фотоизображения размещаются в каком-нибудь электронном хранилище, а криптографические подписи фотоизображений размещаются в блоке блокчейна, имеющем точную привязку ко времени, которую невозможно изменить. Это уникальная возможность хронологической идентификации, которая раньше была труднореализуема, может оказаться крайне полезной в историческом знании.

В итоге блокчейн, вероятно, является перспективной технологией для описания и хранения исторических знаний. Надежность и защищенность блокчейна, гарантируемая им непоколебимая достоверность также не окажутся лишними для надежной сохранности исторических данных. Конечно, его использование потребует определенной адаптации, создания специальных методов и приложений, но начинать задумываться об этом стоит уже сейчас.

Другой аспект, на который хотелось бы обратить внимание, – это последствия набирающего темп бурного вторжения но-

вейших технологий в нашу повседневную жизнь. Для нас стало обыденностью наличие смартфонов, торговых автоматов, платежных терминалов, электронных билетов и разного рода гаджетов – мы практически привыкли взаимодействовать с ними и уже не представляем, что их не существовало всего несколько лет назад. Следующей кардинальной вехой ближайшего будущего станет четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0), в которую мы сейчас неуклонно вступаем. Она приведет к повсеместному внедрению аддитивного производства и так называемых киберфизических систем, сформированных технологиями межмашинного (M2M) взаимодействия, беспроводных сенсорных сетей, автоматической бесконтактной идентификации, интернета вещей и «умной пыли», анализа больших данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта и робототехники (Шваб, 2018). Неприметно идет повсеместное вторжение интеллектуальных электронных устройств в наш труд, досуг и быт. Уже не кажутся фантастическими такие варианты, как: смарт-холодильник, самостоятельно закупающий продукты; кухонный шкаф, автоматически готовящий ваше любимое блюдо; робот-помощник по дому; смарт-автомобиль с автопилотом; робот-продавец и кассав-автомат; офисный ассистент и робот-журналист, андроид-экскурсовод и пр. Массе таких умных устройств, обещающих повышение качества нашей жизни, вовсе не обязательно обладать развитым искусственным интеллектом, а вполне допустимо функционировать с ограниченной интеллектуальностью и возможностью обучаться, постепенно наращивая свой техноинтеллект. Умные устройства, подключенные к всемирной сети Интернет, для выполнения своих задач могут объединяться в кластеры и структуры, взаимодействовать с человеком и между собой, договариваться и обмениваться не только информацией, но продуктами, услугами и денежными средствами. Более того, они могут стать субъектами правовых отноше-

ний и создавать свои виртуальные юридические лица, как это, например, описано в футуристическом романе Чарльза Стросса «Акселерандо» (Stross, 2006). «В блокчейне никто не знает, что ты холодильник» – заявил Ричард Браун, ныне технический директор консорциума R3, иллюстрируя идею о том, что в блокчейне нет дискриминации умных устройств и любой подключенный цифровой агент может заключать контракты и проводить операции (Brown, 2013).

Перспективы ближайшего будущего подводят уже сегодня нас к пониманию того, что общественная жизнь становится сложнее – в нее включаются новые участники, которые смогут оказывать самое существенное влияние (Аршинов, 2016). Первым делом мы стали чувствовать воздействие умных устройств на наш быт и профессиональную деятельность. Их постепенное проникновение в сферу последнего приведет, как подчеркивают аналитики, к вытеснению человека из ряда профессий и исчезновению ряда традиционных человеческих занятий⁶. Придут в смятение устоявшиеся трудовые и производственные отношения, непосредственно влияющие на социальное устройство и историю. Действительно, как отмечал философ науки Эрвин Ласло, мы переживаем сейчас «эпоху глубокой трансформации – сдвига в цивилизации» (Lazslo, 2001: 3).

В ближайшие годы деятельность умных устройств окажется тесно сопряжена с человеческой деятельностью, когда будет не до конца ясно, кто явился вдохновителем того или иного деяния – человек или машина. Получается, что умные устрой-

⁶ См., например: Робот-юрист оставит без работы 3 тысячи сотрудников Сбербанка. URL: <http://www.interfax.ru/business/545109> (дата обращения: 05.10.2018). По данным исследования специалистов Оксфордского университета «Будущее трудоустройства», посвященного исчезновению традиционных человеческих профессий, в ходе новой промышленной революции в зоне риска окажутся до 47 % из 702 рассмотренных в нем профессий (Frey, Osborne, 2013).

ства смогут выступать, как творцами своих собственных событий, так и участвовать наравне с человеком в созидании совместных событий, формирующих прошлое человечества и влияющих на будущее. Незаметно они становятся соавторами истории нашего общества. Кроме участия в самих событиях, умные устройства оказываются способными генерировать и собственные информационные и материальные объекты, то есть, кроме предметов-продуктов человеческой деятельности, артефактов (лат. *artefactum* от *arte* – искусственно и *factus* – сделанный), появляются продукты умных устройств, обозначаемые нами сходным образом – артинфакты (от лат. *machina intellectus artificialis* – устройство искусственного интеллекта + *factus* – сделанный). Стало быть, продукты деятельности умных устройств составят новое содержание в археологии, и кроме пока робкого направления цифровой археологии⁷, появится отрасль, занимающаяся сбором и исследованием артинфактов. В результате появится и «культура» умных устройств, а, следовательно, сформируется и история таковой культуры (Бейлин, 2018: 50). Теперь очевидно, что умные устройства потенциально могут обладать творческим потенциалом. Уже сейчас, на начальном уровне развития искусственного интеллекта, умные устройства начали вторгаться в творческие области искусства, где доселе позиции человека традиционно считались непоколебимыми: они пытаются писать литературные произведения, сочинять музыку и даже создавать картины (Иванов, 2016). Сверх этого, умные устройства задействуются в создании для человека иммерсионной среды виртуальной реальности, становятся непосредственными властелинами его чувств и ощущений. В дальнейшем, как объявляют сторонники

трансгуманизма⁸, конвергентные технологии приведут к рождению «гибридного субъекта» – модифицированного постчеловеческого существа, представляющий собой человеческий организм, дополненный различными нано-био-кибер «улучшениями», качественно повышающими его возможности. Затем, возможно, станет реальностью выгрузка сознания индивида в глобальную вычислительную сеть, где такое отражение будет автономно существовать. Причем различные отражения (выгрузки, копии) индивида одновременно могут сосуществовать на разных степенях развития сознания и действовать совершенно независимо друг от друга и, понятно, от индивида. Их существование может быть прекращено и возобновлено снова с определенного события. Претворится ветвление сознания, где его цифровые отражения будут иметь множественные релизы и версии. Когда-нибудь, видимо, стоит ожидать наступления эры тотальной интеллектуальной сетевизации и вместе с ней возникновения виртуальной сетевой истории. Пытаясь осознать всё вышеописанное, профессиональный историк погружается в совсем уж непривычный мир, в котором невозможно рассматривать бытие человека вне его уз с умными устройствами, теми же сетями, блокчейнами и прочими футуристическими кибервозможностями.

Все эти новации, неуклонно надвигающиеся на нас, и порождаемые ими общественные перемены требуют в настоящий момент неременной историко-философской рефлексии. Уже понятно, что все эти глубокие технологические трансформации несут не только практическую составляющую, но и серьезные социальные потери и риски, которые оптимально

⁷ Цифровая археология представляет собой деятельность по поиску и восстановлению старых цифровых данных и вычислительных устройств.

⁸ Трансгуманизм – философская концепция, а также международное движение, поддерживающие использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека (Bostrom, 2005). Множатся и отечественные трансгуманистические проекты, в частности, «Россия 2045» и пр.

было бы предвидеть (Бек, 1994; Decker, 2009; Кузьмин, 2018). В ходе разыгрывающихся трансформаций обозначился и целый ряд вопросов в области исторической науки, ожидающих своего разрешения. Следует ли рассматривать историю не только как науку, изучающую прошлое человечества, но и изучающую прошлое окружающих его искусственных умных устройств (машин – продуктов человеческого труда, действующих независимо от человека)? В какой мере эти устройства оказывают влияние на общественную жизнь и принятие ответственных решений? Необходимо ли и каким образом нам исследовать деятельность человека в виртуальной сетевой реальности? Способна ли она вторгаться в реальную жизнь? Должна ли история умных устройств (Artificial History) стать отдельной научной областью или существовать в качестве дисциплины в рамках исторической науки? Каким образом такая новая область как Artificial History сможет соотноситься с направлением Digital History и другими отраслями исторического знания? Как сохранять и анализировать данные деятельности умных устройств? Какие методы и техники окажутся полезными? Смогут ли блокчейн выступить здесь спасительным средством?..

Изыскивая ответы на эти и многие другие связанные вопросы, мы раздвигаем рамки нашего понимания действительности и наивозможных векторов его эволюции. И здесь представляется не вполне оправданным полагаться сегодня на мнение некоторых коллег, которые придерживаются *modus cogitandi*: «Лицом к лицу – лица не увидать. Большое видится на расстоянии»⁹ и утверждают, что выбор оптимальных форм работы с источниками и методологического инструментария надо осуществлять с дальней временной перспективы (минимум 50–100 лет), основываясь на устоявшейся общественной и

научной рефлексии. По-видимому, нам стоит заранее обратиться к методологическим вопросам исторического отражения технологических и социальных новаций, в противном случае велик шанс просто потерять массу ценной исторически значимой информации. Важно уже сейчас развивать на основе междисциплинарного сотрудничества механизмы формирования методологических подходов к историописанию грядущего мира.

Развивая мысль Люсьена Февра, внесенную в эпитафию, сегодня можно сказать, что ремесло историка заключается, по-видимому, не только в том, чтобы пристально вглядываться в прошлое и прислушиваться к настоящему, но и размышлять о будущем. Быть готовым к его наступлению во всеоружии – совершенствовать мировоззренческие принципы, методологию и исследовательский инструментарий – насущная задача современного ученого.

Настоящей публикацией автор хотел пригласить всех заинтересованных специалистов различных областей знания к совместному всестороннему осмыслению и обсуждению затрагиваемых в ней вопросов.

Литература

1. Алексеевских, А. Кредит в один клик // Известия. 19.01.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/658388> (дата обращения: 05.10.2018)
2. Аршинов, В.И., Буданов, В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59-70.
3. Бейлин, М.В. Техноинтеллект как фактор формирования культуры будущего // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. № 1. С. 47-51.
4. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 161-168.
5. Блок, М. Апология истории. М.: Наука, 1986. 259 с.
6. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Филосо-

⁹ Строки из стихотворения «Письмо к женщине» великого русского поэта Сергея Есенина.

фия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115-142.

7. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XIII вв. Том 2. Игры Обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.

8. Быстрицкий, Н.И., Кузенков, П.В. Проблемы представления исторических данных в вычислительных системах // Труды 13-ой Международной суперкомпьютерной конференции "Научный сервис в сети Интернет: экзафлопсное будущее". М.: Изд-во МГУ, 2011.

9. Быстрицкий, Н.И. Суперкомпьютерные технологии и история // Суперкомпьютерные технологии в науке, образовании и промышленности. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 81-87.

10. Быстрицкий, Н.И. Естественнонаучные подходы к получению и анализу цифровых данных византийской истории // Естественнонаучные методы в цифровой гуманитарной среде. Пермь: ПГНИУ, 2018. С. 19-22.

11. Варакин, Л.Е. Глобальное информационное общество: Критерии развития и социально-экономические аспекты. М.: Международная академия связи, 2001. 43 с.

12. Генкин, А.С., Михеев, А.А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. М.: Альпина Паблишер, 2018. 592 с.

13. Геродот. История в девяти книгах. М.: Наука, 1972. 600 с.

14. Градосельская, Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие. М.: ИД "Новый учебник", 2004. 248 с.

15. Греф, Г.О. Выступление на деловом завтраке Сбербанка «Правительства в эпоху Четвертой индустриальной революции: готовы, хотя, могут?» на Всемирном экономическом форуме в Давосе 22 января 2016 г. Цит. по: Греф: России важно «не прозевать» технологию blockchain // Информационное агентство «Rambler News Service (RNS)». 22 января 2016 г. URL: <https://rns.online/finance/Gref-Rossii-vazhno-ne-prozevat-tehnologiyu-blockchain-2016-01-22/> (дата обращения: 25.02.2017)

16. Иванов, А. Искусственный интеллект. Испытание творчеством // iot.ru Новости Интернета вещей URL: 11.08.2016. <https://iot.ru/gorodskaya-sreda/iskusstvennyy-intellekt-ispytanie-tvorchestvom> (дата обращения: 05.10.2018)

17. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

18. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.

19. Крайнов, Г.Н. История // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 191-192.

20. Кузенков, П.В., Быстрицкий, Н.И. Опыт формализации исторических данных на примере византийской истории // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Т. 3. Sofia, 2011. С. 302-303.

21. Кузьмин, Ю.В. Утопии в авиации // Тезисы XII научно-практической конференции «История науки и техники. Музейное дело». М.: Политех, 2018 (в печати)

22. Лавджой, А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.

23. Равал, С. Децентрализованные приложения. Технология Blockchain в действии. СПб.: Питер, 2017. 192 с.

24. Рикёр, П. История и истина. СПб.: Алетея, 2002. 400 с.

25. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: "Умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. Вып. 3. 2016. С. 32-59.

26. Фукидид. История (I, 21). Л.: Наука, 1981. 544 с.

27. Чеклецов, В.В. Философские и социологические проблемы конвергентного развития киберфизических систем (блокчейн, Интернет вещей, искусственный интеллект) // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. Июнь 2016. № 1 (11). С. 65-78.

28. Чеклецов, В.В. Блокчейн, покемоны и промышленный интернет // Философские науки, 2016. № 10. С. 140-147.

29. Шароян, С. Блокчейн: внезапно нужен всем // RBK magazine. 16.12.2015. URL: <http://www.rbc.ru/magazine/2016/01/56ba1b779a79477d693621e7> (дата обращения: 05.10.2018).

30. Шароян, С. Настоящее будущее: зачем банкам и правительствам технология биткойна // RBK. 22.12.2015. URL: <http://www.rbc.ru/ins/finances/22/12/2015/5672d0e19a79476dabf5f683> (дата обращения: 05.10.2018)

31. Шваб, К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: «Эксмо», 2018. 320 с.
32. Adamson, G. Socially Beneficial Technology: Can it be achieved in practice? // IEEE Technology & Society Magazine. 2012. V. 31(2). P. 20-27.
33. Boroujerdi, R.D., Wolf, C. What if I Told You... Themes, Dreams and Flying Machines. Goldman, Sachs & Co. 02.12.2015. URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/pages/macroeconomic-insights-folder/what-if-i-told-you/report.pdf> (дата обращения: 05.10.2018)
34. Bostrom, N. A history of transhumanist thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14 (1). P. 1-25.
35. Boucher, P.N. What if blockchain technology revolutionised voting? // European Parliament Think Tank. 29.09.2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA\(2016\)58191](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA(2016)58191) (дата обращения: 05.10.2018)
36. Braudel, F. Histoire et Sciences sociales : La longue durée // Annales. Economies, sociétés, civilisations. 13e année. 1958. No. 4. P. 725-753.
37. Brown, R.G. On the Blockchain Nobody Knows You're a Fridge // Richard Gendal Brown. Thoughts on the future of finance. 23.10.2013 URL: <https://gendal.me/2013/10/23/on-the-blockchain-nobody-knows-youre-a-fridge/> (дата обращения: 05.10.2018)
38. Decker, M. Nanopartikel und Risiko – ein Fall für das Vorsorgeprinzip? Betrachtung aus der Perspektive der Technikfolgenabschätzung. // Nanotechnologie. Grundlagen, Anwendungen, Risiken, Regulierung / Hrsg. Scherzberg A., Wendorff J.H. Berlin: De Gruyter Recht, 2009. S. 113-137.
39. Frey, C.B., Osborne, M.A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerization? Oxford, 2013. URL: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 05.10.2018).
40. Goel, S. Blockchain: The next big thing in technology? // The Economic Times. 17.09.2016. URL: <http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/54375401.cms> (дата обращения: 05.10.2018)
41. Lazslo, E. Macroshift: Navigating the Transformation to a Sustainable World. Berrett - Koehler, 2001. P. 3.
42. Morozov, E. To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism. PublicAffairs, 2013. 432 p.
43. O'Byrne, W.I. What is Blockchain? // W. Ian O'Byrne blog. 18.03.2016. URL: <http://wiobyne.com/what-is-blockchain/> (дата обращения: 05.10.2018)
44. Pérez-Solà, C., Herrera-Joancomart, J. Bitcoins y el problema de los generales bizantinos // Actas de la XIII Reunión Española sobre Criptología y Seguridad de la Información. Alicante: Universidad de Alicante, 2014. P. 241-246.
45. Roco, M.C., Bainbridge, W.S. Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Arlington: U.S. National Science Foundation, 2002. 482 p.
46. Stross, C. Accelerando. Ace, 2006. 425 p.
47. Swanson, T. Great Chain of Numbers: A Guide to Smart Contracts, Smart Property and Trustless Asset Management. 2014. URL: <https://s3-us-west-2.amazonaws.com/chainbook/Great+Chain+of+Numbers+A+Guide+to+Smart+Contracts%2C+Smart+Property+and+Trustless+Asset+Management+-+Tim+Swanson.pdf> (дата обращения: 05.10.2018)
48. Tapscott, D., Tapscott, A. Blockchain revolution: how the technology behind Bitcoin is changing money, business, and the world. Toronto: Penguin Canada, 2016. 368 p. Русский реферативный перевод URL: https://www.smartreading.ru/biblioteka/knigi_pomenedzhmentu/blockchain_revolution/ (дата обращения: 05.10.2018)
49. Walport, M. Distributed Ledger Technology: beyond block chain (A report by the UK Government Chief Scientific Adviser) // Government Office for Science, London, 2016. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/492972/gs-16-1-distributed-ledger-technology.pdf (дата обращения: 05.10.2018);
50. Wattenhofer, R. The Science of the Blockchain. Inverted Forest Publishing, 2016. 124 p.

51. Watters, A. The Blockchain for Education: An Introduction // Hack Education. The History of the Future of Education Technology. 07.04.2016. URL: <http://hackeducation.com/2016/04/07/blockchain-education-guide> (дата обращения: 05.10.2018)

References

1. Adamson, G. (2012), "Socially Beneficial Technology: Can it be achieved in practice?", *IEEE Technology & Society Magazine*, 2, 20-27.
2. Alexeevskiy, A. (2017), "Credit in one click", *Izvestia*, January 19, available at: <http://izvestia.ru/news/658388> (Accessed 5 October 2018).
3. Arshinov, V. I. and Budanov, V. G. (2016), "Paradigm of complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies", *Voprosy filosofii*, 1, 59-70.
4. Beck, U. (1994), "Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska" [From Industrial Society to the Risk Society] Translated by Kovalev A. D., *THESIS*, 5, 161-168.
5. Beilin, M. V. (2018), "Technological intelligence as a factor for future culture development", *Research Result. Social studies and humanities*, 1, 47-51.
6. Bloch, M. (1986), *Apologia istorii* [Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien], Translated by Lysenko E. M., Nauka, Moscow, Russia.
7. Boroujerdi, R. D. and Wolf, C. (2015), *What if I Told You... Themes, Dreams and Flying Machines*. Goldman, Sachs & Co., USA, available at: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/pages/macroeconomic-insights-folder/what-if-i-told-you/report.pdf> (Accessed 5 October 2018).
8. Bostrom, N. (2005), "A history of transhumanist thought", *Journal of Evolution and Technology*, 1, 1-25.
9. Boucher, P. N. (2016), "What if blockchain technology revolutionised voting?", *European Parliament Think Tank*, September 29, available at: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA\(2016\)58191](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_ATA(2016)58191) (Accessed October 5, 2018).
10. Braudel, F. (1958), "Histoire et Sciences sociales : La longue durée", *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, 13e année, 4, 725-753.
11. Braudel, F. (1977), "Histoire et Sciences sociales : La longue durée", in Kon I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii*, Translated by Aseev Yu. A., Progress, Moscow, Russia, 725-753.
12. Braudel, F. (1988), *Material'naya civilizatsiya, ekonomika i kapitalizm v XV-XIII vv. Tom 2. Igra obmena* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. 2. Les jeux de l'échange], Translated by Kubbel' L. E., Progress, Moscow, Russia.
13. Brown, R. (2013), "On the Blockchain Nobody Knows You're a Fridge", *Richard Gendal Brown. Thoughts on the future of finance*. October 23, available at: <https://gendal.me/2013/10/23/on-the-blockchain-nobody-knows-youre-a-fridge/> (Accessed October 5, 2018).
14. Bystritskiy, N. I. (2012), "Supercomputer technologies and history", in *Supercomputer technologies: in science, education and industry*, MSU publishing, Moscow, 81-87.
15. Bystritskiy, N. I. (2018), "Natural science approaches to the acquisition and analysis of digital data for the Byzantine history" in *Natural science methods in the Digital Humanity medium*, PGNIU, Perm, Russia, 19-22.
16. Bystritskiy, N. I. and Kuzenkov, P. V. (2011), "Historical data representation problems in digital systems", in *Exaflopsnoe budushee – Proceedings of the 13th International Supercomputer Conference "Scientific service on the Internet: exaFLOPS future"*, Moscow.
17. Castells, M. (2000), *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1.], Translated by Shkaratan O. I., GU VSE, Moscow, Russia.
18. Chekletsov, V. V. (2014), "Philosophical and socio-anthropological issues of cyber-physical systems convergent development (Blockchain, Internet of things, AI)", *Philosophical problems of IT and Cyberspace*, 1(11), 65-78.
19. Chekletsov, V. V. (2016), "Blockchain, Pokemons and industrial Internet", *Filosofskie nauki*, 10, 140-147.
20. Decker, M. (2009), "Nanopartikel und Risiko – ein Fall für das Vorsorgeprinzip? Betrachtung aus der Perspektive der Technikfolgenabschätzung" in *Nanotechnologie. Grundlagen, Anwendungen, Risiken, Regulierung*, Hrsg. Scherzberg A., Wendorff J. H., De Gruyter Recht, Berlin, Germany, 113-137.

21. Frey, C. B. and Osborne, M. A. (2013), *The future of employment: how susceptible are jobs to computerization?* Oxford, available at: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 5 October 2018).
22. Genkin, A. S. and Miheev, A. A. (2018), *Blockchain. Kak eto rabotaet i chto zhdet nas zavtra [Blockchain. How it works and what awaits us tomorrow]*, Alpina publisher, Moscow, Russia.
23. Goel, S. (2016), "Blockchain: The next big thing in technology?", *The Economic Times*, September 17, available at: <http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/54375401.cms> (Accessed October 5, 2018).
24. Gradoselskaya, G. V. (2004), *Setevye izmereniya v sotsiologii [Network metering in sociology]*, ID Novyi uchebnik, Moscow, Russia.
25. Gref, H. O. (2016), "Speech on Business Breakfast named «Governments in the 4th Industrial Revolution: Ready, Willing and Able?»", in *Annual session at the World Economic Forum in Davos* on January 22, available at: <https://rns.online/finance/Gref-Rossii-vazhno-ne-prozevat-tehnologiyu-blockchain-2016-01-22/> (Accessed October 5, 2018).
26. Herodotus. (1972), *Istorija [The Histories]*, Translated by Stratonovskij G.A., Nauka, Moscow, Russia.
27. Ivanov, A. (2016), "Iskusstvennyy intellekt. Ispytanie tvorchestvom" [Artificial intellect. Trial by creative work], *iot.ru Novosti interneta veshey*, August 08, available at: <https://iot.ru/gorodskaya-sreda/iskusstvennyy-intellekt-ispytanie-tvorchestvom> (Accessed 5 October 2018).
28. Kovalchenko, I. D. (1987), *Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical study]*. Nauka, Moscow, Russia.
29. Krainov, G. N. (2014), "The History", in *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologichesky slovar'*, Aquilon, Moscow, Russia, 191-192.
30. Kuzenkov, P. V. and Bystritskiy, N. I. (2011), "Formalization experience of historical data on the example of Byzantine history", in *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies*, vol. 3, Sofia, Bulgaria, 302-303.
31. Kuzmin, Yu. V. (2018), "Utopias in aviation", in *Proceedings of the XII conference «IS-*
- science and engineering history. Museology»*, Politekh, Moscow, Russia, (in print).
32. Lazslo, E. (2001), *Macroshift: Navigating the Transformation to a Sustainable World*. Berrett-Koehler.
33. Lovejoy, A. O. (2001), *Velikaya tsep' bytiya: Istoriya idei [The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea]*, Translated by Sofronov-Antomoni A., Dom intellektual'noy knigi, Moscow, Russia.
34. Morozov, E. (2013), *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. PublicAffairs, New York, USA.
35. O'Byrne, W. I. (2016), What is Blockchain? *W. Ian O'Byrne blog*, available at: <http://wiobyne.com/what-is-blockchain/> (Accessed October 5, 2018).
36. Pérez-Solà, C. and Herrera-Joancomart, J. (2014), "Bitcoins y el problema de los generales bizantinos", in *Actas de la XIII Reunión Española sobre Criptología y Seguridad de la Información*. Universidad de Alicante, Alicante, Spain, 241-246.
37. Raval, S. (2016), *Detsentralizovannyye prilozheniya. Tekhnologiya Blockchain v deistvii [Decentralized Applications. Harnessing Bitcoin's Blockchain Technology]*, Piter, Sankt-Petersburg, Russia.
38. Ricœur, P. (2002), *Istorija i istina [Histoire et vérité]*, Translated by Vdovina I.S. and Machul'skaja A.I., Aleteja, Sankt-Petersburg, Russia.
39. Roco, M. C. and Bainbridge, W. S., eds. (2002), *Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science*, U.S. National Science Foundation, Arlington, USA.
40. Savelyev, A. I. (2016), "Contract Law 2.0: Smart contracts as the beginning of the end of the classical contract law", *Bulletin of civil law*, 3, 32-60.
41. Schwab, K. (2018), *Tekhnologii Chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [Shaping the Fourth Industrial Revolution]*, Translated by Akhmetov K., Vrublevsky A., Karpuk V., Kozlov A., Eksmo, Moscow, Russia.
42. Sharoyan, S. (2015), "Blockchain: suddenly everybody needs", *RBC magazine*, December 16, available at: <http://www.rbc.ru/magazine/2016/01/56ba1b779a79477d693621e7> (Accessed 5 October, 2018).

43. Sharoyan, S. (2015), "The present future: why banks and governments need Bitcoin technology", *RBC news*, December 22, available at:

<http://www.rbc.ru/ins/finances/22/12/2015/5672d0e19a79476dabf5f683> (Accessed 5 October, 2018).

44. Stross, C. (2006), *Accelerando*, Ace.

45. Swanson, T. (2014), *Great Chain of Numbers: A Guide to Smart Contracts, Smart Property and Trustless Asset Management*, available at: <http://www.ofnumbers.com/the-guide/> (Accessed October 5, 2018).

46. Tapscott, D., and Tapscott, A. (2016), *Blockchain revolution: how the technology behind Bitcoin is changing money, business, and the world*, Penguin, Toronto, Canada.

47. Thucydides. (1981), *Istoriya* [The Peloponnesian War], Translated by Stratonskiy G.A., Nauka, Moscow, Russia.

48. Varakin, L. E. (2001), *Globalnoe informatsionnoe obshchestvo: Kriterii razvitiya i sotsial'no-ekonomicheskie aspekty* [Global Information Society: development criteria and socio-economic aspects], International Telecommunication Academy, Moscow, Russia.

49. Walport, M. (2016), *Distributed Ledger Technology: beyond block chain (A report by the UK Government Chief Scientific Adviser)*. London: Government Office for Science, available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/492972/gs-16-1-distributed-ledger-technology.pdf (Accessed 5 October, 2018).

50. Wattenhofer, R. (2016), *The Science of the Blockchain*. Inverted Forest Publishing, USA.

51. Watters, A. (2016), "The Blockchain for Education: An Introduction", *Hack Education. The History of the Future of Education Technology*, April 07, available at: <http://hackeducation.com/2016/04/07/blockchain-education-guide> (Accessed October 5, 2018).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Быстрицкий Николай Игоревич, научный сотрудник, Лаборатория истории Византии и Причерноморья, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119192, Российская Федерация; nb@rusistin.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nikolay I. Bystritskiy, Researcher, Laboratory of the History of Byzantium and the Black Sea region, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, bld. 4, 27 Lomonosovskiy Ave., Moscow, 119192, Russian Federation; nb@rusistin.ru

УДК 008:19/20

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-6

Шведова И. В.

ПОНИМАНИЕ ВРЕМЕНИ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И АКТУАЛЬНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ (ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)

Белгородский государственный музей народной культуры, ул. Мичурина, д. 43, г. Белгород, 308002, Россия; irinasventa@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является обращение к опыту передачи картины мира в традиционной народной культуре. Раскрывается специфика народного понимания природы, где эмоциональная составляющая сочетается со стремлением к взаимодействию с ее силами для решения множества задач чисто утилитарного характера. В процессе дешифровки специфичной модели знания, призванного удерживать и передавать социально значимый опыт, рассматривается трехуровневая организация картины мира, куда вписывает себя и свое окружение очередной носитель данного опыта. Выявляются составляющие ее целое основания: категории пространства, времени, процессов (движения) и объектов (материи) как живой изменяемой реальности.

Ключевые слова: культура; традиция; ценности; этнохудожественный опыт; народная картина мира; орнамент.

I. V. Shvedova

UNDERSTANDING OF TIME IN TRADITIONAL ETHNIC CULTURE AND MODERN ETHNOCULTURAL PRACTICES (THE EXPERIENCE OF HERMENEUTIC RECONSTRUCTION)

Belgorod State Museum of Folk Culture, 43 Michurin St., Belgorod, 308002, Russia; irinasventa@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is the appeal to the experience of transferring the picture of the world in traditional folk culture. The author reveals the specifics of understanding nature in the folk tradition, where the emotional component is combined with the desire to interact with the forces of nature in order to solve many problems of a purely utilitarian nature. In the process of deciphering a specific model of knowledge, designed to retain and transmit socially significant experience, the author considers a three-level model of the world, where the next carrier of this experience inscribes himself/ herself and his/ her environment. The foundations that make up the integrity of this model are revealed: these are the categories of space, time, processes (movement) and objects (matter) as a living changeable reality.

Keywords: culture; tradition; values; ethno-artistic experience; folk picture of the world; ornament.

Для картины мира, которую демонстрирует в своих бесчисленных творениях народная художественная культура, характерна специфическая взаимосвязь категорий изображаемых в ней времени и пространства. Создаваемая единовременно

силой воображения, питаемого социокультурной памятью и практическим знанием арсенала своих маркеров и символов, эта картина органично располагается на запечатлевшем ее полотне. Символы ахронны, постоянны, они не дают распасться тому,

из чего складывается ее эйдос – конкретная явленность визуального, выхваченная из непрерывно идущего процесса зарождения, продолжения и умирания, сопрягаемого с движением рожденного в продолжение его постоянства. Рассматривая образец одной из региональных онтологий в материале традиционного текстиля с примером многоуровневой организации «бытия в мире», каким он мыслился в сознании своих создателей конца XIX – начала XX вв., стоит, конечно же, отдавать себе отчет в том, что указанный временной отрезок лишь приоткрывает нам корни идущего из глубокой древности.

Народное понимание природы сочетает в себе постоянное любование ее явлениями и, вместе с этим, стремление к диалогическому взаимодействию с ее силами для решения множества задач чисто утилитарного характера. Одним из распространенных способов этого взаимодействия является изобразительная практика визуального запечатления различного рода пожеланий и моделирования природных циклов, породившая тот самый символический космос, системное понимание которого утрачивалось в многовековых процессах трансформации и десемантизации, но фрагментарно обнаруживает себя во все новых художественных практиках.

Порождаемые вечными вопросами человеческой мысли, «образы народной фантазии» (Н.Н. Страхов) в процессе своей дешифровки складываются в особую, специфичную модель знания, призванную удерживать, передавать и в нужное время активировать социально значимый опыт. Известный российский этнолог, антрополог и фольклорист А.К. Байбурин отмечал, что «в своих попытках реконструкции картины мира, и особенно народной картины мира, исследователь имеет дело не со специальными текстами, сознательно описывающими данную картину мира, а с теми, в которых она нашла свое воплощение, причем чаще всего бессознательное воплощение. Задача состоит в том, чтобы проделать обратный путь, т. е. на основе

анализа текстов выявить ту модель, реализацией которой они являются» [3, с. 5-6]. Передача картины мира всегда являлась важнейшим актом сохранения памяти культуры, трансляции ее универсалий и основных ценностей, что в народной практике оказалось возможным благодаря известной устойчивости культурных образцов, моделей, единообразия которых формировалось в процессе их многократного дублирования, мультиплицирования и шлифовки в пределах одного или субстанционально разных текстов и семиотических систем. Данное свойство обеспечивает возможности «перевода между ними, суммирования рассеянной по различным системам информации» [3, с. 6], создавая основу поиска и сопоставления ключевых образов и понятий.

Постигая особенности организации и изображения традиционной картины мира, очередной носитель народного опыта «вписывает» себя и свое окружение в ее структуры, обеспечивая взаимодействие своих других с этим опытом. Сама эта структура обретает плоть и становится представима благодаря пониманию составляющих ее «целое» оснований: категорий пространства, времени, процессов (движения) и объектов (материи) как живой изменяемой реальности. В качестве отправной точки исследования здесь принимается главная аллегория: персонификация идей движения, развития, самой человеческой жизни через образы природы, циклические процессы ее бытия в сложно-организованной целостности преходящего и вечного. Соответственно, некая личностно определяемая «точка» в этой подвижной схеме соотносима с конкретным биологическим возрастом из аналогии природной жизни, запечатлеваемой в своих координатах, условиях и обстоятельствах, определенных, в данном случае, творцом вышитой или вытканной композиции. Мысленная визуализация данной точки определяла способ украшения и колорит создаваемого крестьянского костюма, в особенности праздничного, обеспечивая естественное

представление статуса, возраста носящего, его гармонизацию с окружением и природными ритмами. Данную часть культурного опыта традиции, несомненно, стоит отнести к лучшему из прошлого, принимаемого к переосвоению на новом витке развития социума и его вестиментарной культуры.

Во взаимодействии с категорией пространства время в народной изобразительной традиции наглядно раскрывает свою многоаспектность на полотне обрядовых полотенец (рушников), в трехчастной структуре их круговых или линейных композиций, в том числе предполагающих сферический объем (образ Вселенной, имеющей центр и периферию) и бесконечную линейную протяженность, схематично ограниченную крайними нитями холста. Семантическое значение орнаментированного рушникового полотна – дорога человеческой жизни, а точнее, некий в данное время значимый ее отрезок, соотносимый с границей определенного ритуала и манифестирующий его [11, с. 283] в традиционных обрядовых практиках (как то: роды, свадьба, прием гостя, похороны, молитвенное обращение), чаще всего связанных с обретением статуса (рождение), его модификациями и изменениями (невеста, дружка на свадьбе, рекрут, роженица, дорогой гость и др.).

Верхний мир (он же божественный) – это мир, куда направлены пожелания и молитвы живущих. Согласно представлениям древних, верхний мир характеризует «время богов» (мифологическое) – сакральное, вечно пребывающее в своей сути первотворения, первопредметов, перводействий. Будучи частью мифического универсума, это время может характеризоваться как цикличное, обратимое, неравномерное, иерофанное, «нереальное», алогичное в становлении Вечности [5]. Тем не менее, противопоставление его физическому и другим видам времени нецелесообразно – слишком жизненно вплетается оно в «организм культуры» (С.Д. Илиев). С одной стороны, это продукт духовных

усилий когда-то создававших себя сообществ, их «широких культурных систем» (Б. Андерсон), часть их культурного артефакта [1, с. 27, 33]. В рамках атеистической доктрины мифологическое время вообще не обнаружит никаких параметров для оценки своей организующе-обозначающей роли по отношению к жизни в пространстве. С другой стороны, раскрывающей суть ценностей передаваемой традиции, – это время, постоянно структурирующее события календарного и бытового круга, ценностно-смысловой «каркас» которого создан в согласовании с естественными природными циклами и маркирующими их днями почитания живых и ушедших, различных персонификаций божеств и стихий-первоэлементов, организующих круговорот природного бытия.

А.Ф. Лосев, сравнивая религию и породившую ее мифологию, отмечал широту последней и осязаемость ее естества как «жизненно ощущаемой и творимой, вещественной реальности» [9, с. 14]. Циклический круг аграрного народного календаря, где можно почерпнуть и сведения о существовании хронотопа определенного божества – своего рода точки проявления его действенной силы, представляет в настоящее время развивающийся симбиоз обеих систем духовных воззрений (христианской и дохристианской). Впрочем, реконструкция показывает, что ряд обрядов в старину не имел такой четкой приуроченности к определенным календарным датам, как сегодня, а «исполнялся скорее в определенный сезон, а не в определенный день» [14, с. 21]. Более жесткой систематизации способствовало, как считает Н.И. Толстой, само христианство, образовав канву культурной жизни и ее духовные основания, в соединении с проявлениями прежних корневых традиций и, в какой-то степени, с третьей составляющей – элементами восточного мистицизма и древнеевропейских влияний, также в свое время попавшими в поле внимания восточнославянских народов.

Некоторая «уцелевшая» часть из ранее почитавшегося пантеона тем или иным образом проявляет себя в изображениях верхнего яруса белгородского крестьянского рушника. Здесь находят свое место различные архетипические изображения: солярные символы, кресты, Мировое древо, некоторые символы божеств-покровителей весеннего возрождения природы или ее великого женского порождающего начала (Ярила Вешний, Берегиня, богиня-Рожаница), иногда в виде триады из растительного варианта Богини и предстоящих ей по бокам птиц, реже «солнечных коней» в виде завитков или оленей (более типично для северных сюжетов, занесенных в область переселенцами). Встречаются также и птицы, как медиаторы между верхним и нижним мирами – чаще голуби, «журушки», петухи («солнечные птицы») и утки, редко Павы, индюки, ворон; а еще и ростки, символизирующие движение ввысь, развитие. Здесь, располагаемая выше всего орнамента вышивки, может размещаться и одна тонкая горизонтальная черта – маркер окончания развития жизни в погребальном рушнике (информант: Н.Е. Вакуленко, мастер народной вышивки, руководитель Дома ремесел г. Грайворон Белгородской обл.).

Земной мир (он же явленный, или средний), располагаемый непосредственно под границей высшего, божественного, содержит основной образно-символический ряд рушника как воплощения жизненного пути с его текущими чаяниями. Время проявляет себя здесь как конечное, прерывное, но при этом всё земное и тленное увязывается в единую цепь циклических повторений. Основную образно-ассоциативную канву земного мира чаще всего создают какие-либо «бесконечники» – формы, ритмически выстраиваемые вдоль волно- или зигзагообразной линии, замкнутой в круговой композиции яруса или идущей линейно из края в край изделия. Приемы их изображения, в зависимости от содержания временного отрезка, разнообразны. Наиболее наглядны реали-

стичные растительные формы разной степени пышности, с чередованием прямого и перевернутого мотивов. Идущие друг за другом годовые циклы, соответственно, обозначит чередование «цветы – плоды с семенами». Ассоциативный ряд непрерываемой жизни и ее здоровой цветущей красоты, сопровождаемый аналогичным пожеланием автора или дарителя изделия, может создаваться чередованием «бутоны – цветы» или одним повторяющимся мотивом цветка вдоль «волны». Геометрический мотив такого бесконечника с заложенной в него идеей оберегаемой юности или детства может быть создан солярным ромбом «око Божье», обозначающим весенний взгляд солнца на землю.

Мифопоэтическое бинарное единство с Солнцем составляет Луна [10, с. 209], вносящая свою периодизацию в древний календарный круг, особенно в ту его часть, которая посвящена времени начала сева и окончания работ, различных дел. Луна имеет непосредственную связь с магическим творением пожелания, вопрошания о будущем [14, с. 14], в целом обозначает сакральное время для этого вопрошания [7, с. 125]. В коллекции Белгородского государственного музея народной культуры представлено множество красноузорных рушников ивнянско-ракитянской традиции ткачества, большую часть которых можно отнести к аграрной тематике. Их композиции образованы линиями земной тверди в сочетаниях с символикой зерна, растительности и природных стихий-первозлементов (водные, солярные, громовые знаки и др.). Сюжетная часть их, помимо пожелания изобилия (что характерно для рушника подкаравайного обряда), по всей видимости, связана с заботами о плодородии: вызывание дождя, гармонизация природного круговорота, обращение с этой целью к предкам и другим персонализациям высших сил. Здесь можно встретить еще один временной ряд – созданный из ромбических элементов, визуаль-но со-

относимых с повторяющимися фазами растущей, полной и убывающей Луны. В русле данной традиции широко используется ромб «око Божье», изображаемый в виде простого линейного ряда ромбов или в комбинациях. В рассматриваемом временном ряду (рис. 1) мы видим похожий на него центральный ромб, но образованный из двух сближенных половинок (мотив идентичен белорусскому «месяцу») [7, с. 323] и дополненный парой таких же разомкнутых половинок-«месяцев» справа и слева от него. В других белгородских рушниках находим ряды с парами чуть более отстоящих друг от друга половинок (иногда с точкой или крестиком между ними). Встречается и третий вариант: чередование «лунного» ромба с двумя небольшими солярными, расположенными один над одним (возможно, чередуемые в сутках ночь, восход и закат?).

Рис. 1. Предполагаемые изображения луны и лунных фаз в схеме орнамента:

- а) растущая, полная и убывающая Луна;
- б) растущая и убывающая Луна.

Fig. 1. The supposed images of the Moon and Moon phases in the scheme of the ornament:

- a) growing, full and decreasing Moon;
- b) growing and decreasing Moon

В периодизациях жизненного цикла – как природного годового, так и человеческой жизни – в белгородском геометрическом орнаменте используется известный древний культовый знак плодородия («арепей»), ромб с продленными сторонами-«отростками» (рис. 2). Данная его модификация в региональной трактовке олицетворяет время молодости, первый венец сруба строящегося дома (на основе визуальной аналогии), жилище молодой семьи.

Рис. 2. Древний культовый символ плодородия – ромб с отростками («арепей»)

Fig. 2. Ancient religious symbol of fertility – a rhombus with outgrowths («bur»)

На этот образ весны человеческой жизни накладывается почти идентичный знак с чуть более отличными по толщине боковыми отростками и равноконечным прямым крестиком в центре (символ божественности природы данной субстанции). В сохраненной у белорусов трактовке это геометрический мотив Ярилы Вешнего – олицетворение весеннего пробуждения сил природы после долгой зимы [2, с. 4]. Другие разновидности «арепей» (варианты с расчерченной внутренней поверхностью ромба, с прямыми или завитыми отростками-крючками, с точками-семенами внутри или вне его «поля») следует, со всей очевидностью, рассматривать в привязке к другим возрастным и сезонным периодам.

Суточный ход времени в орнаменте иногда явственно читается: например, в изображении светила, «бегущего» вдоль линии-волны и окрашенного в два контрастных чередующихся цвета (примеры на рушниках с. Нижние Пены Ракитянского района Белгородской обл.). Сутки (а в отдельных упоминаемых этнографами примерах день или ночь) считались кратчайшим сакральным периодом для нового творения, в который оно возникает, не сходя с человеческих рук и не успевая подвергнуться никаким сторонним воздействиям, – то есть. сохраняет первозданный статус чистоты, святости, что в особых случаях является гарантом наличия могучей действенной и ограждающей силы [4, с. 3-12; 7, 203-204]. Наглядной иллюстрацией здесь является неоднократно описанный ритуал молитвенного обращения к божественному миру с использованием холста, а в дальнейшем рушника-«обыденника», ткавшегося за ночь или одни сутки во времена голода и эпидемий (а

также для их предупреждения) собравшимися вместе жительницами села.

Нижний мир в соответствующем ему третьем ярусе рушника представляет мир Матери сырой земли (он же мир ушедших) как своеобразный фундамент сущего. Визуальной основой его является сетчатая структура кружева, вывязанная или разреженная за счет выдернутых нитей холста (в приемах вышивки «по выдергу»). Фактура разрушенной ткани как разрушенной «телесности» жизни [12, с. 104] образует фон, где изображения из верхних зон мироздания обретают новое звучание. «Пустотелый» в своем центре равноконечный крестик, обозначающий образ предка, показанный исследователю старинного народного текстиля М.С. Кацару белорусскими мастерицами [7, с. 194-195], точно соотносим с этой идеей разрушения телесности. Фигуры данной зоны нередко характеризует перевернутость – один из несомненных образов «иноного мира» [6, с. 11]. Время через линию зигзага здесь представляет бесконечные цепи преходящих жизней (верхняя точка зигзага – жизнь, ее пик, нижняя – смерть). В круговой композиции головного платка или шаля, где внутренний центр соответствует небесному, божественному, средний с его пышной растительностью – земному, нижний мир ушедших предстает нам, соответственно, отграниченным прямой или волнообразной линией каймы с завершающей ее бахромой (которую считают более поздним явлением), дающей явный образ обрывающейся нити жизни.

Встречаемые изображения зерен в нижнем мире – его потенциальное жизненное начало, а ромб-«арепей» из трех пар пересекающихся линий может представлять здесь образ спящей земли или даже сложенные «в клетку» бревна жертвенника (см. у В.И. Даля) и символизировать древний погребальный костер – краду (Л.М. Русакова). В своей порождающей материнской ипостаси, соотносимой в христианском контексте и с жертвенностью «умирающего зерна» как предтечи

рождения новой жизни, нижний мир в отдельных изделиях может выявлять хронотоп конкретного праздника – например, Осенины (8 сентября), он же в честь Рождества Богородицы. Соответственно, можно выявить и посвященный этому празднику старинный атрибут-рушник [13, с. 78, 92].

Нижний мир может олицетворять и всего лишь одну точку времени: например, пик природных сил Матери сырой земли, прогретой весенним солнцем, что уже соответствует тематике свадебных рушников, где показан максимум природной энергии женского и мужского начал в их будущем союзе. Эта аллегория выражается идущей вдоль кружева или полностью замещающей его полосой кумачной ткани, пришиваемой по низу алой или другой «богатой» (панской, штофной) лентой. В орловских рушниках такая лента носит выразительное название «пунец» (информант: З.В. Воропаева, мастер орловского списового шитья).

Движение времени происходит не только в пределах каждого из описанных миров, но и между ними: «земное» время, в соответствии с мифопоэтической традицией, уходит в вечность (верхний мир) или стекает в нижний – «в преисподнюю» [10, с. 91], причем оба этих поля предполагаемого действия сверхъестественных сил (божеств, предков, недавно ушедших родителей и т. д.) в народном понимании сливаются в единое представление потустороннего как противоположащего зримому срединному, «посюстороннему». И этот ступенчатый, сгармонизированный образ мира обладает своей внутренней цельностью. Образ дороги, объединяющий все ярусы миров, находит свое выражение в символической вертикали, представляемой подобием лестницы из нескольких параллельных горизонтальных линий – от широкой до узкой, что в целом образует емкое понятие этнокультурного архетипа Пути (рис. 3).

Рис. 3. Образ жизненного пути
Fig. 3. Ornamental image – the way of life

Располагаемый мастерицами на границе верхнего и среднего миров, данный архетипический образ часто встречается в региональной символике тканых изделий. Плотность нижних ступеней и все большая разреженность верхних, как бы тающих в «мире горнем», дают визуальное представление еще одного аспекта жизненного пути в его восхождении к неким духовным высотам – единовременно в молитвенном устремлении или постоянного, незаметного, подобно росту травы. Вертикаль движения жизненной субстанции между тремя уровнями мироздания содержат два других этнокультурных архетипа: Древо жизни и Великая мать сущего (богиня-Рожаница) (рис. 4). «Древо» в его связи с родом может отсчитывать время и уровни поколений. Образ Великой матери в идеограмме единовременно соединяет все уровни мироздания в процессе круговорота жизне-творящей энергии.

Рис. 4. Образы Древа жизни
и Великой матери
Fig. 4. Ornamental images – The Tree of Life and
the Great Mother

В определении возрастной периодизации и обрядового, статусного значения вещи не последнюю роль играет цветовая составляющая. Особенно интересен здесь по богатству культурных контекстов белый цвет. Белый, называемый некоторыми народными мастерицами «цветом смерти», точнее было бы назвать цветом божественным, цветом высшей мудрости как ее меры (с этим цветом ассоциируется верхний мир рушника). Белый можно рассматривать еще и как цвет инициации, если белая невышитая середина рушника фигури-

рует как место, куда, по сохранившимся у украинцев описаниям данной традиции, ставят молодых в ритуале благословения на супружество. Смерть в сопряжении с символикой белого тоже может рассматриваться своего рода инициацией для души, переходящей в иное качество существования – из посюстороннего в потустороннее – по абсолютно белому, вывешенному через окно или вложенному в руку покойного обрядовому рушнику. Никак не украшенная (помимо узкой плечевой вставки кружева) белая рубаха старушки или старика (пример из традиции белгородско-воронежского костюма) также согласуется с обретенным под конец жизни статусом мудрости на пути «к Богу», с духовным возрастом, которому сопутствуют уже совершенно иные жизненные задачи. Так же и крестьянская невеста первого дня свадьбы, когда в традиционной обрядности проигрывается ее символическая «смерть» в прежнем статусе, своим облачением в белую рубаху олицетворяет окончание девичьего жизненного цикла, чтобы на второй день «родиться заново» во всем многоцветии и красоте своего уже женского образа, где самая яркая цветовая доминанта – красно-оранжевый (народное, белгородско-воронежское название «желто-горячий») будет указывать на пик жизненных сил и войдет в символическое созвучие с силами природы в пору ее цветения и плодоношения. Проходящая через ритуальную смену статуса ощущает всю необратимость «прыжка» в смерть (неведомое), во время которого переживается эмоциональное ощущение стирания предыдущей программы (девичество) и начинается «запись» новой уже в новых условиях, т. е. с чистого листа. Костюм в совокупности с его цветовым маркером и сегодня настраивает организм на определенный энергетический тонус, и одновременно, вне контекста культурной традиции, посылает об этом невербальное информационное сообщение окружающим.

Рассмотрение категории времени, запечатленного и проявляющего свои свой-

ства в различных слоях (или уровнях) символической народной модели мироздания, способствует расширению знаний о его знаковой и цветовой составляющих в продолжающей традицию культуре. Творческие эксперименты творцов актуального этноискусства, черпающего из архаических пластов народного знания, стремятся погрузить в них и зрителя как участника этого триалога художественного переживания. Космос народного искусства, задействующий глубины коллективного бессознательного, архетипического, как тонко замечала исследователь этнофутуризма Э.М. Колчева, является местом, высвечивающим гармоничный характер отношений природы и человека, предоставляющим шанс и художнику восстанавливать единую «ткань времени, целостность бытия» [8, 49-56], где прошлое и будущее не спорят друг с другом, а напротив, «способны исцелить своей полнотой» пребывающего в нем.

Литература

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. 800 с.
3. Байбурин, А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1983. 188 с.
4. Зеленин, Д.К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы. СПб., Типография императорской Академии наук, 1911. 20 с.
5. Илиев, С.Д. Симбиоз «мифологического» и «исторического» времени и памятники древнерусской литературы. Библиотека электронных публикаций Института исследований природы времени [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/EesUG> (дата обращения: 05.11.2018 г.).
6. Казарина, В.Б. Культовые знаки в народной вышивке // Народное творчество. 2007. № 4. С. 9-12.
7. Кацар, М.С. Беларускі арнамент. Ткацтва. Вышыўка / Пер. з рус. мовы, літ. апрац. и навук, рэд. Я.М. Сахуты. 3-е вид.

Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. 224 с.

8. Колчева, Э.М. Способы репрезентации образов в изобразительном искусстве этнофутуризма: на примере искусства современных марийских художников // Обсерватория культуры. 2008. № 6. С. 49-56.

9. Лосев, А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.

10. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр «Владос», 1996. 416 с.

11. Привалова, В.М. Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте) // Известия Самарского научного Центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5. С. 277-283.

12. Русакова, Л.М. Образ мира в геометрическом орнаменте на полотенцах русских крестьянок Алтая // Традиционные обряды русского и коренных народов Сибири / Ред. Л.М. Русакова, Н.А. Миненко. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. С. 99-125.

13. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

14. Толстой, Н.И. Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. 625 с.

References

1. Anderson, B. (2001), *Voobrazhaemie soobshestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism], Translated by Nikolaev, V., KANON-press-C, Kuchkovo pole, Moscow, Russia (in Russ.).
2. Afanasyev, A. N. (1865), *Poeticheskie vozzreniya slavian na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature. Vol.1.], Moscow, Russia (in Russ.).
3. Baiburin, A. K. (1983), *Zhylyshe v obriadah i predstavleniyah vostochnyh slavian* [Dwelling in ceremonies and representations of the East Slavs], Nauka. Leningrad branch, Leningrad, Russia (in Russ.).
4. Zelenin, D. K. (1911), "Obydenniya" polotentsa i obidennye khramy ["Ordinary" towels and ordinary temples], Printing house of the Imperial Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

5. Iliev, S. D. *Simbioz "mifologicheskogo" i "istoricheskogo" vremeni i pamiatniki drevnerusskoy literatury*. Biblioteka elektronnyh publikatsiy Instituta issledovaniy prirody vremeni [Symbiosis of "mythological" and "historical" time and monuments of old Russian literature. Library of electronic publications of the Institute of nature studies of time]. [Online] available at: <https://clck.ru/EesUG> (Accessed 5 November 2018) (in Russ.).

6. Kazarina, V. B. (2007), "Religious signs in folk embroidery", *Narodnoe tvorchestvo*, 4, 9-12 (in Russ.).

7. Katsar, M. S. (2013), *Belaruski arnament. Tkactva. Vyshyvka* [Belarusian ornament. Weaving. Embroidery], Translated by Sahuta, Ya.M., 3-rd issue, Belarusian encyclopedia named after P. Brovka, Minsk, Belarus (in Belar.).

8. Kolcheva, E. M. (2008), "Ways of representation of images in the fine arts of ethnofuturism: on the example of the art of modern Mari artists", *Observatory of culture*, 6, 49-56 (in Russ.).

9. Losev, A. F. (1994), *Mif, Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

10. Makovskiy, M. M. (1996), *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbolics in Indo-European languages. The image of the world and worlds of images], Gumanitarnyi izdatelskiy centr "Vlados", Moscow, Russia (in Russ.).

11. Privalova, V. M. (2010), "The Semantics of the ornament in the semiotics of culture

(anthropological projection of the ritual in the geometric ornament)", *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5), 277-283 (in Russ.).

12. Rusakova, L. M. (1987), "The Image of the world in geometrical ornament on towels of Russian peasants of Altai", *Traditsionnye obryady russkogo i korenykh narodov Sibiri* [Traditional rites of Russian and indigenous peoples of Siberia], in Rusakova, L.M. and Minenko, N.A. (ed.), Nauka, Novosibirsk, Russia, 99-125 (in Russ.).

13. Rybakov, A. A. (1981), *Yazychestvo drevnih slavian* [The Paganism of the ancient Slavs], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

14. Tolstoy, N. I. (2003), *Ocherki slavianskogo yazychestva* [Essays of Slavic paganism], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шведова Ирина Викторовна, старший научный сотрудник, Белгородский государственный музей народной культуры, ул. Мичурина, д. 43, г. Белгород, 308002, Россия; irinasventa@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Irina V. Shvedova, Senior Researcher of the Belgorod State Museum of Folk Culture, 43 Michurina St., Belgorod, 308002, Russia; irinasventa@gmail.com.

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-7

D. V. Davtyan¹,
K. A. Khripkov²

**MOTIVATIONAL AND ESTIMATION CRITERION
OF WILLINGNESS OF PEOPLE TO PROVIDE
THE CIVILIAN OVERSIGHT AT THE LOCAL LEVEL**

¹PhD in Sociology, Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; davtyan@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; dorogi287@gmail.com

Abstract. The main trend of the elite public policy since the second half of the 80-ies of the last century is the democratization of public life and development of civil society in Russia. Its implementation is associated with the design and introduction of a set of mechanisms that determine the relationship between the individual and social institutions of various levels and functional purpose. One such mechanism is civilian oversight over authorities. Ideologues of democracy believe that it allows to improve the efficiency of the power structures and minimize their deviation. The changes that are currently taking place in Russia make a significant adjustment to the behavior patterns characteristic of Russian citizens. In connection with the new understanding of the role of the citizen, the development of institutions of governmental authority and local self-government, there is a real need to find some new approaches to defining the essence of the concept of civilian oversight. This is especially important because most existing concepts cannot explain, why Russian people even with external promotion of civilian oversight are extremely reluctant to participate in it. In this regard, we believe it is important to examine not only the technological component of civilian oversight, but also the motivational and estimation component that can be made explicit by the inducement of people to it, underpinned by commonality of values and interests of municipal community and willingness to cooperate.

Keywords: local self-government; civilian oversight; justice; consolidation; self-organization; civic engagement.

Давтян Д. В.¹,
Хрипков К. А.²

**МОТИВАЦИОННО-ОЦЕНОЧНЫЙ КРИТЕРИЙ
ГОТОВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
ГРАЖДАНСКОГО КОНТРОЛЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ**

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; davtyan@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; dorogi287@gmail.com

Аннотация. Идея демократизации общественной жизни и формирования гражданского общества в России, начиная со второй половины 80-х годов прошлого столетия, является основным трендом проводимой элитой государственной политики. Реализация ее сопряжена с конструированием и внедрением в практику комплекса механизмов, определяющих взаимоотношения личности и социальных институтов различного уровня и функционального предна-

значения. Одним из таких механизмов выступает гражданский контроль за деятельностью власти, позволяющий, как полагают идеологи демократии, повысить эффективность властных структур и минимизировать их девиации. Изменения, происходящие в настоящее время в России, вносят существенную корректировку в характерные для российских граждан модели поведения. В связи с новым пониманием роли гражданина, развитием институтов государственной власти и местного самоуправления возникает реальная необходимость поиска новых подходов к определению сущности понятия “гражданский контроль”. Это особенно важно потому, что большинство существующих концепций не могут объяснить, почему даже при внешнем стимулировании гражданского контроля население России крайне неохотно в нем участвует. В данной связи нам представляется важным изучить не только технологическую составляющую гражданского контроля, но и мотивационно-оценочную, которая раскрывается через наличие у населения побуждения к нему, подкрепленного общностью ценностей и интересов муниципального сообщества и готовностью к взаимодействию.

Ключевые слова: местное самоуправление; гражданский контроль; справедливость; консолидация; самоорганизация; гражданская активность.

Introduction. The issue of civilian oversight over authorities was enough designed in Russian and western scientific practices. However, owing to the new understanding of the role of the citizen, the development of institutions of the governmental authority and local self-government, there is a real need to find some new approaches to defining the essence of the concept of civilian oversight. This is especially important because most existing concepts could not explain why Russian people even with external promotion of civilian oversight extremely reluctant to be a party to it.

We associate the answer to this and some other questions with the interpretation of civilian oversight in the context of the social capital theory. Our view is that in the broadest sense, civilian oversight can be described as *"a situational practice", through a specific territorial and social space with its political, social, cultural and historical features* [2, p. 51].

Therefore, civilian oversight as a kind of social practice is always specific, influenced by existing conditions, public interest and a social code of conduct formed throughout history. Beyond the latter factor, it is impossible to understand the evolution of ideas and practices of civilian control extrapolated

to Russian conditions. This factor is a major difference of Russia with the countries of European civilization, and the essence of this difference can be reduced to three main positions. Firstly, in Russia, in fact, practices of individual civic engagement and civil control were never developed. Secondly, cases where society tried to have a controlling impact on the power (in so doing mainly on the local authorities), are associated with collective forms of this activity, either peasant community in pre-revolutionary Russia or working collectives of the Soviet era. The elements of civilian control (it was absent in Russia as a system phenomenon) were understood and allowed only in the context of relying on “other people”, as a result of the collective interactions and collective citizens’ action. Thirdly, (this is crucial) the controlling impact in most cases was based on the appeal to the values of justice and not to the act, which is not typical for Western culture [4].

Thus, *"civilian oversight" in relation to the Russian social and cultural space can be defined as a technology for implementation of social capital of citizens, aiming at independent evaluation of complex of managerial practices in terms of their compliance with the values and the public interest, implemented by associations of citizens and communities* [4].

The proposed definition emphasizes that only if implemented collectively, in cooperation, civilian oversight in Russia (at least so far) can be filled with truly real content. In turn, the main cause of the lack of willingness to civilian oversight is the lack of social capital or its significant deformation. By the deformation of social capital, we mean its formation on antisocial manner (for example, social capital of kleptocracy or other criminal networks).

Of course, changes that are currently taking place in Russia make a significant adjustment in typical patterns of behavior of Russian citizens. A growing trend implies individually oriented and rationally motivated actions particularly typical for young people. As rightly pointed out by E.A. Chernykh, "among modern Russian youth, as evidenced by the results of the sociological research, a proper identification of oneself and one's interests with society are not shaped, that, in turn, raises a consumer attitude to society, without a developed sense of social responsibility and citizenship. A significant part of the youth identifies its "citizenship" only with formal affiliation to the state" [3]. In this context, it is permissible to talk about differentiation of the foundations of civilian oversight and strengthening its dualism.

Thus, in considering civilian oversight as a network mechanism of practical implementation of social capital, we believe that due to the nature of social capital, a factor of culture, mentality, i.e. an axiological aspect, play a crucial role in its implementation.

It should be noted that the concept of "citizen" underlies the notion of "civilian control", and in many ways defines its essence, separates it from other similar concepts. Thus, in our view, the citizens could be more usefully discussed as "agents" of civilian oversight, rather than as subjects. P. Bourdieu, in this regard, stresses that "the concept of "subject" is used in the widespread perceptions of "models", "structures", "rules", when the researcher seemed to take an objectivistic view, considering the subject as a puppet which is managed by the structure and is deprived of

its own activity. In this case the subject is considered as the one who implements a conscious focused practice, obeying a specific rule". However, Bourdieu's agents "are not automata, structured like a clock in accordance with the laws of mechanics that they did not know. The agents have policies – peculiar systems of practices, driven by a goal, but not guided deliberately by this goal" [2].

In this regard, it is important to examine not only the technological component of civilian oversight, but also the motivational and estimation component.

The main content. Civilian oversight at the local level is characterized by a certain degree of dualism. It is primarily in that, on the one hand, the need for civil oversight is felt by citizens (as shown by the results of the study "Diagnostics of consolidation potential of the values of justice in the implementation of civilian control in the practice of local self-government" held by a team of young scientists of Belgorod State National Research University in 2017 (N = 1000), 73.35 % of respondents are convinced of the need for the oversight by the population over activities of the local government), on the other hand, 50.00 % of inhabitants of municipalities acknowledge their unwillingness to participate in its implementation. Many managers and municipal employees are not ready to introduce mechanisms of civil oversight in their management activities, that does not allow to turn it into a system and efficient organization.

Assessment of the population's readiness to implement the civilian oversight at the local level was carried out by us with the use of several criteria: a normative and value-based criterion, a criterion of feedback, as well as a motivational and estimation criterion.

The motivational and estimation criterion requires identifying the specificity of the perception of civilian control as a viable technology, a desire to participate in it; the motives for participation and preferred forms. The usefulness of its allocation is determined by the fact that only in the presence of the

motivations behind people goes to real action in the control. The motivation is usually closely related to the assessment of supervisory practices.

The motivational and estimation component of civilian oversight can be made explicit by the inducement of people to it, underpinned by commonality of values and interests of municipal community and willingness to cooperate.

The results of the author's study show only 8.58 % of respondents to the question "would you like to participate in the monitoring authority at the level of your city (town, village)?" answered "definitely yes". Much more, namely 20.03 % of the people in Belgorod are not willing to participate in monitoring activities, and selected answer "definitely not." Thus, a third of the surveyed citizens express the extreme position, while more than 50 % of respondents selected such options as "more likely than not (29.33 % respectively) and "probably would not" (30.62 % respectively). Note, these answers are not unequivocal, but suggest that under certain conditions, and with a ratio of motive, value and goal sets, an individual is ready to participate in monitoring activities.

In order to identify a differentiated and to some extent real picture of the motivation of the population to civilian oversight, it is advisable to separate the groups of respondents according to their degree of activity and focus on such activity in relation to the interests of society as a whole. To do this, we select several types of motives:

- selfish (aimed at solving their own problems and implementation of private interests);
- societal (aimed at solving social problems, the protection of the rights and interests of the local community);
- corporate (aimed at lobbying and protecting the interests of narrow professional or business communities).

The study has revealed that the population's desire to exercise civilian oversight over the activities of local authorities is primarily explained by such motives as: chang-

ing to a better life in their town (township or village) (52.87 %), the desire to solve an issue citizen is interested in, to defend their rights and interests (41.00 %); the desire to feel responsible for what happens in a town, locality (36.78 %). For 22.22 % of respondents, the desire to exercise civilian oversight is expressed by the need to express their citizenship. 19.54 % claim that they are simply interested in monitoring the process, and for 15.33 % of respondents the primary motive for oversight over authorities is an attempt to exercise influence. Thus, formally the societal motives prevail, but the paradox of the modern development of Russia is that these motives again remain predominant in the field of abstract intentions. In practice, they can be turned into individualistic attitudes and orientation, being implemented almost exclusively in the private sphere, which is determined by the exclusion of the people from most social institutions and, consequently, low trust to these institutions. The exclusion creates a significant obstacle to rationally reasoned civic participation. In these circumstances, it becomes theoretically possible only on irrational (quasi-ideologic) basis. However, due to the fact that almost all ideologies in modern Russia are discredited, this option seems unlikely.

Despite the formal priority of the societal motivation, there currently prevails *the situational egoistic motivation* to participate in civilian oversight, expressed in manifestations of a non-systemic, chaotic and situational civil activity of individuals, small groups, or administratively constructed structures¹. The first model has both positive (lack of personal commitment and agreements lim-

¹ One such structure is the Russian people's front, a coalition of social forces that share values. It includes associations and organizations representing people of different social status. There is now a positive experience of the work of the front, associated with the examination of regulations, the budget analysis, etc. However, despite the positive experience of civilian participation, cannot be ignored, that it is created by the authorities.

iting choice) and negative outcomes, as the potential of an individual at the lower levels of the social hierarchy, as a rule, is less than the potential of a team. The second model in most cases represents the imitation of control, since it applies only to the administratively allowed objects with predictable results.

However, the motivation for civil activity (both in public life and in addressing issues of local importance) significantly depends on the expected results, on the availability of real leverage to the people. A concrete result of these efforts should be visible for participants of civil control in form of developed, adopted, implemented solutions that correspond to their views, above all, to the perception of fairness. Otherwise people will find plenty of reasons to justify their passivity [9].

The main reasons for refusal to participate in civilian oversight, according to respondents, are the lack of time (36.93 %), the lack of clarity about the content of civilian oversight (23.01 %), the lack of interest in public life (16.48 %). Note that for 4.26 % of respondents the reason for refusal to participate in the implementation of civilian oversight was the fact that they have already taken part in it, but it turned out to be unproductive.

In general, the definition of "antimotives" by citizens can be adequately applied to the overall situation. As noted by E. Markvart: "today, we can clearly say that in Russia there was developed a very peculiar system, which can be described as *"self-government without self-organization"*. Explanations of this situation are always roughly the same and are reduced to finding the growing "tycoonization" of local government, its service to the interests of local elites", rather than citizens. [8] "the current system of the local government in the Russian province allows its actors to focus not only on achieving public interest goals, but also successfully implement their personal and/or corporate interests. The latter motive is hardly the most common in the space of municipal policies that have a wide range of possibilities of using official position and/or relationships with

carriers of public authority for personal gain" [6]. The consequence of this situation is the growing alienation of local authorities from citizens. According to the inquiry conducted by the Institute for Sociology of the Russian Academy of Sciences "Civilian activism: new actors of the socio-political action" conducted in January 2014, the vast majority of Russians, and in completely different types of settlements – 75-85% – agree that the population of their region, city, town is unable to influence the decisions made by the authority on issues of importance to them.

However, this is only one side of the case, obvious enough, and described many times. Much rarer, researchers wonder whether the citizens themselves need to address development issues and problems of its locality, whether they possess sufficient information about the "problem areas" of their territories, under what conditions and in what forms they are ready to be included in the process of solving local problems [7].

If we look at these figures from a purely formal side, the main explanation for the refusal to participate in civilian control is the lack of knowledge about its forms and methods, or confidence in their futility. However, in the context of the above analysis, the axiological foundations of civilian control have a reason to believe that participation is not valuable, activism does not fit into the value semantic concept of the citizen of Belgorod, and that is what makes citizens reluctant to participate in monitoring practices, or to simulate the participation under the influence of external circumstances [4].

The conviction of citizens that they cannot change anything by engaging themselves in various forms of civic activism and a lack of real-world examples of effective civilian oversight are significant barriers in the process of turning capacity civic engagement into specific civil actions. The low daily involvement of citizens in public life (and this be one of the results of social transformations in Russia) is increasingly the result of their "rational choice": If the socio-political activity is not tangible or the career

benefits are low, this activity is excluded from their lives. For this reason, this activity does not receive proper development and it uses the forms of social activity operating on a permanent basis: trade unions, parties, Territorial Self-Governments, Condominium Partnerships, charities, communities of interest, and recreational associations.

Conclusions. Thus, the motivational and estimation component is one of the most important and complex development indicators of civilian oversight system. The difficulty lies primarily in the fact that, on the one hand, there is a real need and public interest in civil control, with different conditions, to facilitate the integration of citizens in the community of varying degrees of formalization. Moreover, usually the situationally-selfish motivation is the predominant type of motivation of citizens. As R. Dahl rightly points out, it is much clearer to citizens what it is useful and beneficial for them than for society as a whole. That results in incentives for acting in their own interests are stronger than motives for acting for the public good. If citizens realize their own interests, natural egoism will inevitably push them to act in such a way as to ensure these interests. If some of the citizens believe that their own interests are in conflict with the interests of society as a whole, then their desire to promote these interests will be severely undermined. Altruistic behavior is always provided with more difficulty than actions in personal interests [5].

But in Russia, in the minds of the majority of the population a commitment to value-rational behavior is manifested, and this, on the one hand, creates a barrier to participation in civilian oversight under the borrowed in the West concept of its rational organization. On the other hand, since inertia trail increasingly fades, the societal motivation to participate is dropping.

References

1. Bourdieu, P. (1993), *Sociology of policy*, Socio-Logos, Moscow, Russia.

2. Cornwall, A. (2002), "Locating citizen participation", *DS Bulletin*, Vol 33, No 2, 49-58, DOI: 10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x

3. Chernykh, E. A. (2012), *The formation of the civil identity of youth under social uncertainty of Russian society*: Author's abstract of Ph.D. thesis in sociological science: 22.00.04. Rostov-na-Donu, Russia.

4. Davtyan, D. (2015) *Implementation of civilian control in the practice of local self-government*. Thesis for a Candidate Degree in sociology. 22.00.08. Belgorod, Russia.

5. Dahl, R. A. (1992) "The Problems of Civic Competence", *Journal of Democracy*, 3 (October), 45-59.

6. Gaidukov, R. I. (2012), *Integration of territorial public self-government in municipality*: Thesis for a Candidate Degree in sociology: 22.00.08. Belgorod, Russia.

7. Khripkov, K. A. (2018), "The analysis of communication aspect in the local self-organization system", *Theory and practice of social development*, Iss. 11, <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.11.10> (in Russ.).

8. Markvart, E., Savranskaja, O. L., Shugrina, E. S., Kokin, I. A. (2015), Report on research work on the theme "Improving the forms and mechanisms of participation of residents in local government", Moscow, Russia.

9. Petukhov, V. V. (2011), "Value palette of modern Russian society: 'ideological porridge' or search for new meanings?" *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1(101), January-February, 6-23 (in Russ.).

The article is written under with funding from Russian Foundation for Basic Research. Grant "Diagnostics of consolidation potential of the values of justice in the implementation of civilian control in the practice of local self-government" No 17-33-01031-ОГН

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Диагностика консолидационного потенциала ценности справедливости в реализации гражданского контроля в практике местного самоуправления» №17-33-01031-ОГН

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов:

авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTORS:

Dianna V. Davtyan, PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Social Technologies, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; davtyan@bsu.edu.ru

Kirill A. Khripkov, Competitor of the PhD degree, Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; dorogi287@gmail.com

ОБ АВТОРАХ:

Давтян Дианна Вазгеновна, кандидат социальных наук, старший преподаватель, кафедры социальных технологий, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; davtyan@bsu.edu.ru

Хрипков Кирилл Александрович, соискатель, кафедры социальных технологий, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; dorogi287@gmail.com

УДК 316.4.063.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-4-0-8

Шекера Е. А.

**КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ МАРГИНАЛЬНОСТИ
НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МИГРАНТАМИ
В УРБАНИЗИРОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Факультет социологии Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного,
д. 1/3, подъезд 9, г. Санкт-Петербург, 191124, Российская Федерация; shekerak@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности взаимодействия в урбанизированном пространстве с Другими, Чужаками, Не-нами (в значении особого социального типа поведения), которое является следствием индивидуальных миграций. Даны теоретические основания отличий категорий «чужак», «маргинал», «чужаки». Анализируются следующие вопросы: в чем опасность «чужаков»? Как мигранты отстаивают свои интересы и символическую территорию в условиях ограниченности ресурсов? К чему приводят попытки «стерилизации» публичных пространств? и др. Начало рассмотрению данного вопроса в социологии положил Георг Зиммель, отмечавший главенствующую роль денег в детерминации общественной жизни. Далее вопросы чуждости стали объектом исследования Чикагской школы социологии: Роберт Парк также отмечал особую роль миграции в формировании современных обществ и появлении особого социального типа – маргинального человека. Исследованием социального типа «чужак» с феноменологической точки зрения занимался Альфред Шюц, его интересовал процесс сближения чужака с группой и происходящие при этом трансформации как в сознании чужака, так и в сознании группы. В период пика массовых индивидуальных миграций Зигмунд Бауман пишет уже не о чужаке, как об отдельном индивиде, а о чужаках, тем самым демонстрируя алармистские настроения. Также рассмотрена концепция Лин Лофланд о визуальном восприятии публичных пространств и категоризации в них чужаков на «знакомых» и «реальных», что приводит к стремлению доминирующей группы «стерилизовать» общественное пространство. Феномен «стерилизации» публичных пространств рассмотрен через попытки запрета исполнения лезгинки в общественных местах и ношения хиджабов в образовательных учреждениях России (посредством освещения в СМИ ситуаций взаимодействия с «чужаками» или характеризующихся как «ситуации социального исключения»).

Ключевые слова: чужак; маргинал; чужаки; мигрант; девиантное поведение; граница.

E. A. Shekera

**CLASSICAL THEORETICAL BASIS FOR THE STUDY
OF MARGINALITY ON THE EXAMPLE OF INTERACTION
WITH MIGRANTS IN THE URBANIZED ENVIRONMENT**

Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University, 1/3 Smolnogo St., Saint-Petersburg,
191124, Russian Federation; shekerak@gmail.com

Abstract. The article describes the features of interaction in the urbanized environment with Others, Strangers, Not-Us (in the sense of a special social type of behavior).

ior), which is a consequence of individual migrations. The article considers the theoretical basis for the differences between the categories of «Stranger», «Marginal», «Strangers», and also analyzes the following questions: What is the danger of «Strangers»? How do migrants defend their interests and symbolic territory in conditions of limited resources? What is the result of attempts to "sterilize" public spaces? etc. The study of this issue in sociology was initiated by Georg Simmel, who noted the primacy of money in the determination of public life. Further issues of alienation became the object of study of the Chicago school of sociology. Robert Park noted a special role of migration in the formation of modern societies and the creation of a special social type – a marginal person (a classic example – a man of mixed blood, since racial relations were mainly studied at that time). Alfred Schutz studied the social type of «Stranger» from a phenomenological point of view. During the peak of mass individual migration, Zygmund Bauman writes no more about the stranger, as a separate individual, but about strangers, thereby demonstrating alarmist sentiments. The author also discusses the concept of Lyn Lofland, describing the visual perception of public spaces and the categorization of strangers into "acquaintances" and "real ones", which leads to the desire of the dominant group to "sterilize" public space. The phenomenon of «sterilization» of public spaces was examined through attempts to ban the performance of lezginka in public places and wearing hijabs in educational institutions in Russia (through media coverage of situations of interaction with «strangers» or characterized as «situations of social exclusion»).

Keywords: stranger; marginal; strangers; migrant; deviant behavior; border.

Введение

Массовые миграции вследствие войн, эпидемий, стихийных бедствий и т. п. приносили с собой свой социальный порядок, и в структуру принимающего общества встраивалась группа как целое, сохраняя свой уклад жизни, но индивидуальные миграции заставляют мигранта встраиваться в новый социальный порядок самостоятельно, адаптируясь к запросам принимающего общества. Город пополняет себя посредством миграции, тем самым становясь местом сосредоточения Других, Чужаков, Не-нас, мы живем среди них, и для них мы сами являемся чужаками, поэтому необходимо вырабатывать систему взаимодействия друг с другом. Трудности адаптации нередко приводят к маргинальному поведению, которое не вписывается в представления о стандартном поведении как общества-донора, так и общества-реципиента. Рассмотрим, как люди организуют процесс взаимодействия в публичных пространствах, а также опыт «стерилизации» публичных пространств в России.

Теоретические основания исследования феномена «чуждости», «маргинальности»

Начало рассмотрению данного вопроса в социологии положил Георг Зиммель. Он дает следующее определение «чужака» – это тот, «кто сегодня приходит и завтра остается, то есть потенциальный странник, который, хотя и не отправляется дальше \в путь\, однако не совсем отказался от возможности уйти. Он обосновался в определенном пространственном окружении – или в окружении, аналогичном пространственной определенности, – но его положение в нем существенно обусловлено тем, что он не принадлежит ему изначально, что он привносит в него качества, которые не возникают и не могут возникнуть в этом пространстве» (Зиммель, 2003: 173). То есть чужак связан с местом, его роль заключается в том, что он вторгается в место, расширяя или перенося границы. Чужак опасен тем, что делает знакомое пространство непредсказуемым, поскольку является носителем иной социальной реальности.

Можно выделить основные характеристики зиммелевского «чужака»:

1. Чужак есть некий оксюморон социальной жизни, предполагающий, что далекий – близок. Хотя Г. Зиммель не использует термин «социальная дистанция», но чужак есть отражение именно этого свойства. Состояние одновременной близости и отдаленности чужака несет в себе потенциал напряжения и конфликта, поскольку взаимодействие членов группы между собой основано на предсказуемых взаимных ожиданиях, выработанных в процессе существования группы, разделяемых всеми (большинством) членами группы. В свою очередь, взаимодействие членов группы и чужака носит ситуативный, а потому непредсказуемый характер, такое взаимодействие чаще всего поверхностно и функционально.

2. Чужак не укоренен на месте, он способен пересекать границы, что делает его максимально подвижным. Он не связан ни соседскими, ни родственными, ни другими иными обязательствами, что делает его объективным. Объективность также можно понимать как свободу: объективный человек не отягощен никакими предубеждениями, которые могли бы предвосхищать его восприятие, разумение, его оценку происходящего. Чужак более свободен практически и теоретически, он рассматривает отношения менее предвзято, соотносит их с более общими идеалами и не скован в своих поступках привычками, авторитетом и пристрастиями (Зиммель, 2003: 175-176). Также свобода чужака заключается в выборе группы: он рассматривает взаимодействие с группой как с одной из многих, он может сменить группу или регулировать степень своей вовлеченности, приближаясь к центру группы или отдаляясь от него.

3. Чужак в силу временного пребывания в сообществе не заинтересован в жизни группы, его участие носит поверхностный характер. Основа взаимодействия – это денежные отношения, направленные на максимизацию прибыли. Однако чужак

может получить власть над группой посредством денег, к тому же члены группы могут наделить чужака властью над группой, полагаясь на его объективность.

4. Чужак определен через функцию, при этом его функционал по отношению к группе включает: осознание группой своих границ, сплочение группы в процессе предотвращения проникновения чужака в группу, осознание отличий членов группы от чужака и всех остальных, кто не является частью группы; функцию обмена; стимулирование и поддержание конкуренции.

И.И. Краснопольская и Г.С. Солодова (Краснопольская, Солодова, 2012: 26) поднимают вопрос о восприятии групп чужих; этот вопрос интересен в свете изучения мигрантов, поскольку местное население воспринимает их как группу, обладающую определенными характеристиками, распространяющимися на всех мигрантов: срабатывает механизм стереотипизации. У Зиммеля чужак единичен, так как под чужаком он изначально понимал торговца или ростовщика, в общем, посредника при торговом или денежном обмене. Таким образом, функция обмена – это то, что позволяет чужаку взаимодействовать с группой, но в то же время дистанцирует его от группы. Также Зиммель рассматривает ситуацию только со стороны группы, как-то в укорененную в определенном месте группу вторгается чужак, но в современном мире, где границы подвижны, а фронтиры размыты, невозможно найти четко очерченную в определенном месте группу. С точки зрения мигранта местное население – это собрание чужаков, поэтому характеристики, выявленные Г. Зиммелем в отношении восприятия группой чужака, также справедливы и в обратном направлении: мигрант воспринимает место текущего проживания прагматически, как поле удовлетворения своих потребностей (распространен вариант зарабатывания денег и возвращения на родину). Поэтому чуждость – это обоюдно испытываемое чувство и местного населения, и мигранта.

Также Г. Зиммель рассматривал проблему враждебности между людьми как изначальную потребность, склонность, присущую каждому индивиду (Зиммель, 1994: 116).

Концепция Г. Зиммеля о чужаке нашла продолжение в исследованиях Чикагской школы социологии, а также положила начало целому пласту интеллектуальных изысканий ученых по всему миру. Представители Чикагской школы социологии исследовали такое явление как «маргинальность». Следует отметить смещение смысловых акцентов в употреблении этого понятия. Несмотря на то, что слово «маргинал» происходит от латинского «*margo*» (граница, край), и в обыденном употреблении оно непосредственно связано с социальной стратификацией и используется для обозначения десоциализированных элементов общества, тем самым имея негативную коннотацию, но изначальный смысл, вкладываемый первыми исследователями маргинальности, в частности Робертом Парком, заключался в том, что маргинал находится между культурными мирами, поскольку исследовались тогда в основном расовые отношения. Маргинальный человек – это новый тип личности, возникший вследствие индивидуальных миграций. Р. Парк дал ему следующую характеристику: «маргинальный человек, как он здесь понимается, – это человек, которого судьба обрекла жить в двух обществах и в двух не просто разных, а антагонистичных культурах. <...> В данном случае можно говорить, что его разум – плавающий тигель, где плавятся и целиком или частично сплавляются две разные и невосприимчивые друг к другу культуры» (Парк, 2011: 237-238). Как отмечает С.П. Баньковская, Р. Парк, основываясь на зиммелевском чужаке, добавляет нюанс, позволяющий взглянуть на маргинала объемнее: здесь маргинал находится не просто за пределами группы, но между мирами, культурами и социальными порядками. Он не идентифицирует себя ни с одним культурным контекстом (то есть отдает себе

отчет в своем маргинальном положении) (Баньковская, 2002: 462).

Р. Парк оперирует понятием «мы-группы», которые отделены друг от друга границами; появление маргинального человека непосредственно связано с подвижностью и проницаемостью границ. Пересекая границы, индивид приобретает свойство гибридности, то есть инерционное удержание старых привычек, ценностей, представлений о социальной реальности и поверхностное принятие новых. Коммуникация между маргинальным человеком и «мы-группами» осложнена интенсификацией рефлексии, взаимодействие уже не носит интуитивного полуавтономного характера, что приводит к обострению самосознания и группового сознания, что, в свою очередь, нередко приводит к групповой мобилизации. Наиболее ярко эти процессы заметны на примере этнических мигрантов. Нахождение маргинала между группами порождает проблему – отторжение индивида как в группе исхода, так и в новых группах; в этом социальном мире у чужака нет признанного другими статуса. Как отмечает Р. Парк: «Чужак, хотя и может быть принят как полезная вещь, отвергается как гражданин, сосед и “социально равный”» (Парк, 2011: 211).

Маргинальное состояние индивида важно рассмотреть сквозь призму социального контроля. Маргинальный человек, в силу своего пограничного состояния, склонен к делинквентности. Р. Парк пишет об энергии индивида, высвободившейся в результате минимизации влияния традиций и обычаев, в связи с чем маргинальный человек становится более неуправляемым и неконтролируемым. Также Парк, ссылаясь на Фредерика Теггарта, упоминает об агрессивном самоутверждении: гипертрофированное выражение индивидуальности – одна из характерных примет всех эпох изменений (Парк, 2011: 229). Нередко принимающее общество характеризует поведение мигрантов как девиантное, которое не вписывается в представления о стандартном поведении того или

иног общества, при этом разрушаются традиционные этнические ценности (возникает инфляция традиций) (Наср, 2010: 7), внедряются новые поведенческие коды, не свойственные этнической этике как общества исхода, так и общества-реципиента. Подобное поведение вызвано тем, что приезжие стремятся как можно сильнее отличаться от местного населения, что связано с конструированием этнической границы в условиях разрозненного проживания (Барт, 2006: 18). Очень показательно высказывание одного дагестанца: «Когда рядом со мной оказываются мои земляки (в городе, в метро, магазине каком-нибудь), мне почти всегда становится стыдно. Хамством и наглостью они выделяются даже среди других кавказцев. Как отмечают сами молодые дагестанцы, причина кроется в следующем: Наши пацаны, приехав сюда, очень сильно изменяются в худшую сторону, пропадает та капля гордости, которая была у них до приезда сюда! <...> А почему портятся в худшую сторону – получают волю, свободу! Отсюда и беспредел!»¹. Как заметил Гаджи Курбанов – один из создателей организации «Содружество молодежи Дагестана» (СПб): «Порой становится стыдно за свой народ. Вседозволенность и отсутствие родительского контроля сводят с ума нашу молодежь. <...> Например, сейчас в крупных городах России никого не удивишь кавказскими танцами посреди улицы, выкриками “Аллаху акбар”. Тем самым наши ребята бросают вызов коренному населению» (Курбанов, 2010).

Лезгинка в общественных местах (особенно в торговых центрах) и вызывающее общественное поведение молодежи с Северного Кавказа также может быть опознано как описанное Зигмундом Бауманом: поскольку денег, – этих единственных знаков, на законных основани-

ях гарантирующих свободу выбора в обществе потребления, – у этих людей всегда очень мало, а иногда и вовсе нет, им приходится прибегать к тем источникам, которых всегда в достатке, чтобы произвести необходимое впечатление; они отстаивают осаждаемую территорию (по точному выражению Дика Хебдиджа) «используя непривычные ритуалы, странно одеваясь, ломая устойчивые представления, нарушая правила, разбивая бутылки, окна, головы, бросая риторические вызовы закону» (Бауман, 2005: 114-115). Подобное поведение осуждается политическими лидерами Северо-Кавказского региона. Например, 15 февраля 2012 г. в Грозном прошел Первый всероссийский съезд чеченской молодежи, на котором Глава Чечни Р.А. Кадыров призвал молодых людей своими действиями не портить имидж республики: «Танцуя лезгинку в метро или где-нибудь на площади, мы обесцениваем сам смысл танца, мы искажаем его суть. Это свидетельство того, что эти молодые люди не знают свою культуру. Нельзя вести себя вызывающе, неуважительно. Это плохо сказывается на мнении о нашем народе. Нужно думать о последствиях, которые будет иметь каждый ваш шаг. В этом и заключается ответственность перед своим народом, перед своей республикой»².

Феноменологический взгляд на процесс сближения чужака с группой предлагает Альфред Шюц, в понимании которого основная задача чужака – «корректно» интерпретировать культурный образец группы и действовать согласно ему. Под «чужаком» А. Шюц понимает взрослого индивида нашего времени и нашей цивилизации, пытающегося добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимо-

¹ Иногда мне стыдно, что я дагестанец // Мой Дагестан. 16 октября 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.moidagestan.ru/blogs/3/10 (дата обращения: 15 апреля 2010).

² Кадыров раскритиковал исполнение лезгинки в метро // Pravda.ru 16 февраля 2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.pravda.ru/news/society/16-02-2012/1108324-metro-0/ (дата обращения: 12.02.2018).

го к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается. (Щюц, 2004: 533) В качестве наиболее хрестоматийного примера А. Щюц рассматривает ситуацию иммиграции. Под «культурным образцом групповой жизни» А. Щюц понимает все те специфические ценности, институты и системы ориентации и контроля (такие, как народные обычаи, нравы, законы, привычки, традиции, этикет, манеры поведения), «которые, <...> характеризуют – а может быть, даже конституируют – любую социальную группу в тот или иной момент ее исторического существования». (Щюц, 2004: 534) Жизнь в первичной группе основана на рутинных образцах, с определенными целями и апробированными средствами; система релевантностей, разделяемая всеми (большинством) членами группы, имеет высокую степень конформности; поведение членов группы предсказуемо, что дает возможность прогнозировать исход ситуаций. С момента сближения с новой группой ставится под сомнение любое действие чужака: рутинизированное действие, опривыченность повседневных практик теряют автоматизм, и чужак вынужден постоянно сравнивать свои действия на соответствие новому культурному образцу. Чужак должен предпринимать активные действия, постоянно рефлексирова по поводу нового культурного образца, тем самым проходя процесс десоциализации.

Также к проблеме осмысления «чужака» как социального типа обратился Зигмунд Бауман, его интеллектуальные изыскания носят алармический характер. Глобализация внесла свои коррективы в нынешний облик мира, и если у Г. Зиммеля и А. Щюца чужак – это единичное явление, индивид, «вторгающийся в группу», то З. Бауман говорит не о чужаке, а о чужаках, огромной массе чужаков, которые заполняют жизненные пространства вокруг, их нельзя игнорировать, с ними нельзя не считаться, они несут в себе угрозу.

З. Бауман помещает чужака между категориями «мы» и «они», чужак – это

тот, кто не вписывается в эту привычную дихотомию, основанную на четких различиях, чужак нарушает границы, тем самым угрожая социальному порядку, он демонстрирует условность и искусственность разделительных линий. Между группами «мы» и «они» пролегает нейтральная зона, заполненная теми, кого нельзя отнести ни к категории «мы», ни к категории «они», то есть зона обитания чужаков, насыщенная ситуациями неопределенности, так как здесь не действуют ни внутри-, ни внешнегрупповые нормы и стратегии поведения. З. Бауман отмечает, что группа спланивается и определяет себя, отделяясь от остального мира, при взаимодействии с другими группами, которые входят в категорию «они»; чужаки же, наоборот, оказывают разрушительное воздействие на группу, так как они могут пересекать границы, а затем претендовать на те же блага в новой группе, которые присущи только членам группы. (Бауман, 1996: 64) Чужаки неудобны еще и тем, что они пытаются разобраться в образе жизни новой группы, задавая вопросы и заставляя членов группы задумываться о том, что казалось им понятным и естественным, тем самым образ жизни группы становится предметом обсуждения или вовсе ставится под сомнение. Подражание чужаков образу жизни новой группы приводит к остраKENению (термин введен В. Шкловским) собственной культуры в глазах группы.

Большой город есть место сосредоточения чужаков, мы живем среди них, и для них мы сами являемся чужаками, поэтому необходимо вырабатывать систему взаимодействия друг с другом. Одним из приемов, которым мы пользуемся, является «вежливое невнимание» (термин предложен И. Гофманом). Вежливое невнимание есть сознательное игнорирование окружающих, они воспринимаются как фон, как окружающая среда, можно скользить взглядом по человеку, но не задерживать его, контакт глаз может быть только мимолетным, иначе это уже нарушение личного пространства другого человека.

3. Бауман отмечает, что жизнь в городе, в толпе дает человеку свободу, но в то же время делает его бессильным и одиноким: существование среди чужаков – это искусство, имеющее столь же двусмысленную ценность, как и сами чужаки. (Бауман, 1996: 70) Как отмечает Эмори Богардус: когда крупный город описывают как «самое одинокое место» или как «самое необщительное место в мире», это выражение социальной дистанции: несмотря на физическую близость, социальная дистанция может быть огромной. (Богардус, 2003: 185).

Американская исследовательница публичных пространств Лин Лофланд, вслед за Луисом Виртом, также подчеркивает доминирование визуального восприятия городской среды, благодаря чему горожанин довольно быстро категоризирует по внешнему виду городское население, которое встречает в публичных местах. Так, по мнению Л. Лофланд, чужаки делятся на два типа: чужаки, которые не знакомы горожанину лично, но он примерно представляет, что от них ожидать, ориентируясь на внешние атрибуты и индикаторы поведения. Как правило, эти чужаки обладают похожим культурным кодом и, соответственно, ориентируются на одну систему ценностей. Второй тип – это реальные чужаки, они обладают иным культурным кодом, системой ценностей, в связи с чем невозможно предсказать, что от них ожидать, что ведет к состоянию дискомфорта, незащищенности и напряжения. (Lofland, 1973: 100) Ко второму типу относятся мигранты, которые внешне отличаются от местного населения, и таким образом мигрант стигматизируется как чужак еще до момента вступления в коммуникацию, что ставит его заранее в невыгодную позицию по сравнению с «невидимыми» мигрантами, то есть людьми, не отличающимися внешне от доминирующей группы в принимающем обществе. Доминирующая группа может навязывать свои представления о совместном проживании; так могут проводиться мероприятия по «сте-

рилизации» общественных пространств, например, в недавнее время в российской действительности возникли споры по поводу правового регулирования исполнения лезгинки в общественных местах и ношения хиджаба в образовательных учреждениях.

Правовое регулирование исполнения лезгинки в общественных местах

Официальных документов найти не удалось, но по данным телеканала «Дождь», официальный запрет на лезгинку в общественных местах действует в Ростове-на-Дону, Ставрополе и Пятигорске³. 14 декабря 2010 г. начальник ГУВД Ростова-на-Дону А. Лапин запретил исполнение лезгинки и других кавказских танцев на улицах города⁴. Этот запрет стал ответом на требования митингующих, где одним из пунктов значилось признание публичного исполнения лезгинки нарушением общественного порядка. Митинг прошел в память об убитом студенте Ростовского государственного строительного университета Максиме Сычеве, смерть наступила в результате побоев, нанесенных его сокурсником, уроженцем Ингушетии.

В апреле 2012 г. в СМИ появилась информация, что в большинстве московских ресторанов запретили лезгинку, мотивируя решение тем, что ее исполнение часто провоцирует драки⁵.

³ «Во всем Краснодарском крае лезгинка запрещена». В Геленджике полиция задержала танцующих черкесов // Телеканал «Дождь». 14 августа 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshows/videooftheday/vo_vsem_krasnodarskom_krae_lezginka_zapreshchena-442075/ (дата обращения: 12.02.2018).

⁴ На улицах Ростова запретили танцевать лезгинку // Ростов АИФ. 15.12.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.rostov.aif.ru/society/details/613368 (дата обращения: 12.02.2018).

⁵ Лезгинку выгнали из ресторанов // Московские новости. 19.04.2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mn.ru/society/ethnic/80417 (дата обращения: 12.02.2018).

Недавние события в Геленджике вызвали широкий общественный резонанс. 12 августа 2017 г. были задержаны четверо молодых людей, уроженцев Кабардино-Балкарской Республики, в отношении двоих из них были составлены протоколы по ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство, сопряженное с неповиновением законному требованию представителя власти). Как сообщают очевидцы происшествия, полицейские заявили, что танцевать лезгинку на территории Краснодарского края запрещено⁶. В ответ на эти действия 14 августа 2017 г. инициативная группа разместила петицию на платформе Change.org в адрес Конституционного Суда РФ, Генеральной Прокуратуры РФ и МВД РФ под заголовком «Отменить запрет на публичное исполнение лезгинки в общественных местах». Аннотация петиции выглядит так: «Петиция в поддержку обращения в Конституционный суд России о признании запрета на публичное исполнение танца лезгинка в Ростове-на-Дону, Ставрополе и Геленджике антиконституционным и разжигающим национальную рознь. А также о наказании мэра Геленджика Виктора Хрестина и главы полиции Вадима Чикина за антиконституционные решения, разжигание национальной розни и полицейскую жестокость»⁷. В настоящее время правовой статус регулирования исполнения лезгинки в общественных местах не утвержден, поэтому опасность деяния устанавливается сотрудниками полиции.

⁶ «Скинь видео Рамзану». Что произошло в Геленджике, где мужчин задержали после исполнения лезгинки // MediaLeaks. 15 августа 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://medialeaks.ru/1508dalex-skin-video-ramzanu-chto-proizoshlo-v-gelendzhike-gde-muzhchinzaderzhali-posle-ispolneniya-lezginki/> (дата обращения: 12.02.2018).

⁷ Гончаров В. Отменить запрет на публичное исполнение лезгинки в общественных местах // Change.org [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.change.org/p/конституционный-суд-отменить-запрет-на-публичное-исполнение-лезгинки-в-общественных-местах> (дата обращения: 12.02.2018). Как указано на сайте, в общей сложности до закрытия петиция собрала 673 подписанта. – Прим. ред.

Правовое регулирование ношения хиджабов в образовательных учреждениях

Полемика по поводу законности ношения хиджабов в образовательных учреждениях предшествовал ряд событий. Осенью 2012 г. в некоторых районах Ставропольского края ученицы перестали пускать в школу в хиджабах, тогда же Президент РФ В.В. Путин прокомментировал данные события тем, что «в ношении хиджабов в школах нет ничего хорошего, такой традиции в России, даже в мусульманских регионах, никогда не было»⁸. Итогом конфликта стало введение во всех школах Ставропольского края обязательной формы одежды классического образца. Ученикам официально запретили носить головные уборы, в том числе хиджабы, и одежду с религиозной символикой. В июле 2013 г. Верховный суд РФ по делу Ставропольского края признал законным запрет на ношение хиджабов в общеобразовательных школах региона.

Ранее, в мае 2013 г. администрация Белозерьевской средней школы Ромодановского района Республики Мордовия также приняла постановление, касающееся учениц, о запрете носить религиозные атрибуты в школе. В октябре 2014 г. Верховный суд Мордовии признал законным запрет на ношение хиджабов в школах⁹. Комментируя данную ситуацию в феврале 2015 г., глава Министерства образования и науки России Дмитрий Ливанов сообщил о действующих на федеральном уровне правилах, описывающих, как дети должны быть одеты в школе. Одно из этих правил гласит, что школьная одежда должны быть светской¹⁰. В феврале 2016 г. Верховный

⁸ Кадыров резко отреагировал на слова министра Васильевой о хиджабах в школах // BBC. Русская служба. 25 января 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.bbc.com/russian/news-38749399 (дата обращения: 12 февраля 2018).

⁹ См. там же.

¹⁰ Ливанов разъяснил запрет на ношения хиджабов в школах России // Forbes. 04.02.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.forbes.ru/news/279541-livanov-razyasnil-zapret-na-nosheniya-khidzhabov-v-shkolakh-rossii (дата обращения: 12.02.2018).

суд РФ признал законным запрет Верховного суда Мордовии на ношение в школах республики религиозной одежды и головных уборов, в том числе хиджабов. До этого решение о запрете платков приняло региональное правительство. В декабре 2016 г. – руководство Белозерьевской средней школы приняло запрет на ношение хиджабов педагогами. Вследствие ряда жалоб запрет временно приостановлен. Также Р.А. Кадыров поддержал мусульман-педагогов, раскритиковав действия чиновников системы образования. Всемирный конгресс татар также выступил с критикой, обвинив власти Мордовии в разжигании национального конфликта¹¹.

Следствием данных событий является возможность субъектов РФ, на территории которых расположены образовательные учреждения, с 2017 года самим устанавливать требования к одежде обучающихся. Однако начата разработка нормативных документов федерального уровня, касающихся регулирования допустимых видов одежды в учебных заведениях.

Заключение

Вопрос о том, как преодолеть враждебность и увидеть в чужаке индивида со своими особенностями, признать его непохожесть, остается пока без ответа. Конечно, несмотря на пессимизм концепции плюралистического общества, сформулированной Джоном Фёрниваллом, согласно которой плюралистическое общество включает «два или более общественных устоев, сосуществующих рядом в одной политической единице, но не смешивающихся друг с другом» (Furnivall, 1948), где доминирует одна из групп, но при этом оставляет широкое пространство для культурного разнообразия в религиозном и бытовом секторах социальной активности, но в котором отсутствует консенсус, как об-

щество без «общего социального спроса» (Furnivall, 1957). Город всё же не только таит в себе опасность, но и хранит ключ к взаимодействию, поскольку он представляет собой площадку для коммуникации, где можно говорить и договариваться. Признавая различия, мы уравниваем всех участников взаимодействия, что позволяет вырабатывать позитивные правила совместного проживания не только в городах, но и за пределами урбанизированных территорий.

Литература

1. Баньковская, С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.
2. Барт, Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М: Новое издательство. 2006. 200 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Бауман, З. Мыслить социологически / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 255 с.
5. Богардус, Э.С. Социальная дистанция в городе // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сб. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед.-й. Отдел социологии и соц. психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С. 179–186.
6. Зиммель, Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
7. Зиммель, Г. Эссе о чужаке // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сб. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед.-й. Отдел социологии и соц. психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С. 173–178.
8. Краснопольская, И.И., Солодова, Г.С. Восприятие чужака группой в социологии Г. Зиммеля // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 24-35.
9. Курбанов, Г.Н. Дагестанская молодежь в Санкт-Петербурге // Народы Дагестана. Республиканский общественно политический журнал. 2010. № 1. [Электронный ресурс] –

¹¹ Зубов Г. Кадыров вступился за хиджабы // Газета.ru. 26.01.2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.gazeta.ru/social/2017/01/26/10493369.shtml#page3 (дата обращения: 12.02.2018).

Режим доступа:
http://narodidagestana.ru/vipusk/3/stat/dagestanskaya_molodej_v_sanktpeterburge/ (дата обращения: 12.02.2018).

10. Наср, С.Х. Молодой мусульманин в современном мире. Пер. с перс. Д. Бибаева. М.: Изд-во «Исток». 2010. 184 с.

11. Парк, Р.Э. Личность и культурный конфликт // Избранные очерки: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2011. С. 201-216.

12. Щюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

13. Lofland, L. A World of Strangers. Order and Action in Urban Public Space. Basic Books, Inc., Publishers. New York. 1973. 223 p.

14. Furnivall, J.S. An introduction to the political economy of Burma. Rangoon: Peoples' Literature Committee & House, 1957. 449 p.

15. Furnivall, J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 568 p.

References

1. Ban'kovskaja, S. P. (2002), "Chuzhaki i granitsy: k ponyatiyu sotsial'noy marginal'nosti" [Strangers and borders: the concept of social marginality], *Otechestvennye zapiski*, 6, 457-467. (in Russ.)

2. Barth, F. (2006), *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnyh razlichiy* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.

3. Bauman, Z. (2005), *Individualizirovanoe obshchestvo* [The Individualized Society], Logos, Moscow, Russia.

4. Bauman, Z. (1996), *Mysl' sotsiologicheskii* [Thinking Sociologically], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

5. Bogardus, E. S. (2003), "Sotsial'naya distantiya v gorode" [Social distance in the city], *Sotsial'noe prostranstvo* [Social space: Interdisciplinary research]. INION, Moscow, Russia.

6. Furnivall, J. S. (1957), *An introduction to the political economy of Burma*, Peoples' Literature Committee & House, Rangoon.

7. Furnivall, J. S. (1948), *Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India*, Cambridge University Press, Cambridge.

8. Krasnopol'skaja, I. I. and Solodova, G. S. (2012), "Vospriyatie chuzhaka gruppoy v sociologii G.Zimmela" [Perception of a Stranger by a Group in the Sociology of G. Simmel], *Sociological Journal*, 4, 24-35. (in Russ.)

9. Kurbanov, G. N. (2010), "Dagestanskaya molodezh' v Sankt-Peterburge" [The Dagestan youth in St. Petersburg], *Narody Dagestana*, 1, February 10, available at: http://narodidagestana.ru/vipusk/3/stat/dagestanskaya_molodej_v_sanktpeterburge/ (Accessed 12 February 2018).

10. Lofland, L. (1973), *A World of Strangers. Order and Action in Urban Public Space*, Basic Books, New York.

11. Nasr, S. H. (2010), *Molodoy musul'manin v sovremennom mire* [A young Muslim in the modern world], Istok, Moscow, Russia.

12. Park, R. E. (2011), *Selected essays: Collection of translations*, INION, Moscow, Russia.

13. Simmel, G. (2003), "Esse o chuzhake" [Essay about a stranger], *Sotsial'noe prostranstvo* [Social Space: Interdisciplinary Research], INION, Moscow, Russia.

14. Simmel, G. (1994), *Chelovek kak vrag* [Man as Enemy], *Sociological Journal*, 2, 114-119. (in Russ.)

15. Schutz, A. (2004), *Selected Works*, ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Шекера Екатерина Александровна, аспирантка, Факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 9, г. Санкт-Петербург, 191124, Российская Федерация; shekerak@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Ekaterina A. Shekera, Postgraduate Student, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University, 1/3 Smolny St., St. Petersburg, 191124, Russian Federation; shekerak@gmail.com